

Целесообразность
закрепления в ГК РФ
обусловленного исполнения
обязательства

Темпоральные наблюдения
объема и структуры
преступности

Прекращение гражданства
Российской Федерации
вследствие совершения
преступлений или действий,
создающих угрозу
национальной безопасности:
сравнительно-правовой
аспект

ХІ МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ

«ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

С 4 по 6 апреля 2024 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) пройдет XI Московский международный юридический форум «Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы», организованный Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с ИНИОН РАН при поддержке Ассоциации юристов России.

Миссия Форума – объединить ученых и практиков, студентов, аспирантов, молодых ученых в исследованиях актуальных вопросов современности.

Пленарное заседание XI Московского международного юридического форума, которое состоится 4 апреля 2024 г. в 10:00, откроет целую серию важных мероприятий – от отраслевых конференций и круглых столов до научно-практических семинаров, презентаций новых проектов и выставок новейшей юридической литературы.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС «ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА»

5–6 апреля 2024 г. в рамках XI Московского юридического форума «Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы» пройдет Международный конгресс «Традиции и новации в системе современного российского права».

«Традиции и новации в системе современного российского права» (ТиН) – одно из самых известных и масштабных студенческих юридических мероприятий в России. Оно ежегодно проводится по инициативе Студенческого научного общества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). В работе секций принимают участие более 800 студентов разных регионов и ближнего зарубежья.

Ключевые цели Конгресса:

- выявление и анализ актуальных вопросов в области юриспруденции;
- поиск новых подходов в решении экономических и социальных проблем;
- разработка предложений по совершенствованию законодательства и юридической практики.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 77
№ 3 (208)
март 2024

В журнале публикуются статьи
по научным специальностям
группы 5.1 «Право»
(юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.
1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ISSN

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ
Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
<https://lexrussica.msal.ru>

САЙТ

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог
«Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 25.03.2024
Объем 18,25 усл. печ. л. (14,55 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ
для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 77
№ 3 (208)
March 2024

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.

Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 77
№ 3 (208)
March 2024

The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media
Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

25.03.2024
Volume: 18,25 conventional printer's sheets (14,55 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

Кораев К. Б. Целесообразность закрепления в ГК РФ обусловленного исполнения обязательства	9
Климанова Д. Д. Защита интересов бывшего члена семьи собственника приватизированного жилого помещения	22
Шавалеев М. В. Внедрение электронного коносамента в российский правопорядок. Часть II	32
Долганин А. А. Производные финансовые инструменты (деривативы) в практике хеджирования нефинансовых организаций	49

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Темпоральные наблюдения объема и структуры преступности	61
Зашляпин Л. А. Идеология недопустимости показаний подозреваемого	75

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / *COMPARATIVE STUDIES*

Долгиев М. М., Долгиева М. М. Прекращение гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступлений или действий, создающих угрозу национальной безопасности: сравнительно-правовой аспект	85
Латыпов В. С., Моругина Н. А. Обеспечение прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве по законодательству отдельных зарубежных государств	96
Володина С. В. Доверие в масштабе BRICS на примере Бразилии	107

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / *CYBERSPACE*

Холодная Е. В. О правовой концепции метавселенных	116
--	-----

ГЕНОМ / *GENOME*

Некотенева М. В., Пономарёва Д. В. Обеспечение геномной безопасности: оценка особенностей национального регулирования через призму биологической безопасности	129
--	-----

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА / *PHILOSOPHIA LEX*

Назмутдинов Б. В. Вклад истории понятий в критическое осмысление государства.	140
--	-----

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Koraev K. B. Expediency of Consolidating Conditional Fulfillment of an Obligation in the Civil Code of the Russian Federation	9
Klimanova D. D. Protection of the Interests of a Former Family Member-Owner of a Privatized Residential Premises	22
Shavaleev M. V. The Introduction of an Electronic Bill of Lading into the Russian Legal Order. Part II	32
Dolganin A. A. Derivative Financial Instruments (Derivatives) in Hedging Practices of Non-Financial Organizations	49

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Temporal Observations of the Scope and Structure of Crime	61
Zashlyapin L. A. Ideology of Inadmissibility of the Suspect's Testimony	75

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

Dolgiev M. M., Dolgieva M. M. Termination of Citizenship of the Russian Federation because of Crimes or Actions that Pose a Threat to National Security: A Comparative Legal Aspect	85
Latypov V. S., Morugina N. A. Ensuring the Rights of Minors in Criminal Proceedings under the Legislation of Certain Foreign Countries	96
Volodina S. V. Trust on the BRICS Scale as in the Case of Brazil	107

CYBERSPACE / CYBERSPACE

Kholodnaya E. V. On the Legal Concept of Metaverses	116
--	-----

GENOME / GENOME

Nekoteneva M. V., Ponomareva D. V. Ensuring Genomic Safety: Assessment of the Peculiarities of National Regulation through the Prism of Biological Safety	129
--	-----

PHILOSOPHIA LEX / PHILOSOPHIA LEX

Nazmutdinov B. V. The Contribution of the History of Concepts to the Critical Understanding of the State	140
---	-----

Целесообразность закрепления в ГК РФ обусловленного исполнения обязательства

Резюме. Исследование института обусловленного исполнения обязательства показало, что, хотя в правовых системах некоторых государств в качестве условных называются обязательства, речь идет об условных сделках. Россия — единственное государство, которое, наряду с условными сделками, установило условные обязательства в значении обязательства, которое закреплено в ст. 307 ГК РФ. Опыт использования такого подхода показал его несостоятельность, так как на практике возникают ситуации, нарушающие баланс интересов сторон договора. По этой причине Верховный Суд РФ вынужден был фактически отменить действие этой нормы, указав, что возникновение обязательства должно быть привязано не к факту наступления условия, а к предполагаемому сроку его наступления. После такого толкования условность исполнения обязательства, предусмотренная статьей 327.1 ГК РФ, перестала быть условной. Безусловная сделка является причиной (*causa*) обязательства с момента ее совершения. Это значит, что для нее несвойственно состояние подвешенности. В отличие от этого, сделка с отлагательным условием приобретает свойства причины (*causa*) только с момента наступления условия. Следовательно, для такой сделки состояние подвешенности является нормальным. Среди прочего в статье сделан вывод, что действующее правовое регулирование отношений по оказанию возмездных услуг с достижением результата осуществляется с помощью норм ст. 327.1 ГК РФ. С таким подходом трудно согласиться, так как недостижение результата услуги будет означать, что одна сторона по возмездному договору исполнила свои обязательства по совершению определенных действий или осуществлению определенной деятельности (п. 1 ст. 779 ГК РФ), а другая сторона освобождается от ее оплаты.

Ключевые слова: условная сделка; срок; условное исполнение обязательства; условие

Для цитирования: Кораев К. Б. Целесообразность закрепления в ГК РФ обусловленного исполнения обязательства. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 9–21. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.009-021

Expediency of Consolidating Conditional Fulfillment of an Obligation in the Civil Code of the Russian Federation

Konstantin B. Koraev

St. Petersburg Institute (branch) of All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
St. Petersburg State University of Economics
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. A study of the institution of conditional performance of obligations has shown that, although in the legal systems of some States obligations are called conditional, we are talking about conditional transactions. Russia is the only state that, along with «conditional transactions», has established «conditional obligations» in the meaning of the obligation consolidated in Article 307 of the Civil Code of the Russian Federation. The

experience of using this approach has shown its inconsistency, since in practice situations arise that violate the balance of interests between the parties to the contract. For this reason, the Supreme Court of the Russian Federation was forced to cancel the effect of this norm, indicating that the occurrence of an obligation should be linked not to the fact of the occurrence of a condition, but to the expected date of its occurrence. After such an interpretation, the conditionality of the fulfillment of the obligation provided for in Article 327.1 of the Civil Code of the Russian Federation ceased to be conditional. An unconditional transaction is the cause (causa) of the obligation from the moment it is made. This means that suspension is unusual for an unconditional transaction. In contrast, a transaction with a suspensive condition acquires the properties of the cause (causa) only from the moment the condition occurs. Therefore, for such a transaction, the state of suspension is normal. Among other things, the author concludes that the current legal regulation of relations for the provision of paid services with the achievement of results is carried out using the norms of Article 327.1 of the Civil Code of the Russian Federation. It is difficult to agree with this approach, since failure to achieve the result of the service will mean that one party has fulfilled its obligations under a paid contract to perform certain actions or carry out certain activities (paragraph 1 of Article 779 of the Civil Code of the Russian Federation), and the other party is exempt from paying for it.

Keywords: conditional transaction; term; conditional performance of an obligation; condition

Cite as: Koraev KB. Expediency of Consolidating Conditional Fulfillment of an Obligation in the Civil Code of the Russian Federation. *Lex russica*. 2024;77(3):9-21. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.009-021

Постановка проблемы

С 1 июня 2015 г. вступила в силу статья 327.1 ГК РФ, которая установила новый для российского гражданского права институт — обусловленное исполнение обязательства (далее — также обусловленное обязательство).

Появлению данной нормы предшествовало желание законодателя усовершенствовать институт условной сделки (ст. 157 ГК РФ). По этой причине в п. 4.1.1 Концепции развития гражданского законодательства РФ¹ было предложено: «С учетом существующей судебной практики и нужд имущественного оборота следует рассмотреть вопрос о возможном расширении понятий “отлагательное условие” и “отменительное условие” в сделках под условием». Главная задача — преодолеть складывающуюся судебную практику, которая очень строго относится к так называемым потестативным условиям, т.е. тем, которые зависят от воли сторон².

Такое предложение представляется верным, так как суды при толковании ст. 157 ГК РФ необоснованно полагали, что условие должно быть обстоятельством, не зависящим от воли сторон, и относится к будущему времени³.

Несмотря на первоначальное желание усовершенствовать ст. 157 ГК РФ, в проект была включена статья 327.1 «Обусловленное исполнение обязательства» ГК РФ. Ее появление было мотивировано тем, что иногда в судебной практике за потестативные условия ошибочно принимаются условия договорных обязательств, которые ставят исполнение обязательства в зависимость от наступления каких-либо обстоятельств, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон (так же, как это имеет место при встречном исполнении обязательства)⁴.

По указанной причине возникает вопрос обоснованности введения института обусловленного обязательства. Прежде чем ответить на него, безусловно, необходимо разобраться, что

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : одобр. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 17.06.2011 по делу № А32-33325/2010 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card?number=%D0%9032-33325/2010> (дата обращения: 26.03.2023).

⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

представляют собой «условие» и «срок» в гражданском праве и как соотносятся между собой «условная сделка» и «условное обязательство».

Понятие и признаки условия в гражданском праве

Понятие «условие» в гражданском праве употребляется в разных значениях. Применительно к настоящему исследованию под условием принято понимать «неизвестное обстоятельство, от наступления или ненаступления которого зависит существование сделки. Сама сделка, содержащая в себе такое побочное определение, называется условной...»⁵.

В качестве условия может выступать только *возможное* обстоятельство, так как относительно него не должно быть известно, наступит оно или нет. На это прямо указывается в пп. 1 и 2 ст. 157 ГК РФ, согласно которым сделка считается совершенной под отлагательным условием, если стороны поставили возникновение прав и обязанностей в зависимость от обстоятельства, относительно которого *неизвестно*, наступит оно или не наступит. Сделка считается совершенной под отменительным условием, если стороны поставили прекращение прав и обязанностей в зависимость от обстоятельства, относительно которого *неизвестно*, наступит оно или не наступит. Этим признаком данное понятие отличается от понятия «срок» в гражданском праве, который определяется календарной датой или истечением периода времени, а также указанием на событие, которое должно *неизбежно* наступить (п. 1 ст. 190 ГК РФ). Следовательно, в качестве срока может выступать только *неизбежное* обстоятельство.

Поскольку в гражданском праве понятие «условие» принято отграничивать от понятия «срок», важно установить отношение между ними с точки зрения правил формальной логики.

В первую очередь необходимо определить, являются ли они сравнимаемыми, т.е. имею-

щими общие родовые признаки, или несравнимаемыми, т.е. не имеющими таких признаков⁶. Как представляется, они сравнимаемые, так как их общим родовым признаком является то, что они являются обстоятельствами, с которыми право связывает определенные юридические последствия.

Сравниваемые понятия делятся на совместимые, которые имеют общие элементы объема, и несовместимые, которые не имеют таких элементов⁷. Поскольку срок включает в свое содержание *неизбежные* обстоятельства, а условие — *возможные*, то понятия «срок» и «условие» не имеют общих элементов объема, а следовательно, являются несовместимыми.

Между несовместимыми понятиями существует три типа отношений: соподчинения, противоположности и противоречия⁸. Думается, что между «сроком» и «условием» существуют как отношения противоположности, так как они являются крайними видами одного рода, так и отношения противоречия, так как сумма их объемов полностью исчерпывает объем родового понятия (т.е. обстоятельства, влекущего определенные юридические последствия), а содержание одного из них отрицает содержание другого (*неизбежность* обстоятельства как содержание срока отрицает *возможность* обстоятельства как содержание условия, и наоборот).

При таком соотношении понятий условия и срока трудно согласиться с мнением, что «по общему правилу ничто не мешает устанавливать в сделке срок, осложненный условием. Например, в сделке может быть указано на срок исполнения обязательства в виде некоего периода, начинающего исчисляться с момента наступления того или иного условия... Возможны и иные комбинации срока и условия»⁹. Думается, что противоположные (противоречивые) понятия не могут дополнять или осложнять друг друга. Их суть, напротив, исключать друг друга. Где заканчивается содержание одного противоположного (противоречивого) понятия,

⁵ Мейер Д. И. Русское гражданское право // URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_23.html (дата обращения: 12.04.2023).

⁶ Хоменко И. В. Основы логики : учебник и практикум для среднего профессионального образования И. В. Хоменко. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. С. 50.

⁷ Хоменко И. В. Указ. соч. С. 50.

⁸ Хоменко И. В. Указ. соч. С. 51–52.

⁹ Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. О. Батищев, А. А. Громов, А. Г. Каралетов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Каралетов. М. : М-Логос, 2022.

там начинается содержание его противоположности. Поэтому установление начала или окончания течения срока через условие есть не что иное, как в чистом виде «условие», а не срок, осложненный условием.

По этой же причине нельзя согласиться с новеллой ст. 314 ГК РФ, согласно которой период исполнения обязательства может исчисляться с момента исполнения обязанностей другой стороной или наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором. Во-первых, эта норма противоречит статье 190 ГК РФ, которая не предусматривает установления каких-либо исключений, в том числе законом. Во-вторых, практика применения указанной новеллы показала, что установление начала течения срока через условие (*«момент исполнения обязанности»*) может приводить к существенному нарушению баланса интересов сторон обязательства, т.е. к «подвешенности обязательства». Верховный Суд РФ, по сути признав такие случаи недопустимыми, указал, что по общему правилу условие о наступлении срока исполнения обязанности по оплате встречного предоставления с момента наступления обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет, является действительным. При этом указанный момент считается наступившим по истечении разумного срока, в который данное обстоятельство должно было наступить, если иной срок не установлен законом, иным правовым актом или договором (п. 27 Обзора судебной практики ВС РФ № 2 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020). Следовательно, несмотря на прямое указание закона и на то, что начало течения срока может быть определено *«моментом исполнения обязанности»* другой стороной, фактически ВС РФ привязал течение указанного срока не к факту его исполнения, а к сроку исполнения. Иными словами, если законодатель обусловил *срок через условие (факт исполнения)*, то высший судебный орган обусловил *срок через срок* исполнения обязанности другой стороны. По указанным причинам новеллу нормы ст. 314 ГК РФ нельзя признать правильной. После ее исправления ВС РФ она ничего нового в правовое регулирование не вносит, так как определить *срок* исполнения обязательства через *срок* исполнения обязанности другой стороной было возможным и по ранее действовавшему законодательству. Представляется правильным отказаться от этой новеллы, ибо ее существование находится в

противоречии с пониманием срока и условия в гражданском праве.

Действующие редакции ст. 314 и 327.1 ГК РФ похожи. Думается, что по этой причине в судебной практике сложилась позиция, согласно которой по смыслу п. 1 ст. 314, ст. 327.1 ГК РФ срок исполнения обязательства может исчисляться в том числе с момента исполнения обязанностей другой стороной, совершения ею определенных действий или с момента наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором (п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении»). В данном случае трудно согласиться с мнением, что вопрос о сроке исполнения обязательства связан со ст. 327.1 ГК РФ. Напротив, предметы регулирования норм указанных статей следует различать. Во-первых, статья 327.1 ГК РФ, допуская возможность установления обусловленного обязательства, определяет момент возникновения обязательства, в то время как статья 314 ГК РФ устанавливает срок исполнения уже возникшего (существующего) обязательства. Во-вторых, статья 314 ГК РФ обуславливает момент начала течения срока исполнения обязательства только юридическими действиями кредитора (помимо иных обстоятельств), а именно *«исполнением им обязанности»*. Статья 327.1 ГК РФ позволяет определить момент возникновения обязательства через совершение или несвершение *«одной из сторон обязательства определенных действий»* (помимо иных обстоятельств), т.е. как через юридические, так и через фактические действия, которые могут быть совершены кредитором или должником.

Следовательно, на практике следует различать предмет регулирования норм указанных статей, а не говорить о дополнении их друг другом. Обязательство может быть осложнено условием не только в аспекте момента своего возникновения, но и в аспекте срока своего исполнения. Например, договор субподряда может предусматривать, что обязанность оплатить работы возникает с момента получения подрядчиком денежных средств от заказчика (ст. 327.1 ГК РФ), а оплата производится в течение 10 дней с момента передачи субподрядчиком счета на оплату (ст. 314 ГК РФ). Единственное сближение норм указанных статей возможно, когда возникновение обязательства обуславливается *«исполнением обязанности»*

кредитором» или иным обстоятельством, с которым стороны также связывают начало исчисления срока. Как представляется, в такой ситуации будет невозможно определить, норме какой статьи следует применять — 314 или 327.1 ГК РФ?

Например, стороны предусмотрели, что работа подлежит оплате на основании выставленного подрядчиком счета. К такому соглашению следует применить ст. 314 ГК РФ или 327.1 ГК РФ? При возникновении спора между сторонами как определить, что на самом деле хотели обусловить стороны: возникновение обязательства или начало течения срока его исполнения?

Соотношение условной сделки и обусловленного обязательства

Понятие «условная сделка» находится с понятием «обусловленное обязательство» в таком же соотношении, как понятия «сделка» и «обязательство». Во-первых, они являются несравнимыми, так как не имеют общих родовых признаков. Во-вторых, между сделкой и обязательством как явлениями правовой действительности существует причинно-следственная связь, в которой сделка выступает причиной (лат. *causa*), а обязательство — следствием.

Поэтому представляется верным рассмотреть эти понятия раздельно.

Условная сделка — традиционный институт гражданского права России. Ее отличие от безусловной сделки проявляется при совершении сделок под отлагательным условием. Такая сделка (как причина (*causa*) обязательства) считается состоявшейся не в момент ее совершения, а в момент наступления условия. Это значит, что обязательства (а вместе с ними права и обязанности их сторон) как следствия сделки возникают не с момента совершения условной сделки, а с момента наступления условия. Именно тогда условная сделка становится причиной (*causa*) обязательства. Подтверждение сказанному можно найти, например, в законодательстве Германии, согласно которому если сделка совершена под отлагательным условием, ее действие, поставленное в зависимость

от условия, начинается при наступлении условия (ст. 158 Гражданского уложения Германии).

Поскольку сделка с отлагательным условием порождает обязательство только с момента возникновения условия, то возникает вопрос: можно ли условную сделку считать юридическим фактом, имеющим значение до наступления условия? Дореволюционный ученый, профессор Д. И. Мейер считал, что о такой сделке можно сказать только то, что есть нечто существующее, но это еще не сделка, ибо настоящей сделкой сделка под отлагательным условием становится лишь тогда, когда наступает условие; только тогда производит она перемену в юридических отношениях, а до того они не изменяются, следовательно, нет и сделки. Соглашаясь в общем с приведенным мнением, следует отметить, что сделка под отлагательным условием становится сделкой как причиной (*causa*) обязательства с момента наступления условия, но это не значит, что до этого момента нет никакого правового эффекта. В момент ее совершения она существует, но не как причина (*causa*) обязательства, а как юридический факт, влекущий иные правовые последствия¹⁰.

Например, согласно законодательству Германии, если лицо поставило распоряжение предмета сделки под отлагательное условие, то все последующие распоряжения, которые оно совершает в отношении этого предмета во время подвешенного состояния (*т.е. с момента совершения сделки и до наступления условия*), в случае наступления условия считаются недействительными, если они нарушают право, поставленное под условие, или препятствуют его возникновению (ст. 161 Гражданского уложения Германии). Несмотря на то что российское законодательство не устанавливает специальных правовых последствий в период подвешенности, они все равно наступают в силу общих норм. Так, согласно абз. 2 п. 3 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» пункт 2 ст. 61.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не препятствует признанию недействительной по

¹⁰ «Заключение сделки с отлагательным условием означает наступление между сторонами специального правового состояния, заключающегося в ожидании наступления оговоренного условия» (Нам К. В. Комментарий к #Глоссе. Условные сделки. Немецкий подход // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 11. С. 76).

правилам гл. III.1 данного Закона сделки под условием, совершенной в пределах периодов подозрительности, предусмотренных статьями 61.2 или 61.3 этого Закона, хотя бы соответствующее условие еще и не наступило¹¹.

В силу сказанного представляется спорным мнение, согласно которому сама сделка как юридический факт считается совершенной и до наступления отлагательного условия. Оно обосновывается тем, что с момента совершения сделки между сторонами возникает состояние связанности ожиданием наступления условия. Еще до наступления отлагательного условия стороны оказываются опутанными рядом иных обязанностей¹². Думается, что сторонники такого подхода не учитывают, что возникновение правового эффекта от совершения условной сделки является недостаточным, чтобы условную сделку можно было квалифицировать в качестве причины (causa) обязательства, так как до наступления условия не наступает самого главного правового последствия — самого обязательства.

Так как в сделках с отлагательным условием момент совершения сделки и момент ее «созревания» до причины (causa) обязательства разнесены во времени, возникает вопрос, когда такую сделку следует считать наступившей: с момента ее совершения или с момента наступления условия? Как представляется, этот вопрос не затрагивает существа условной сделки, а следовательно, может решаться по-разному в зависимости от целей правового регулирования. Например, согласно п. 2 ст. 61.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» для целей этого Закона сделка, совершаемая под условием, считается совершенной в момент наступления соответствующего условия. Для целей же законодательства о банкротстве Германии требование из сделки под отлагательным условием может быть предъявлено к конкурсной массе до наступления условия, при промежуточном удовлетворении требований кредиторов под такое требование резервируется соответствующая денежная сумма в полном размере. Однако при окончательном рас-

чете кредиторов, если вероятность наступления условия низка, такие требования считаются ненаступившими и не подлежат удовлетворению (§ 191 Закона Германии о банкротстве (Insolvenzordnung)¹³). Согласно ст. 1304-6 Гражданского кодекса Франции обязательство становится безусловным с момента наступления отлагательного условия. Однако стороны могут предусмотреть, что наступление условия будет иметь обратную силу с момента заключения договора¹⁴.

Таким образом, безусловная сделка является причиной (causa) обязательства с момента ее совершения. Это значит, что для нее несвойственно состояние подвешенности. В отличие от этого, сделка с отлагательным условием приобретает свойства причины (causa) только с момента наступления условия. Значит, для такой сделки состояние подвешенности является нормальным. Кроме того, сделка с отлагательным условием может и не приобрести свойства причины (causa) ввиду ненаступления условия, что также нормально для нее. К состоянию подвешенности или возможности ненаступления условия право относится безразлично, так как это находится в природе таких сделок и не затрагивает интересы сторон сделки.

Что касается сделок под отменительным условием, то их отличие от безусловных сделок не так сильно выражено. Момент совершения у обеих сделок совпадает. Единственное различие связано с тем, что у сделки с отлагательным условием появляется дополнительное основание ее прекращения — наступление условия.

Обусловленное обязательство представляет собой новый институт гражданского права. Он не был известен ни дореволюционному, ни советскому законодательству.

В юридической литературе высказывается мнение, что в национальном праве континентально-европейских стран под условие ставятся как договоры в целом, так и отдельные обязательства. Многие зарубежные кодификации регулируют не условные сделки, а условные обязательства (Франция, Нидерланды и др.)¹⁵.

¹¹ Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

¹² Нам К. В. Указ. соч. С. 77.

¹³ URL: https://www.gesetze-im-internet.de/inso/_191.html (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁴ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070721/LEGISCTA000006118073/#LEGISCTA000032041884 (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁵ Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Приведенное мнение представляется спорным.

Действительно, раздел I главы IV титула III книги III старой редакции Гражданского кодекса Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 назывался «Об условных обязательствах»¹⁶. В действующей редакции глава I титула IV книги III называется «Условия обязательства (Les modalités de l'obligation)», а раздел I указанной главы — «Условное обязательство» (L'obligation conditionnelle)¹⁷. Как известно, исторически развитие голландского права связано с французской системой. Нидерланды традиционно признаются «юридической дочерью Франции»¹⁸. По этой причине раздел 5 Гражданского кодекса (книги 6) Нидерландов называется «Условные обязательства»¹⁹.

Однако все выше указанное не означает, что правовые системы Франции и Нидерландов под условными обязательствами понимают то же самое, что и статья 327.1 ГК РФ. В юридической литературе совершенно справедливо отмечается, что содержание понятия «обязательства» в правовых системах Франции и России не тождественно. Например, Д. И. Мейер писал: «Мы употребляем это слово [обязательство] в значении подобного определения сделки в том же смысле, какой имеет римское *modus* или французское *la modalité* (как указывалось ранее, название гл. I ГК Франции — “**Les modalités de l'obligation**”. — К. К.), тогда как в собственном его значении это слово имеет у нас другой смысл — смысл права на чужое действие, составляющего в очень многих сделках существенное их содержание. <...> обязательство (*modus*) дает сделке лишь точнейшее, но не характеристическое определение»²⁰. В современной литературе указывается, что при решении вопроса об отграничении «обусловленного исполнения обязательств» от «условной сделки» существен-

но установление так называемой терминологической чистоты научного исследования, так как большинство зарубежных правовых порядков оперируют такой категорией, как «условное обязательство», в то время как отечественный законодатель использовал лишь термин «условные сделки»²¹.

Подтверждением указанному выше является судебная практика Франции. Так, согласно судебному акту Кассационного суда по гражданским делам (Гражданская палата 1, 26.09.2018, дело № 17-11.023) г-н Х. в присутствии и при содействии агента по недвижимости поручил передать намерение о покупке следующего содержания: «Мистер Х. заявляет о своей заинтересованности в приобретении офисов, принадлежащих DATA FOOT SARL в лице г-жи Даниэль Д. Г-н Х. предлагает приобрести указанную недвижимость по цене 258 000 евро, включая комиссию за переговоры в размере 13 000 евро, подлежащую уплате покупателем. Покупка будет зависеть от условия — получения ссуды для оплаты имущества».

Продавец принял предложение. Однако сделка не состоялась ввиду непредоставления ссуды. Г-жа Даниэль Д. обратилась в суд за взысканием убытков, вызванных тем, что рыночная стоимость имущества за период ожидания снизилась. Нижестоящие суды удовлетворили требования истца. Суд кассационной инстанции признал такое решение незаконным и отказал в иске, указав: «Общее намерение сторон состояло в том, чтобы согласовать *предложение о покупке* (курсив наш. — К. К.) с отлагательным условием в отношении получения ссуды; условия покупки были совершенно неизвестны, так как обязательство г-на Х. зависело от будущего неопределенного получения ссуды. Следовательно, апелляционный суд нарушил статью 1168 Гражданского кодекса в ее формулировке»²².

¹⁶ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М. : Инфотропик Медиа, 2012.

¹⁷ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/2023-04-12/ (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁸ Правовая система Нидерландов / отв. ред. В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова. М. : Зерцало, 1998. С. 33.

¹⁹ URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0005289/2023-01-01> (дата обращения: 12.04.2023).

²⁰ Мейер Д. И. Указ. соч.

²¹ Васнев В. В. Природа условного обязательства до разрешения отлагательного условия // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12. С. 23 ; Захаркина А. В. Позитивация института обусловленного исполнения обязательств как необходимое условие повышения инвестиционной привлекательности российской правовой системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 2. С. 240–263.

²² URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000037474030?fonds=JURI&page=1&pageSize=50&query=L%27obligation+est+conditionnelle&searchField=ALL&searchType=ALL&tab_selection=all&typePagination=DEFAULT (дата обращения: 12.04.2023).

Таким образом, из данного судебного акта следует, что под отлагательное условие было поставлено не отдельное обязательство, а договор о покупке в целом. Суд указал на нарушение ст. 1168 ГК Франции, согласно которой *обязательство является условным*, когда оно ставится в зависимость от будущего события, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет, с тем чтобы либо отсрочить обязательство до того момента, когда это событие наступит, либо прекратить его, сообразно тому, наступит событие или нет.

В другом деле суд Франции указал: «Обязательство является условным, когда оно зависит от будущего неопределенного события, что в настоящем деле обещание от 28.12.2001, повторенное 15 января 2002 г., предусматривало обязательство компании DDB & Co приобрести акции г-на Х. с 1 января 2006 г., за исключением “случая, когда г-н Х. прекратит все функции по какой бы то ни было причине в компаниях, входящих в группу DDB”. Таким образом, договор предусматривал *обязательство по покупке* (курсив наш. — К. К.), которое ложилось на компанию DDB & Co в зависимости от будущего неопределенного события, так что, решив, что условного обязательства не было, апелляционный суд нарушил ст. 1168 Гражданского кодекса, вместе со ст. 1134 того же кодекса»²³ (Кассационный суд по гражданским делам, Хозяйственная палата, 8 ноября 2016 г., дело № 14-29.770).

В данном деле мы также видим, что под условие поставлено не отдельное обязательство, а договор о покупке в целом, который судом назван обязательством по покупке акций. Суд также сослался на нарушение ст. 1168 ГК Франции.

Аналогичные выводы можно встретить в других решениях (например: Кассационный

суд, Гражданский суд, Общественная палата, 10.04.2013, дело № 11-25.844²⁴; Апелляционный суд Бастии, Гражданская палата 1, 24.01.2005²⁵).

Подтверждением сказанному также может служить переведенная на русский язык доктором юридических наук Е. А. Флейшиц работа французского ученого Л. Жюллио де ла Морандьер «Гражданское право Франции»²⁶, в которой обусловленные обязательства называются «условными сделками».

В качестве другого примера, обосновывающего не сущностное, а терминологическое различие между понятиями «условное обязательство» и «условная сделка», можно привести законодательство Швейцарии. Согласно ранее действовавшей редакции глава 2 раздела IV части 5 Гражданского кодекса²⁷ называлась «Условные обязательства». Несмотря на это, статья 151 этого кодекса гласила, что *договор* считается заключенным под условием, если возникновение обязательств поставлено в зависимость от наступления обстоятельства, о котором неизвестно, наступит оно или нет. Согласно действующей редакции глава 2 Гражданского кодекса называется «Условие» (Die Bedingungen) и находится в разделе IV части 5, который называется «Особые виды обязательств» (Besondere Verhältnisse bei Obligationen). Несмотря на это, действующая редакция ст. 151 гласит, что *договор*, возникновение обязательств из которого зависит от какого-либо неопределенного факта, называется условным (Ein Vertrag, dessen Verbindlichkeit [обязательство] (перевод и курсив К. К.) vom Eintritte einer ungewissen Tatsache abhängig gemacht wird, ist als bedingt anzusehen)²⁸.

Таким образом, несмотря на то, что законодательство Швейцарии использует понятие

²³ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000033378446?isAdvancedResult=&page=3&pageSize=10&query=L%27obligation+conditionnelle&searchField=ALL&searchProximity=&searchType=ALL&tab_selection=all&typePagination=DEFAULT.

²⁴ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000027307894?fonds=JURI&page=1&pageSize=50&query=L%27obligation+est+conditionnelle&searchField=ALL&searchType=ALL&tab_selection=all&typePagination=DEFAULT.

²⁵ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000006945373?isAdvancedResult=&page=3&pageSize=10&query=L%27obligation+conditionnelle&searchField=ALL&searchProximity=&searchType=ALL&tab_selection=all&typePagination=DEFAULT.

²⁶ Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции / пер. с фр. и вступ. ст.: Е. А. Флейшиц. М. : Инстр. лит., 1958. Т. 1. С. 613–621.

²⁷ Швейцарский обязательственный закон. Федеральный закон о дополнении Швейцарского гражданского кодекса (Часть пятая: Обязательственный закон): от 30.03.1911 (по состоянию на 1 марта 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

«условное обязательство», оно ставит под условие договор в целом, а не отдельное обязательство в значении ст. 307 ГК РФ. Кроме того, на примере законодательства указанной страны можно видеть, как понятие «обязательство» используется в двух значениях:

— в значении «подобного определения сделки»²⁹, которое обозначается понятием *Obligation* (как указывалось ранее, название разд. IV — «Особые виды обязательств» (*Besondere Verhältnisse bei Obligationen*));

— в значении права на чужое действие (ст. 307 ГК РФ), которое обозначается понятием *Verbindlichkeit* (как указывалось ранее, статья 151 гласит: «Ein Vertrag, dessen *Verbindlichkeit* vom...»).

В заключение исследования этого вопроса следует отметить, что наша юридическая литература и практика также знают случаи употребления понятия обязательства в значении «подобного определения сделки». Так, В. Голевинский, исследуя происхождение и классификацию обязательств, выделял условные и безусловные обязательства. Под условными он понимал обязательства, которые возникают из условных договоров, т.е. таких, которые поставлены в зависимость от событий, относительно которых неизвестно, сбудутся они или нет³⁰. Помимо этого, раздел IV части II ГК РФ называется «Отдельные виды обязательств». В данном случае понятие «обязательство» используется законодателем не в узком смысле, в значении ст. 307 ГК РФ, а в широком, подобно французскому *Les modalités* или швейцарскому *Obligation*.

Таким образом, из сказанного выше следует, что правовые системы разных государств, используя разные термины («условное обязательство» или «условная сделка»), обозначают одно и то же правовое явление, которое в системе российского права называется «условная сделка». При таких обстоятельствах можно сделать вывод, что только право России, наряду с «условной сделкой», выделяет «условное обязательство» в значении обязательства, которое ему дает норма ст. 307 ГК РФ.

Поскольку такой институт уникален для РФ, возникает вопрос, какими основными чертами он должен обладать? Как представляется, для возникновения условного обязательства недостаточно лишь заключения договора. Для этого дополнительно требуется наступление условия. При этом, как и в случае с условной сделкой, возникновение условия может затянуться на продолжительный срок или вовсе не наступить. На практике это означает, что в рамках возмездного договора³¹ после исполнения обязательства одной из сторон может возникнуть ситуация продолжительного неисполнения обязательства другой стороной или вовсе перестанет существовать возможность исполнения, когда станет очевидным, что условие не наступит.

В этом проявляется принципиальное отличие условной сделки от условного обязательства в значении ст. 327.1 ГК РФ. Например, если стороны договора купли-продажи поставят его под отлагательное условие, то ненаступление этого условия не представляет никакой проблемы с точки зрения политико-правового соображения, на что указывалось ранее. Если же стороны такого договора поставят под условие обязательство по оплате товара, то передача такого товара и его неоплата представляют собой проблему политико-правового соображения: допустима ли такая модель поведения по возмездным договорам?

Ответ на этот вопрос дала судебная практика. Согласно постановлению Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.03.2022 № 15АП-2352/2022 по делу № А53-22981/2021, «...по прошествии разумного срока наступления определенного сторонами условия истец вправе требовать оплаты по договору *вне зависимости от фактического его наступления* (курсив наш. — К. К.). Иное толкование положений ст. 327.1 ГК РФ свидетельствовало бы о существенном нарушении баланса интересов контрагентов (курсив наш. — К. К.)». Следовательно, исполнение обязательства по возмездному договору только одной стороной договора

²⁸ URL: https://fedlex.data.admin.ch/filestore/fedlex.data.admin.ch/eli/cc/27/317_321_377/20230209/de/pdf-a/fedlex-data-admin-ch-eli-cc-27-317_321_377-20230209-de-pdf-a.pdf.

²⁹ Мейер Д. И. Указ. соч.

³⁰ Голевинский В. О происхождении и делении обязательств. Варшава : Типография Осипа Бергера, 1872. С. 174.

³¹ Как представляется, применительно к безвозмездным договорам нет практической необходимости ставить под условие единственное обязательство. При заключении таких договоров под условие необходимо ставить сделку в целом.

является недопустимым и нарушающим баланс интересов сторон.

В качестве решения этой проблемы в юридической литературе предлагалось установить правила устранения состояния вечной подвешенности путем «...выведения в качестве подразумеваемого разумного срока ожидания наступления условия, по прошествии которого при ненаступлении условия должна наступить правовая определенность, а условность правоотношения отпасть по тому или иному сценарию»³². Такой подход представляется спорным. Обязательная, а не добровольная привязка условия к сроку противоречит сущности условия, сомнительность существования которого составляет его главную черту, и только будущее решает, будет оно существовать или нет³³.

Проблема состояния вечной подвешенности или же неисполнения обязательства при ненаступлении условия возникла с принятием ст. 327.1 ГК РФ. До этого момента, когда российское законодательство устанавливало только условную сделку, она не была известна ни теории, ни практике российского права. Кроме того, как справедливо отмечается в литературе, «вопрос вечной подвешенности в немецком праве не стоит. Конечно, чисто теоретически проблему здесь можно вычленивать, определить и пытаться искать пути ее решения».

Однако, поскольку в практической плоскости данный вопрос, видимо, не является актуальным, то и в немецкой литературе не ведутся дискуссии о том, какой специальный правовой механизм необходимо создать и использовать для ограничения периода подвешенного состояния в ожидании наступления или ненаступления оговоренного условия»³⁴. Не существует такая проблема в праве Франции, которое устанавливает «условные обязательства». Так, согласно ранее действовавшей статье 1176 ГК Франции, если обязательство заключается под условием наступления какого-либо события в определенный срок, это условие считается погашенным, когда срок истек, а событие не наступило. Если срок не был определен, условие может быть удовлетворено в любое время; при этом оно считается погашенным лишь в том случае, когда станет очевидным, что событие не наступит. Из данной нормы сле-

дует, что французский законодатель допускает возможность ненаступления условия, а вместе с ним и обусловленного обязательства. Думается, что это связано с тем, что под «условным обязательством» в праве Франции понимается тоже самое, что «условная сделка» по нашему законодательству, на что указывалось ранее.

Таким образом, вечная подвешенность или же неисполнение обязательства при ненаступлении условия является исключительно проблемой российской правовой системы, которая была вызвана принятием ст. 327.1 ГК РФ.

Обозначенная проблема была решена ВС РФ одновременно с решением проблем, возникших при применении новелл ст. 314 ГК РФ, которые обусловили начало течения срока условием. В пункте 23 постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54 суд указал, что по смыслу п. 1 ст. 314, ст. 327.1 ГК РФ срок исполнения обязательства может исчисляться в том числе с момента исполнения обязанностей другой стороной, совершения ею определенных действий или с момента наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором. Если действия кредитора, совершением которых обусловлено исполнение обязательства должником, не будут выполнены в установленный законом, иными правовыми актами или договором срок, а при отсутствии такого срока — в разумный срок, кредитор считается просрочившим (ст. 328 или 406 ГК РФ).

Как видим, если законодатель возникновение обязательства обусловил условием, то фактически ВС РФ возникновение обязательства обусловил сроком. После такого разъяснения обусловленное исполнение обязательства перестало быть обусловленным. Теперь оно поставлено в зависимость от срока. Иными словами, статья 327.1 ГК РФ дает возможность срок возникновения обязательства определить через срок исполнения другого обязательства, что было возможно и до ее принятия.

Таким образом, исследование показало, что, хотя в правовых системах некоторых государств в качестве условных называются обязательства, речь идет об условных сделках. Россия — единственное государство, которое, наряду с условными сделками, установило условные обязательства в значении обязательства, которое

³² Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации.

³³ Мейер Д. И. Указ. соч. ; Голевинский В. Указ. соч. С. 174.

³⁴ Нам К. В. Указ. соч. С. 95.

закреплено в ст. 307 ГК РФ. Опыт использования такого подхода показал его несостоятельность, так как на практике возникают ситуации, нарушающие баланс интересов сторон договора. По этой причине Верховный Суд РФ вынужден был фактически отменить действие этой нормы, указав, что возникновение обязательства должно быть привязано не к факту наступления условия, а к предполагаемому сроку его наступления. После такого толкования условность исполнения обязательства, предусмотренная статьей 327.1 ГК РФ, перестала быть условной.

В связи со сказанным выше, представляется верным отказаться от использования в действующем законодательстве института обусловленного исполнения обязательства (ст. 327.1 ГК РФ).

Договор возмездного оказания услуг с достижением результата и обусловленное обязательство

В современном гражданском обороте заметную часть возмездного оказания услуг занимают случаи, когда их оплата обуславливается достижением определенного результата исполнителем. Наибольшее развитие такие виды услуг получили в сфере коллекторских, риелторских, юридических (например, гонорар успеха) и иных видах услуг.

Несмотря на это, ГК РФ исходит из того, что под услугами следует понимать совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности (п. 1 ст. 779). Это значит, что правовое регулирование возмездного оказания услуг не в полной мере соответствует положению вещей в этой сфере.

Появление ст. 327.1 ГК РФ дало основание считать, что оплата по договору возмездного оказания услуг может обуславливаться достижением определенного результата. Так, согласно определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.06.2017 № 41-КГ17-5, из п. 1 ст. 781 и ст. 327.1 ГК РФ следует, что исполнение заказчиком обязанности по

оплате услуг может быть обусловлено совершением им определенных действий, в том числе заключением гражданско-правовой сделки. При таких обстоятельствах вывод судов первой и апелляционной инстанции о том, что стороны договора возмездного оказания информационных услуг не вправе обусловить оплату этих услуг заключением заказчиком договора купли-продажи квартиры, показанной ему исполнителем, основан на неправильном толковании норм материального права.

Таким образом, можно сделать вывод, что действующее правовое регулирование отношений по оказанию возмездных услуг с достижением результата осуществляется с помощью норм ст. 327.1 ГК РФ. С таким подходом трудно согласиться, так как недостижение результата услуги будет означать, что одна сторона по возмездному договору исполнила свои обязательства по совершению определенных действий или осуществлению определенной деятельности (п. 1 ст. 779 ГК РФ), а другая сторона освобождается от ее оплаты.

Думается, что обозначенную проблему необходимо решать не за счет института обусловленного исполнения обязательства в значении ст. 327.1 ГК РФ, которая уникальна для правовой системы России и обоснованность существования которой подвергается сомнению в настоящей статье, а за счет совершенствования норм гл. 39 «Возмездное оказание услуг» ГК РФ. Представляется целесообразным в ст. 779 ГК РФ указать на то, что предмет договора возмездного оказания услуг, помимо совершения определенных действий или осуществления определенной деятельности, может включать в себя достижение оговоренного сторонами результата. В последнем случае обязанность исполнителя считается исполненной с момента достижения указанного результата³⁵. Следовательно, недостижение результата будет означать, что заказчик освобождается от обязанности по оплате услуги не в силу ненаступления внешнего по отношению к договору условия, а в силу неисполнения исполнителем своей обязанности по оказанию услуги.

³⁵ В такой ситуации думается, что, поскольку достижение оговоренного результата, как правило, не зависит всецело от способностей исполнителя, он должен нести ответственность за недостижение результата при наличии вины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васнев В. В. Природа условного обязательства до разрешения отлагательного условия // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12. С. 23–58.

Голевинский В. О происхождении и делении обязательств. Варшава : Типография Осипа Бергера, 1872. 302 с.

Захаркина А. В. Позитивация института обусловленного исполнения обязательств как необходимое условие повышения инвестиционной привлекательности российской правовой системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 2. С. 240–263.

Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. О. Батищев, А. А. Громов, А. Г. Карапетов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022.

Нам К. В. Комментарий к #Глоссе. Условные сделки. Немецкий подход // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 11.

Мейер Д. И. Русское гражданское право // URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_24.html (дата обращения: 12.04.2023).

Правовая система Нидерландов / отв. ред. В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова. М. : Зерцало, 1998. 432 с.

Хоменко И. В. Основы логики : учебник и практикум для среднего профессионального образования. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. 327 с.

REFERENCES

Batishchev AO, Gromov AA, Karapetov AG, et al. Karapetov AG (ed.). Fulfillment and termination of obligations: Commentary to Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos Publ.; 2022. (In Russ.).

Boytsova VV, Boytsova LV (eds.). The legal system of the Netherlands. Moscow: Zertsalo Publ.; 1998. (In Russ.).

Golevinskiy V. About the origin and division of obligations. Warsaw: Osip Berger Publishing House; 1872. (In Russ.).

Khomenko IV. Fundamentals of Logic. 3rd ed. Moscow: Yurait Publ.; 2023. (In Russ.).

Meyer DI. Russian civil law. Available at: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_24.html (Accessed: 12.04.2024). (In Russ.).

Nam KV. Comment to #Gloss. Conditional transactions. German approach. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2018;11.

Vasnev VV. Priroda uslovnogo obyazatelstva do razresheniya otlagatel'nogo usloviya [The nature of the conditional obligation before the resolution of the suspensive condition]. *Vestnik of the Supreme Arbitrazh Court of the RF*, 2012;12:23-58. (In Russ.).

Zakharkina AV. Legal Acknowledgement of the Conditioned Fulfillment of Obligations as a Necessary Condition for Increasing the Investment Attractiveness of the Russian Legal System. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2018;2:240-263. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кораев Константин Борисович, доктор юридических наук, и. о. заведующего кафедрой предпринимательского и энергетического права Санкт-Петербургского государственного экономического университета; профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)

д. 30–32, наб. канала Грибоедова, г. Санкт-Петербург 191023, Российская Федерация
2-kosta@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin B. Koraev, Dr. Sci. (Law), Acting Head of the Department of Business and Energy Law, St. Petersburg State University of Economics; Professor of the Department of Civil Law, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg, Russian Federation
2-kosta@mail.ru

Материал поступил в редакцию 26 октября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 26 декабря 2023 г.

Принята к печати 12 февраля 2024 г.

Received 26.10.2023.

Revised 26.12.2023.

Accepted 12.02.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.022-031

Д. Д. КлимановаМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Защита интересов бывшего члена семьи собственника приватизированного жилого помещения

Резюме. В законодательстве Российской Федерации закреплено право бывшего члена семьи собственника приватизированного жилого помещения, который давал свое согласие на приватизацию в пользу другого лица (лицо, не воспользовавшееся приватизацией), бессрочно проживать в жилом помещении. Природа такого права однозначно не определена и является предметом многочисленных дискуссий в доктрине. Защита интересов управомоченного лица носит противоречивый характер. В результате анализа судебной практики в статье сформулированы основные способы защиты прав лица, не воспользовавшегося приватизацией, сделан вывод о том, что ему доступны такие вещно-правовые иски, как негаторный (включая требование о вселении в жилое помещение), иск о признании права. В статье изложена позиция, в соответствии с которой право лица, не воспользовавшегося приватизацией, наряду с правами проживания в жилом помещении на основании завещательного отказа и на основании договора пожизненного содержания с иждивением, по юридической природе представляет собой ограниченное вещное право проживания в чужом жилом помещении — хабитацию, которое, в свою очередь, является разновидностью права личного пользования — узуфрукта.

Ключевые слова: жилое помещение; приватизация; ограниченное вещное право; негаторный иск; иск о вселении; иск о признании права; право бессрочного проживания; хабитация; узуфрукт

Для цитирования: Климанова Д. Д. Защита интересов бывшего члена семьи собственника приватизированного жилого помещения. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 22–31. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.022-031

Protection of the Interests of a Former Family Member-Owner of a Privatized Residential Premises

Daria D. KlimanovaKutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The legislation of the Russian Federation enshrines the right of a former family member-owner of a privatized dwelling premises who gave his consent to privatization in favor of another person (a person who did not take advantage of privatization) to live in a dwelling for an indefinite period. The nature of this right is not clearly defined and is the subject of numerous doctrinal discussions. Protection of the interests of the authorized person is controversial. As a result of the analysis of judicial practice, the author highlights the main ways to protect the rights of a person who did not take advantage of privatization and concludes that he has an access to such property lawsuits as a negatory claim (including the order to move into a residential building), and a claim for recognition of the right. The paper determines the approach according to which the right of a person who did not take advantage of privatization, along with the rights to live in a residential premises on the basis of a testamentary refusal and on the basis of a contract of lifelong maintenance with a dependent, by its legal nature represents a limited property right to live in someone else's residential premises, namely, habitation, which, in turn, is a kind of the rights of personal use or usufruct.

© Климанова Д. Д., 2024

Keywords: residential premises; privatization; limited property./ right; negatory claim; settlement claim; claim for recognition of the right; right of indefinite residence; habitation; usufruct.

Cite as: Klimanova DD. Protection of the Interests of a Former Family Member-Owner of a Privatized Residential Premises. *Lex russica*. 2024;77(3):22-31. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.022-031

В современной России неизменно актуален вопрос об удовлетворении жилищной потребности граждан. Его решение лежит в плоскости экономических, социальных и юридических отношений.

В гражданском и жилищном праве существует несколько институтов, направленных на регулирование отношений по обеспечению граждан жильем. К обязательно-правовым институтам относятся договоры найма, среди которых выделяется коммерческий, социальный, специализированный наем. К вещно-правовым институтам относятся обеспечение граждан жильем на праве собственности или ограниченном вещном праве.

К числу ограниченных вещных прав на жилые помещения в российском гражданском праве относятся право пользования жилым помещением, предоставленное по завещательному отказу (п. 2 ст. 1137 Гражданского кодекса РФ; ст. 33 Жилищного кодекса РФ); право пользования жилым помещением на основании договора пожизненного содержания с иждивением (ст. 601 ГК РФ; ст. 34 ЖК РФ); право пользования жилым помещением членами семьи собственника (ст. 31 ЖК РФ; вещно-правовой характер этого права оспаривается в доктрине¹).

В соответствии со ст. 19 Федерального закона от 29.12.2004 № 189-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» установлено право пользования приватизированным жилым помещением бывшими членами семьи собственника. Согласно приведенной статье, если в момент приватизации члены семьи лица,

приватизировавшего жилое помещение, имели равные права пользования жилым помещением и отказались от приватизации, они сохраняют право пользования им даже в случае прекращения семейных отношений, что является исключением из правила о прекращении права пользования жилым помещением при смене собственника (далее — право лица, не воспользовавшегося приватизацией).

Рассматриваемое право имеет большое значение для реализации закрепленного в ст. 40 Конституции РФ права граждан на жилище. Квалификация этого права носит дискуссионный характер. От гражданско-правовой квалификации данного права как вещно-правового или обязательно-правового зависит перечень способов защиты, которыми может воспользоваться управомоченное лицо.

Право лица, не воспользовавшегося приватизацией, обладает следующими характеристиками. Основанием его возникновения является установленный в законе фактический состав, к которому относятся такие юридические факты, как: возникновение права на приватизацию жилого помещения и оформление согласия на приватизацию в пользу другого лица. Субъектом этого права является физическое лицо, объектом — жилое помещение (квартира). Содержание рассматриваемого права составляет правомочие самостоятельного пользования жилым помещением бессрочно. Основанием прекращения права лица, не воспользовавшегося приватизацией, является смерть управомоченного лица либо самостоятельный и добровольный выезд из жилого помещения. Смена собственника жилого помещения не является

¹ Входит в перечень вещных прав на жилые помещения в соответствии с законодательством, так как и в ГК РФ, и в ЖК РФ положения о рассматриваемом праве содержатся в главах о праве собственности и других вещных правах. Кроме того, до изменений ст. 292 ГК РФ, вступивших в силу 1 января 2005 г., право членов семьи собственника обладало таким важным признаком ограниченного права, как следование за вещью. Однако после изменений, по мнению большинства ученых, утратив признак следования, это право утратило и вещно-правовой характер (см.: *Самойлов Е. И.* Видовой признак ограниченных вещных прав граждан на жилое помещение // Семейное и жилищное право. 2018. № 5 ; *Суханов Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. С. 221). Однако есть и сторонники позиции, согласно которой право пользования жилыми помещениями членами семьи собственника всё же является вещным (см.: *Гражданское право : учебник : в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2018 ; Ахметьянова З. А.* Вещное право : учебник. М. : Статут, 2011).

основанием для прекращения рассматриваемого права², в отличие от права членов семьи собственника, которое прекращается при переходе права собственности на жилое помещение в силу п. 2 ст. 292 ГК РФ. Следовательно, в отличие от права членов семьи собственника право лица, не воспользовавшегося приватизацией, обладает признаком следования.

Некоторые из рассмотренных характеристик, а именно: особенность основания возникновения, которое не носит договорной природы, сохранение права при перемене собственника (признак следования) и бессрочный характер, свидетельствуют о вещно-правовой природе права лица, не воспользовавшегося приватизацией³.

При этом, несмотря на то, что данное право имеет черты вещного, оно не носит публичного характера. Признак публичности необходим вещному праву в первую очередь для защиты интересов третьих лиц, так как именно приобретатели для целей стабильности оборота должны заранее знать, что приобретают обремененное чужим правом имущество. Отсутствие в российском законодательстве прямого указания на вещно-правовую природу права лица, не воспользовавшегося приватизацией, приводит к серьезным негативным последствиям на практике, в частности, один из таких споров стал поводом для обращения в Европейский Суд по правам человека в 2019 г.⁴, обращал на эту проблему внимание и Конституционный Суд РФ⁵. Исполнительные органы в лице Минстроя России также находят существующую ситуацию опасной для оборота,

так как информация о лицах, имеющих право на жилое помещение, нередко не доводится до покупателя. Правительственная комиссия по законопроектной деятельности одобрила инициативу Минстроя России, предусматривающую внесение в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) данных о членах семьи собственника приватизированной или кооперативной квартиры⁶.

В пункте 1 ст. 558 ГК РФ сформулирован механизм, направленный на защиту интереса приобретателя, в соответствии с которым перечень лиц, имеющих право на проживание в жилом помещении, является существенным условием договора купли-продажи имущества. Несмотря на то что данная норма действительно направлена на защиту интересов приобретателей жилых помещений, ее недостаточно для удовлетворения их интересов и интереса лица, не воспользовавшегося приватизацией, так как сформулированный в ней механизм не направлен на доступность для всех третьих лиц информации об обременении квартиры. Незаконный обход п. 1 ст. 558 ГК РФ позволяет продавцам необоснованно завысить цену жилого помещения (ясно, что обременение правами третьих лиц ведет к уменьшению цены квартиры⁷), быстро продать квартиру, воспользоваться деньгами, переданными в счет оплаты по договору купли-продажи, и только спустя время отвечать перед покупателем по требованию о признании договора незаключенным. Однако к моменту предъявления требования продавцу покупатель уже не сможет полноценно удовлетворить свой интерес. Например,

² См.: п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «Консультант-Плюс»).

³ См.: Толстой Ю. К. Жилищное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011 ; Рыбалов А. О. *Iura in re: numerus clausus vs numerus apertus* // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7.

⁴ Постановление ЕСПЧ от 15.01.2019 «Дело “Копыток (Kopytok) против Российской Федерации”» (жалоба № 48812/09).

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона “О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А. М. Богатырева».

⁶ См. об этом: URL: <https://tass.ru/obschestvo/19334799> (дата обращения: 27.11.2023).

⁷ Так, в частности, оспаривая договоры купли-продажи жилых помещений, обремененных рассматриваемым правом, приобретатели часто требуют в суде уменьшения покупной цены договора. См.: определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.03.2022 по делу № 88-4366/2022 ; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06.08.2020 № 88-3194/2020 по делу № 2-520/2019.

продавец потратит вырученные деньги или покупатель сможет вернуть деньги, но за время разрешения спора квартиры существенно возрастут в цене. Публичность права лица, не воспользовавшегося приватизацией, позволила бы сделать невозможными указанные негативные варианты развития событий, так как, зная заранее об обременении, покупатель не совершил бы подобную сделку.

В соответствии с судебной практикой лицо, не воспользовавшееся приватизацией, не может требовать признания незаключенным договора купли-продажи обремененного жилого помещения, даже если в нем отсутствует условие об обременении, которое является существенным в соответствии со ст. 558 ГК РФ⁸, поскольку бессрочное право лица, не воспользовавшегося приватизацией, существует в силу закона и не зависит от условий договора между продавцом и покупателем. Лицо, не воспользовавшееся приватизацией, не имеет возможности также оспаривать торги, по результатам которых был заключен договор купли-продажи обремененной квартиры⁹. При этом, если в договоре содержится условие об обязанности лица, не воспользовавшегося приватизацией, сняться с регистрационного учета, оно является недействительным, так как нарушает его право на проживание в жилом помещении¹⁰. Данная позиция судов представляется логичной и обоснованной, так как признать незаключенным договор может только сторона, участвовавшая в его заключении, при этом договор не может создавать обязанности для третьих лиц, которые в этом договоре не участвовали, обратное условие противоречило бы п. 3 ст. 308 ГК РФ.

Лицо, не воспользовавшееся приватизацией, может для защиты предъявить иск о признании своего права. При переходе права

собственности на жилое помещение к третьим лицам, как было рассмотрено выше, часто возникают ситуации, когда отчуждатель жилого помещения не уведомляет приобретателя о правах на него третьих лиц (в частности, управомоченного лица по рассматриваемому праву). Когда приобретатель узнает о том, что в жилом помещении зарегистрировано и имеет право проживать управомоченное лицо, он начинает оспаривать его право и требовать выселения. Именно в такой ситуации лицо, не воспользовавшееся приватизацией, может предъявить встречный иск о признании за ним права бессрочного пользования жилым помещением, который удовлетворяется судами в таких случаях¹¹.

Суды к отношениям по пользованию жилым помещением лицом, не воспользовавшимся приватизацией, применяют по аналогии ч. 3 ст. 83 ЖК РФ и указывают, что в случае самостоятельного и добровольного выезда из жилого помещения лицо, не воспользовавшееся приватизацией, теряет право пользования жильем¹². При этом суды подчеркивают, что рассматриваемые правоотношения сходны с правоотношениями из договора найма. Необходимо отметить неточность в оценке судами права лица, не воспользовавшегося приватизацией, так как оно отличается от права членов семьи нанимателя и от права членов семьи собственника жилого помещения особым основанием возникновения, бессрочным характером (независимо от изменения семейного положения) и признаком следования. При этом видится корректным ситуационный взгляд судов на прекращение рассматриваемого права. Право проживания лица, не воспользовавшегося приватизацией, установлено в законе с целью охраны права на жилище, и, когда потребность

⁸ См.: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.04.2022 по делу № 88-8815/2022.

⁹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.09.2021 № 88-16832/2021.

¹⁰ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.07.2020 № 88-10285/2020 ; апелляционное определение Нижегородского областного суда от 21.03.2023 по делу № 33-2939/2023, 2-3134/2022.

¹¹ Например: определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14.11.2022 № 88-18249/2022 ; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2021 № 88-11603/2021 ; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.02.2022 № 88-3506/2022.

¹² Определение Верховного Суда РФ от 04.08.2015 № 49-КГ15-7 ; определение Московского городского суда от 29.03.2019 № 4г-4471/2019 ; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2020 по делу № 88-2507/2020 ; решение Кстовского городского суда Нижегородской области от 26.09.2023 № 2-2391/2023~М-1171/2023.

управомоченного лица в данном жилье отпадает, его право пользования данным жилым помещением должно прекратиться. К критериям, которые суд учитывает для принятия решения о прекращении права лица, не воспользовавшегося приватизацией, относятся:

— во-первых, длительный добровольный выезд из жилого помещения;

— во-вторых, неисполнение обязанностей по содержанию жилого помещения и оплате коммунальных услуг;

— в-третьих, постоянное проживание лица в другом месте жительства, с формальным сохранением регистрации в обремененной квартире¹³.

Справедливости ради следует отметить, что аналогичная практика судов сложилась и в отношении прекращения такого ограниченного права, как сервитут¹⁴. Однако такое основание для прекращения права лица, не воспользовавшегося приватизацией, как добровольный выезд в другое место жительства, не установлено прямо в законе и применяется судами по аналогии в ситуационном порядке, что, на наш взгляд, нарушает интересы управомоченных лиц. Управомоченное лицо должно всегда заранее знать все элементы вещных правоотношений, участником которых оно является, иное существенно нарушает его интересы и приводит к отсутствию стабильности и предсказуемости его положения. Указанное основание прекращения права лица, не воспользовавшегося приватизацией, должно быть установлено в законе.

Лицо, не воспользовавшееся приватизацией, вместе с собственником жилого помещения несет солидарную обязанность по оплате жилого помещения и коммунальных услуг. При этом если собственник создает препятствия управомоченному лицу в пользовании жилым помещением, то за такой период лицо, не вос-

пользовавшееся приватизацией, не обязано вносить плату за жилое помещение и коммунальные услуги¹⁵. Лицо, не воспользовавшееся приватизацией, может предъявлять негаторный иск для защиты права пользования квартирой, в том числе, например, требовать передачи ключей от входной двери¹⁶. Управомоченное лицо может также требовать от собственника установления порядка пользования жилым помещением, в том числе, например, определения комнаты для проживания, если это позволяет конфигурация помещения¹⁷.

Вывод о вещно-правовой природе права лица, не воспользовавшегося приватизацией, предопределяет вопрос о возможности использования им такого вещно-правового способа защиты, как виндикационный иск. Управомоченное лицо могло бы предъявить его в случае, если жилое помещение поступило во владение неуправомоченного третьего лица. На практике такую ситуацию сложно представить, и соответствующих судебных дел найти не удалось, но мы допускаем возможность использования виндикационного иска управомоченным лицом в подобной ситуации. Однако, как правило, в судах идут споры между управомоченными на проживание в жилом помещении лицами и собственниками о вселении в жилое помещение, об устранении препятствий в пользовании. Дискуссионным является вопрос о правовой природе иска о вселении в жилое помещение. Так, Т. П. Подшивалов придерживается мнения о том, что этот иск является отдельным вещно-правовым иском, наряду с иском о признании вещного права или иском об освобождении имущества из под ареста¹⁸. С. А. Сеницын со ссылкой на германскую доктрину указывает на отнесение требования об устранении незаконного вселения к разновидности негаторного требования¹⁹. Е. И. Самойлов со ссылкой на ре-

¹³ Апелляционное определение Московского областного суда от 26.07.2023 по делу № 33-25741/2023.

¹⁴ См.: Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017).

¹⁵ Решение Одоевского районного суда Тульской области от 11.08.2022 по делу № 2-436/2022.

¹⁶ См.: апелляционное определение Пензенского областного суда от 29.04.2014 по делу № 33-1115 ; апелляционное определение Пермского краевого суда от 02.04.2014 по делу № 33-2585.

¹⁷ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16.12.2019 по делу № 88-1750/2019 ; апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.04.2018 № 33-6511/2018 по делу № 2-2556/2017.

¹⁸ Подшивалов Т. П. Систематизация вещных исков в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 5.

¹⁹ Сеницын С. А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. М. : Инфотропик Медиа, 2015.

шения российских судов указывает, что признаются законными требования о восстановлении права владения и пользования жилым помещением (вселении) путем удовлетворения иска об истребовании имущества у недобросовестного приобретателя и применения механизма виндикации, установленного статьями 301, 302, 305 ГК РФ²⁰. Суды, как правило, квалифицируют требование о вселении как негаторное, отказывая или удовлетворяя со ссылкой на ст. 30, 31 ЖК РФ и ст. 209, 304 ГК РФ²¹. Считаю верной квалификацию иска о вселении/выселении из жилого помещения в качестве негаторного, так как, по существу, требование лица в этой ситуации связано с восстановлением возможности спокойного пользования вещью.

В судебной практике существует разница в подходах относительно свободного распоряжения собственником жилым помещением, обремененным правом лица, не воспользовавшегося приватизацией. Так, если в отношении жилого помещения собственник заключил кредитный договор с условием установления залога на это жилье, не исполнил свое обязательство и банк требует обращения взыскания на помещение, обремененное правом лица, отказавшегося от приватизации, управомоченное лицо не может признать такой залог недействительным как нарушающий его интересы²². При этом, если собственник вселил других граждан по договору найма или безвозмездного пользования, это считается существенным нарушением прав и интересов управомоченного лица²³. Считаю, что любое распоряжение собственником жилым помещением, обремененным правом лица, не воспользовавшегося приватизацией, является нарушением прав этого лица на пользование квартирой. Свободное распоряжение собственником обремененным жилым помещением требует законодательного

запрета. Имеет значение не только качество и скорость гражданского оборота (в частности, оборота жилья), но и комфорт проживания в жилом помещении управомоченных лиц. Нельзя назвать комфортными условия, при которых управомоченное лицо вынуждено проживать с малознакомыми лицами, которых собственник случайным образом выбрал на рынке жилья.

Интересно отметить, что в законодательстве соседних стран при переходе к капиталистической системе хозяйствования происходили сходные процессы приватизации жилья из государственного и муниципального жилищного фонда, также требовалось устанавливать регулирование отношений между членами семьи в случае приватизации квартир. Так, в ст. 13 Закона Республики Казахстан от 16.04.1997 № 94-І «О жилищных отношениях»²⁴ установлено, что приватизированное жилище переходит в общую совместную собственность нанимателя и всех постоянно проживающих с ним членов семьи, при этом отчуждение жилища, находящегося в общей совместной собственности, допускается только с согласия всех собственников. В Республике Беларусь с 2016 г. прекратилась приватизация жилья. До этого отношения по приватизации регулировались Законом Республики Беларусь «О приватизации жилищного фонда» от 16.04.1992 № 1593-ХІІ²⁵, в котором рассматриваемые отношения регулировались сходным образом, как это существует сейчас в Российской Федерации. Так, в ст. 7 сказано, что члены семьи, проживавшие в приватизированном жилом помещении, но не принявшие участия в приватизации, сохраняют право пользования этим помещением. Права и обязанности этих граждан определяются жилищным и иным законодательством, действующим в отношении частного жилищного фонда. Однако в отличие от законодательства РФ в ст. 139 Жилищного

²⁰ Самойлов Е. И. Проблемы применения вещно-правовых исков как способов защиты жилищных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5.

²¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 01.02.2019 по делу № 33-1694/2019 ; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2020 по делу № 88-505/2020 ; апелляционное определение Новосибирского областного суда от 13.03.2014 по делу № 33-2276/2014 ; апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 20.01.2020 по делу № 2-196/2019(33-315/2020).

²² См.: апелляционное определение Московского городского суда от 18.12.2019 по делу № 33-56233/2019 ; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.07.2021 по делу № 88-12847/2021.

²³ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.08.2019 № 33-15052/2019.

²⁴ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1007658&doc_id2=1007658#pos=5;-98&pos2=645;-98 (дата обращения: 01.12.2023).

²⁵ URL: https://kodeksy-bel.com/zakon_rb_o_privatizatsii_zhiliwnogo_fonda.htm (дата обращения: 01.12.2023).

кодекса Республики Беларусь²⁶ установлено, что собственник должен запрашивать согласие таких лиц для отчуждения или передачи в залог жилого помещения, потому что если такие лица дали согласие и при этом не указаны в соответствующем договоре в числе лиц, за которыми при переходе права собственности сохраняется право владения и пользования жилым помещением, их право пользования жилым помещением прекращается и они подлежат выселению по требованию нового собственника.

В Республике Узбекистан отношения по приватизации жилых помещений регулируются Законом от 07.05.1993 № 846-XII «О приватизации государственного жилищного фонда»²⁷. В пунктах 3 и 4 ст. 13 этого Закона указано, что для приватизации (как и во всех рассмотренных государствах) необходимо согласие всех совместно проживающих лиц. При этом члены семьи собственника приватизированного жилья и лица, имеющие право на жилую площадь, давшие согласие на приватизацию жилья, сохраняют право пользования этим жилым помещением, с их согласия проводятся продажа или сдача в аренду приватизированного жилья. Из анализа законодательства соседних стран, в которых происходили аналогичные процессы приватизации жилых помещений, видно, что требование о необходимости согласия управомоченных лиц, не воспользовавшихся приватизацией, на отчуждение и обременения жилого помещения является обычной нормой, направленной на охрану интересов бессрочно проживающих в таком помещении лиц.

В России требование о необходимости согласия управомоченного лица для отчуждения или обременения жилого помещения установлено только в отношении пользования жилым помещением на основании договора пожизненного содержания с иждивением — в ст. 604 ГК РФ. Считаем, что такое решение законодателя не является справедливым. Право лица, не воспользовавшегося приватизацией, сходно с правом пользования жилым помещением,

предоставленным по завещательному отказу, правом пользования жилым помещением на основании договора пожизненного содержания с иждивением:

- по субъектному составу (физические лица);
- по объекту (жилое помещение — квартира);
- по содержанию (проживание в жилом помещении);
- бессрочным характером (прекращается в связи со смертью), свойственным всем перечисленным правам с признаком следования.

Все перечисленные права по своей природе представляют собой единое вещное право — *habitatio* («хабитацию») — с различными основаниями возникновения. *Habitatio* берет свое начало в римском праве, где оно признавалось разновидностью *узифрукта* (*usufructus*), который являлся разновидностью личных сервитутов. Право проживания в чужом доме (*habitatio*) предоставляло возможность проживать в чужом доме или сдавать его в наем²⁸. В современных правовых системах, относящихся к континентальной правовой семье, закреплено сходное право пользования жилым помещением. Например, во Франции отношения по пользованию жилым помещением регулируются титулом III «Об узифрукте, о праве пользования и праве проживания в жилом помещении», главой II «О праве пользования и праве проживания», Французского гражданского кодекса²⁹, данный институт представляет собой разновидность *узифрукта*. В Италии в гл. II «Право пользования и право проживания в жилом помещении» Итальянского гражданского кодекса³⁰ закреплено вещное право проживания в жилом помещении, также представляющее собой вид *узифрукта*.

В Германском гражданском уложении, в книге III «Вещное право», разделе V «Сервитуты», главе III «Ограниченный личный сервитут», § 1093³¹, содержатся нормы о праве длительного пользования жилым помещением, которое

²⁶ Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1200428> (дата обращения: 01.12.2023).

²⁷ URL: <https://lex.uz/docs/98427> (дата обращения: 01.12.2023).

²⁸ См.: Римское частное право : учебник / В. А. Краснокутский, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский [и др.] ; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Юрист, 2004.

²⁹ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр. В. Н. Захватаева. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 210–211.

³⁰ Codice Civile online. URL: <https://www.codice-civile-online.it/codice-civile/articolo-1022-del-codice-civile> (дата обращения: 30.11.2023).

хотя и представляет собой, по примеру римского права, разновидность личного сервитута, является сходным по содержанию, объекту и субъекту с французским и итальянским правом проживания в жилом помещении. Сходным образом право проживания в жилом помещении закреплено в законодательстве Швейцарии (книге IV «Вещное право», разделе II «Ограниченные вещные права на недвижимое имущество», главе II «Узуфрукт и иные личные сервитуты»³²). Управомоченным субъектом по праву проживания по гражданском законодательству перечисленных стран может быть только физическое лицо, объектом — жилое помещение, которым можно пользоваться только для удовлетворения своих жилищных потребностей и своей семьи. В большинстве стран (Франция, Италия, Швейцария) рассматриваемое право носит личный характер, не может быть уступлено или передано по наследству, в Германии же законодатель допускает передачу права проживания третьим лицам. Как правило, содержание указанного права регулируется достаточно диспозитивно, законодатели лишь ограничиваются кратким перечнем возможных прав и обязанностей собственника и пользователя, предоставляя субъектам возможность самостоятельно их определять.

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации³³ обобщалось, что право пользования жилым помещением членами семьи собственника, а также право пользования жилым помещением лица, давшего согласие на приватизацию, но не участвовавшего в ней, должны трансформироваться в такое вещное право, как социальный узуфрукт. В доктрине многими авторами подчеркивалось, что институт социального узуфрукта решит правовую неопределенность,

возникшую относительно права пользования жилым помещением членами семьи собственника³⁴. Параграф, который должен был регулировать отношения социального узуфрукта, был исключен проектом федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в раздел второй части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³⁵.

Таким образом, право лица, не воспользовавшегося приватизацией, по своим признакам сходно с ограниченными вещными правами пользования жилым помещением, которые закреплены в ст. 31, 33, 34 ЖК РФ. Все они по своей природе представляют собой единое вещное право — *habitatio* (хабитацию) с различными основаниями возникновения; *хабитация*, в свою очередь, представляет собой разновидность узуфрукта. Это право отличается от права членов семьи собственника тем, что ему присущ признак следования. Несмотря на то что право лица, не воспользовавшегося приватизацией, обладает многими признаками ограниченного вещного права, оно не является публичным, не подлежит обязательной регистрации в реестре, что требует законодательного исправления. Содержанием права лица, не воспользовавшегося приватизацией, является проживание в жилом помещении. Считаем необходимым включить в содержание обязанности собственника запрашивать согласие управомоченного лица на распоряжение или обременение жилого помещения, как это установлено в ст. 604 ГК РФ относительно права проживания по договору пожизненного содержания с иждивением.

Лицо, не воспользовавшееся приватизацией, не может требовать признания незаключенным договора купли-продажи обремененного жилого помещения или оспаривать торги, по

³¹ Здесь и далее нормы Германского гражданского уложения приводятся по: Гражданское уложение Германии : Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М. : Инфотропик Медиа, 2015.

³² Das Portal der Schweizer Regierung. URL: <https://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/19070042/202001010000/210.pdf> (дата обращения: 30.11.2023).

³³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009).

³⁴ Суслова С. И. Вещные права на жилые помещения: соотношение гражданского и жилищного законодательства // Нотариус. 2011. № 3 ; Бобровская О. Н. Социальный узуфрукт как институт удовлетворения жилищных потребностей граждан // Семейное и жилищное право. 2012. № 2 ; Бычкова Е. Ю. Право личного пользования жилым помещением: новеллы проекта Гражданского кодекса РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 2.

³⁵ Сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47538-6> (дата обращения: 30.11.2023).

результатам которых был заключен договор купли-продажи. Однако лицо, не воспользовавшееся приватизацией, в случае перепродажи квартиры, в которой оно проживает, имеет возможность предъявить иск о признании своего права новому собственнику, а также предъявить негаторный иск, в том числе с требованием о вселении в жилое помещение. Лицо, не воспользовавшееся приватизацией, несет солидарно с собственником обязанность по оплате

за жилое помещение и коммунальные услуги. Право лица, не воспользовавшегося приватизацией, может быть прекращено в судебном порядке, если это лицо добровольно выехало из жилого помещения, не исполняет обязанность по его содержанию, постоянно проживает в другом месте жительства. Указанный перечень оснований для прекращения рассматриваемого права, на который ориентируются суды, должен быть закреплён в законе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахметьянова З. А. Вещное право : учебник. М. : Статут, 2011. 360 с.
- Бобровская О. Н. Социальный usufruct как институт удовлетворения жилищных потребностей граждан // Семейное и жилищное право. 2012. № 2. С. 32–35.
- Бычкова Е. Ю. Право личного пользования жилым помещением: новеллы проекта Гражданского кодекса РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 2. С. 24–27.
- Гражданское право : учебник : в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2018. 528 с.
- Подшивалов Т. П. Систематизация вещных исков в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 5. С. 85–118.
- Римское частное право : учебник / В. А. Краснокутский, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский [и др.] ; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Юрист, 2004. 544 с.
- Рыбалов А. О. *Iura in re: numerus clausus vs numerus apertus* // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 144–162.
- Самойлов Е. И. Видовой признак ограниченных вещных прав граждан на жилое помещение // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 31–34.
- Самойлов Е. И. Проблемы применения вещно-правовых исков как способов защиты жилищных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 21–25.
- Синицын С. А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. М. : Инфотропик Медиа, 2015. 340 с.
- Суслова С. И. Вещные права на жилые помещения: соотношение гражданского и жилищного законодательства // Нотариус. 2011. № 3. С. 26–29.
- Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. 559 с.
- Толстой Ю. К. Жилищное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 192 с.

REFERENCES

- Akhmetyanova ZA. Property law. Moscow: Statute Publ., 2011. (In Russ.).
- Alekseev SS, Alekseeva OG, Belyaev KP, et al. Gongalo BM (ed.). Civil law. In 2 volumes. Vol. 1. 3rd ed. Moscow: Statute Publ.; 2018. (In Russ.).
- Bobrovskaya ON. Social usufruct as an institution for meeting the housing needs of citizens. *Family and Housing Law*. 2012;2:32-35. (In Russ.).
- Bychkova EYu. The right of personal use of residential premises: novelties of the draft Civil Code of the Russian Federation. *Family and Housing Law*. 2016;2:24-27. (In Russ.).
- Krasnokutskiy VA, Novitsky IB, Peretersky IS, et al. Novitsky IB, Pereterskiy IS (eds.). Roman private law. Moscow: Jurist Publ.; 2004.
- Podshivalov TP. Systematization of property claims in civil law. *Civil Law Herald*. 2022;5:85-118. (In Russ.).
- Rybalov AO. *Iura in re: numerus clausus vs numerus apertus*. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2018;7:144-162. (In Russ.).

Samoilov EI. Problems of application of property lawsuits as ways of protection of housing rights. *The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2019;5:21-25. (In Russ.).

Samoilov EI. The specific feature of limited proprietary rights of citizens to a residential premise. *Family and Housing Law*, 2018;5:31-34. (In Russ.).

Sinitsyn SA. Claim protection of property rights in Russian and foreign civil law: Current issues. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2015. (In Russ.).

Sukhanov EA. Property Law: A scientific and educational essay. Moscow: Statute Publ.; 2017. (In Russ.).

Suslova SI. Property rights to residential premises: the ratio of civil and housing legislation. *Notarius*. 2011;3:26-29. (In Russ.).

Tolstoy YuK. Housing Law. 2nd ed. Moscow; 2011. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Климанова Дарья Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
udoddasha@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Darya D. Klimanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
udoddasha@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 22 октября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 26 декабря 2023 г.

Принята к печати 12 февраля 2024 г.

Received 22.10.2023.

Revised 26.12.2023.

Accepted 12.02.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.032-048

М. В. Шавалеев

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Внедрение электронного коносамента в российский правовой порядок. Часть II

Продолжение. Начало см.: Lex russica. 2024. Т. 77. № 2. С. 123–139.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.123-139

Резюме. В статье анализируется возможность построения системы электронных коносаментов, юридическая сила которых обеспечивается нормами российского законодательства. Отмечается, что существующие нормы не способны удовлетворить потребности оборота и справедливое распределение рисков использования электронных коносаментов. В статье сформулированы ключевые факторы, определяющие перспективу использования электронного коносамента в торговом обороте. Среди них выделены правила, обеспечивающие нейтральность и надежность лица, осуществляющего ведение реестра электронных коносаментов; нормы, обеспечивающие невозможность обращения взыскания на электронный коносамент по обязательствам лица, ведущего реестр; уровень безопасности учета прав в отношении электронных коносаментов; размер трансакционных издержек участников торгового оборота при использовании электронного коносамента; правила, обеспечивающие контроль залогодержателя за трансфером прав в отношении заложенного электронного коносамента; удобство трансфера прав, а также возможность и последствия конверсии электронного коносамента. С учетом обозначенных критериев в статье рассматривается возможность регулирования электронного коносамента на основании уже существующего в российском законодательстве корпуса норм: по модели бездокументарных ценных бумаг и цифровых прав. Отмечается, что ни одна из этих моделей не может обеспечить эффективное функционирование электронного коносамента в отсутствие принятия целого комплекса правовых и технологических решений, без реализации которых предполагаемые преимущества перевешиваются проблемами практического применения. Описываются возможные пути перспективного регулирования электронных коносаментов в российском правовом порядке. Анализируются возможные способы гражданско-правовой защиты прав, подтверждаемых электронным коносаментом при регулировании каждой из предложенных моделей.

Ключевые слова: электронный коносамент; функциональная эквивалентность электронного коносамента; цифровые права; бездокументарные ценные бумаги; трансферт прав; конверсия электронного коносамента

Для цитирования: Шавалеев М. В. Внедрение электронного коносамента в российский правовой порядок. Часть II. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 32–48. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.032-048

Благодарности. Автор выражает благодарность А. Г. Архиповой за высказанные при написании статьи критические замечания и предложения. В то же время за любые ошибки и недочеты работы отвечает исключительно автор.

The Introduction of an Electronic Bill of Lading into the Russian Legal Order. Part II

Mikhail V. Shavaleev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Private Law Research Centre under the President
of the Russian Federation named after S.S. Alexeev
Moscow, Russian Federation

For the beginning, see: *Lex russica*. 2024.77(2):123-139. (In Russ.).
DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.123-139

Abstract. The paper analyzes the possibility of building a system of electronic bills of lading, the legal effect of which is determined under the norms of Russian legislation. The author highlights that the existing norms are not able to meet the needs of turnover and the fair distribution of risks of using electronic bills of lading. The paper elucidates the key factors determining the prospect of using an electronic bill of lading in trade. They include the rules ensuring neutrality and reliability of the person maintaining the register of electronic bills of lading, rules ensuring impossibility of foreclosing on an electronic bill of lading for the obligations of the person maintaining the register, the level of security of accounting for rights in relation to electronic bills of lading, the amount of transaction costs of participants in trade when using an electronic bill of lading, rules ensuring control of the pledgee over the transfer rights in relation to the pledged electronic bill of lading, convenience of transferring rights, as well as the possibility and consequences of converting an electronic bill of lading. Taking into account the above criteria, the author considers the possibility of regulating an electronic bill of lading on the basis of the corpus of norms already existing in Russian legislation, namely, using the model of non-documentary securities and digital rights. It is noted that none of these models can ensure the effective functioning of an electronic bill of lading in the absence of a whole range of legal and technological solutions, without which the expected advantages are outweighed by the problems of practical application. The paper elucidates possible ways of perspective regulation of electronic bills of lading in the Russian legal order and analyzes possible ways of civil law protection of the rights confirmed by the electronic bill of lading in the regulation of each of the proposed models.

Keywords: electronic bill of lading; functional equivalence of an electronic bill of lading; digital rights; undocumented securities; transfer of rights; conversion of electronic bill of lading

Cite as: Shavaleev MV. The Introduction of an Electronic Bill of Lading into the Russian Legal Order. Part II. *Lex russica*. 2024;77(3):32-48. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.032-048

Acknowledgements. The author expresses gratitude to A.G. Arkhipova for the critical comments and suggestions made during the writing of this article. At the same time, the author is solely responsible for any errors and shortcomings of the work.

Введение

Федеральным законом от 10.07.2023 № 294-ФЗ в Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации внесены изменения, закрепляющие возможность применения электронного коносамента при морской перевозке грузов.

Анализ этой новеллы позволяет прийти к выводу о том, что у данного законодательного решения отсутствует достаточная степень проработки механизма его реализации. Разработчики изменений, видимо, посчитали, что для внедре-

ния в оборот электронного коносамента достаточно просто добавить к известному институту слово «электронный» и выпущенный в цифровой форме коносамент начнет свое победоносное шествие¹.

Вместе с тем даже в первом приближении очевидно, что предложенное законодательное регулирование вряд ли станет востребованным у участников оборота.

При реализации предлагаемого решения необходимо учитывать ключевые факторы, определяющие возможность использования

¹ Подобный законодательный прием не является уникальным для российского правового порядка. Так, Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в

электронного коносамента и требующие адекватного регулирования.

Представляется, что прежде всего подобное регулирование должно быть способно достигать тех же результатов с юридической точки зрения, что и при выпуске и передаче бумажного документа.

В рамках исследования мы постараемся проанализировать возможность построения системы электронных коносаментов, юридическая сила которых обеспечивается нормами национального законодательства.

Регулирование электронного коносамента по модели бездокументарных ценных бумаг

С точки зрения системы гражданского законодательства наиболее очевидным решением для проектируемого регулирования является распространение в отношении электронного коносамента правил о бездокументарных ценных бумагах.

Решение кажется привлекательным, поскольку позволит распространить уже сложившийся в российском правовом порядке корпус норм, обеспечивающих существование и оборот бездокументарных ценных бумаг: основания возникновения прав, порядок трансферта бездокументарных ценных бумаг и специальные средства защиты¹.

Однако уже в первом приближении можно заметить, что подавляющее большинство норм российского законодательства направлено на регулирование бездокументарных ценных бумаг, удостоверяющих денежные требования или корпоративные права, логика регулирования которых значительно отличается от регулирования бездокументарных ценных бумаг, удостоверяющих иные имущественные права.

Правила, обеспечивающие нейтральность и надежность лица, осуществляющего ведение реестра электронных коносаментов

Подчинение электронного коносамента правилам, установленным в отношении бездокументарных ценных бумаг, означает, что их учет будет осуществляться профессиональными участниками рынка ценных бумаг, имеющими предусмотренную законом лицензию.

Российский правовой порядок предъявляет достаточно серьезные требования не только к соискателям лицензии, но и к процессу осуществления лицензиатами деятельности по ведению реестра ценных бумаг, что способствует укреплению доверия участников торговли к возможности использования электронного коносамента².

Кроме того, в настоящее время распространенным инструментом на рынке оборота бездокументарных ценных бумаг является страхование профессиональной ответственности лица, осуществляющего ведение реестра.

В целом риски, в отношении которых осуществляется страхование ответственности профессиональными участниками рынка ценных бумаг, сходны с рисками, которые защищены клубными системами электронных коносаментов, и включают в себя риски непреднамеренных ошибочных действий работников страхователя, проведения операций на основании поддельных документов, электронных и компьютерных преступлений, технических ошибок или сбоев программного обеспечения.

Вместе с тем следует отметить, что страховая сумма, на которую застрахована ответственность российских регистраторов, на порядок ниже, чем страховая сумма клубных систем³.

Нейтральность регистратора обеспечивается запретом совмещать деятельность по предоставлению услуг по ведению реестров с другой

российском праве закреплен новый вид неэмиссионных бездокументарных ценных бумаг — цифровые свидетельства. Хотя цифровые свидетельства являются неэмиссионными цифровыми бумагами, их учет, переход прав на них, передача в залог, а также их обременение другими способами осуществляются по правилам, установленным ГК РФ и Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» для бездокументарных ценных бумаг (п. 8 ст. 9 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ).

² На момент написания статьи Банком России в качестве регистратора лицензирована 31 организация (URL: http://www.cbr.ru/securities_market/registries/ (дата обращения: 07.12.2022)).

Все лица, получившее лицензию, обладают значительным капиталом. Уставный капитал АО «ВТБ Регистратор» составляет 310 млн руб., ООО «Реестр-РН» — 312 млн руб., АО «Статус» — 61 млн руб., АО «Независимая регистраторская компания Р.О.С.Т.» — 73 млн руб. (URL: <https://new.nfa.ru/membership/import/> (дата обращения: 07.12.2022)).

³ Так, например, страховая сумма страхования гражданской ответственности профессионального участника рынка ценных бумаг при осуществлении деятельности по ведению реестра владельцев ценных

профессиональной деятельностью на рынке ценных бумаг.

Таким образом, в условиях строгого государственного контроля и наличия реальных гарантий защиты прав участников оборота регулирование электронных коносаментов по модели бездокументарных ценных бумаг представляется допустимым.

Нормы, обеспечивающие невозможность обращения взыскания на электронный коносамент по обязательствам лица, ведущего реестр

Обладатели электронных коносаментов должны быть уверены в том, что исполнительное производство или дело о банкротстве в отношении регистратора не повлияют на возможность совершения трансакций с электронными коносаментами или не приведут к невозможности выдачи груза.

Поскольку в российском правовом порядке деятельность по ведению реестра не предполагает перехода к регистратору права собственности на ценные бумаги, в отношении которых осуществляется учет, возможность обращения взыскания на электронный коносамент в случае неисправности регистратора исключена.

Распространение правил ведения реестра бездокументарных ценных бумаг на электронные коносаменты означает учет прав на лицевом счете, открытом на имя собственника коносамента, что исключает возможность смешения активов регистратора и иных клиентов регистратора. Титул будет выступать гарантией для обладателя электронного коносамента от того, что на ценную бумагу не будут ни обращены взыскания, ни наложены иные ограничения в рамках исполнительных процедур в отношении регистратора. Это также гарантирует, что электронный коносамент не попадет в конкурсную массу регистратору при банкротстве последнего. Введение процедуры банкротства в отношении регистратора также не «замораживает» электронный коносамент, допускает возможность трансферта прав и получения по нему груза.

На практике действующее регулирование предусматривает достаточные эффективные превентивные механизмы, направленные на защиту и обеспечение прав владельцев ценных бумаг от несостоятельности регистратора.

Таким образом, российский правовой порядок содержит достаточно эффективные гарантии того, что на электронный коносамент не будет обращено взыскание по долгам регистратора, в том числе и в случае его банкротства.

Уровень безопасности учета прав в отношении электронных коносаментов, степень ответственности лица, ведущего подобный учет

Проблема безопасности системы, которая обеспечивает функционирование электронного коносамента, является одним из важнейших вопросов при принятии участниками торговли решения об использовании электронного коносамента.

Система, в которой существует высокая вероятность сбоя, приводящего к утрате контроля над электронным коносаментом, вряд ли будет востребована, даже если она будет предоставлять потерпевшему полную компенсацию понесенных убытков.

В настоящее время деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг регулируется нормативными актами Банка России⁴.

Хранение записей по лицевым счетам в учетных регистрах осуществляется в электронных базах данных, которые должны обеспечивать защиту от несанкционированного доступа, возможность незамедлительного восстановления учетных записей, модифицированных или уничтоженных вследствие несанкционированного доступа к ним либо вследствие сбоя в работе программно-технических средств, контроль достоверности информации об учетных записях (п. 4.2 положения Банка России от 27.12.2016 № 572-П).

Помимо требований к программно-техническим средствам, которые должны обеспечивать безопасность информации и документов, со-

бумар АО «ВТБ Регистратор» составляет 280 млн руб. (URL: https://www.vtbreg.ru/company/about_us/ (дата обращения: 07.12.2022)), АО «Статус» — 100 млн руб. (URL: <https://rostatus.ru/about/> (дата обращения: 07.12.2022)), АО «Независимая регистраторская компания Р.О.С.Т.» — 30 млн руб. (URL: <https://rrost.ru/ru/press/events/2019/06/2019-06-27/> (дата обращения: 07.12.2022)).

⁴ На момент написания работы подобным актом является положение Банка России от 27.12.2016 № 572-П «О требованиях к осуществлению деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг».

ставляющих систему ведения реестра (системы хранения и резервного копирования информации, дублирование серверов, другие современные меры и средства), каждый регистратор обязан реализовать ограниченный доступ сотрудников к информации, пропускной режим, а также эффективные системы электронного и бумажного архивирования документации.

Безопасность реестра поддерживается и строгими требованиями к идентификации лиц, на основании распоряжений которых информация вносится в реестр.

Как правило, открытие счетов и производство трансфера прав осуществляется при личном присутствии представителя эмитента либо с использованием системы электронного документооборота, если в отношении лица, которому открывается лицевой счет, была проведена идентификация в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма⁵. Объективности ради следует отметить, что осуществляемая регистраторами в настоящее время проверка носит формальный характер и в основном касается проверки полноты и соответствия представленных документов установленным правилам ведения реестра.

По общему правилу записи по лицевым счетам, на которых учитываются права на ценные бумаги, с момента их внесения являются окончательными. О каждой операции регистратор выдает зарегистрированному лицу уведомление о совершении операции, где указывается лицо, на счет которого зачислены ценные бумаги, дата совершения операции и основание ее совершения⁶.

Таким образом, на первый взгляд, установленные российским законодательством требования обеспечивают высокий уровень безопасности хранения и обработки данных реестра ценных бумаг, достаточный для успешного функционирования электронных коносаментов. Однако информация о цен-

ной бумаге, вносимая в реестр, ограничивается идентификационными сведениями, сведениями о номинальной стоимости ценной бумаги и размере дивиденда или процентов, причитающихся ее владельцу⁷. Подобный порядок не позволяет внести в реестр оговорки о состоянии груза, месте выгрузки, информацию о судне, которые влияют не только на ценность коносамента, но и на возможность его использования в качестве предмета залога. Остается также неясным вопрос о том, смогут ли регистраторы наладить оперативную и безопасную связь с судами, на которые производится погрузка товара, с целью обеспечения достоверности сведений, вносимых в реестр. Представляется, что отсутствие эффективных механизмов верификации информации, получаемой с судов в отношении «чистоты» груза, станет препятствием на пути к использованию электронного коносамента.

Еще одним препятствием являются предусмотренные законодательством правила распределения ответственности держателя реестра и перевозчика. Нормы российского законодательства возлагают ответственность за убытки, причиненные в результате нарушения порядка учета прав, порядка совершения операций по счетам, утраты учетных данных или предоставления недостоверной информации об учетных данных, солидарно на эмитента и держателя реестра (п. 4 ст. 149 ГК РФ, п. 3.10 ст. 8 Закона о рынке ценных бумаг). С учетом пп. 7 п. 1 ст. 1 Закона о рынке ценных бумаг эмитентом электронного коносамента, видимо, придется признавать перевозчика. Подобное положение будет означать, что перевозчик будет нести риск привлечения к ответственности в случае нарушения регистратором правил ведения реестра, а регистратор — в случае причинения убытков в связи с предоставлением перевозчиком недостоверных данных. И если в первом случае перевозчик будет защищен абзацем 2 п. 4 ст. 149 ГК РФ⁸, то положение дер-

⁵ См., например: разд. 8 Правил ведения реестра владельцев ценных бумаг АО «Независимая регистраторская компания Р.О.С.Т.» (URL: https://rrost.ru/media/183413/правила-ведения-реестра_сайт.pdf (дата обращения: 06.12.2022)); разд. 9, 10 Правил ведения реестра АО «ВТБ Регистратор» (URL: https://www.vtbreg.ru/upload/iblock/9f4/PVR_14red.pdf (дата обращения: 06.12.2022)).

⁶ См., например: п. 7.14 Правил ведения реестра владельцев ценных бумаг АО «Независимая регистраторская компания Р.О.С.Т.»; п. 11.27.3 Правил ведения реестра АО «ВТБ Регистратор».

⁷ См., например: п. 6.3 Правил ведения реестра владельцев ценных бумаг АО «Независимая регистраторская компания Р.О.С.Т.».

⁸ Лицо, ответственное за исполнение по бездокументарной ценной бумаге, освобождается от ответственности за убытки, причиненные в результате нарушения порядка учета прав лицами, действующи-

жателя реестра в случае причинения убытков по вине перевозчика выглядит менее привлекательным. Российский правовой порядок признает ничтожными условия соглашений, устанавливающие порядок распределения ответственности либо освобождающие одну из сторон такого соглашения от ответственности в случае причинения убытков по вине хотя бы одной из сторон (п. 4 ст. 149 ГК РФ, п. 3.10 ст. 8 Закона о рынке ценных бумаг).

Еще менее очевидным решение становится в ситуации, когда убытки были причинены в результате предоставления отправителем недостоверных данных для включения в коносамент. В соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 142 Кодекса торгового мореплавания РФ возмещение убытков отправителем не устраняет ответственность перевозчика по договору морской перевозки груза перед любым лицом, иным, чем отправитель. При этом действующее законодательство о рынке ценных бумаг предусматривает освобождение от ответственности только в том случае, если нарушение имело место вследствие непреодолимой силы (п. 4 ст. 149 ГК РФ, абз. 2 п. 3.10 ст. 8 Закона о рынке ценных бумаг). Российский правовой порядок также не устанавливает каких-либо особенностей в вопросе о распределении убытков при солидарите перевозчика и держателя реестра, в ситуации, когда вина отсутствует у обоих лиц. Очевидно, что указанное обстоятельство будет достаточным основанием для участников торговли, чтобы отказаться от использования электронного коносамента, поскольку он возлагает на перевозчика и держателя реестра неоправданные риски несостоятельности друг друга.

Снижение транзакционных издержек участников торгового оборота при использовании электронного коносамента до уровня транзакций с коносаментами, выпущенными на бумажном носителе

В российском правовом порядке установлена достаточно высокая стоимость проведения операций по лицевым счетам, взимаемая держателем реестра владельцев ценных бумаг⁹. Столь значительные транзакционные издержки делают российский правовой порядок экономически непривлекательным, даже по сравнению с клубными системами.

Вместе с тем представляется, что этот вопрос во многом является политико-правовым, и в целях популяризации российского правового порядка, для операций с электронными коносаментами, плата может быть снижена.

С другой стороны, учитывая, что трансферт электронных коносаментов потребует от регистраторов приложения дополнительных усилий по взаимодействию с судами, вряд ли снижение или даже оставление платы на сегодняшнем уровне будет мотивировать российских регистраторов осуществлять деятельность по ведению реестра электронных коносаментов.

Таким образом, в этой части следует признать, что распространение правил о бездокументарных ценных бумагах на электронные коносаменты приведет к увеличению транзакционных издержек для участников оборота.

Удобство трансферта прав

Технически передача электронного коносамента будет выглядеть как списание регистратором бездокументарной ценной бумаги со счета индоссанта и ее зачисление на счет индоссата.

Основанием для совершения трансферта прав является передаточное распоряжение индоссанта¹⁰. Подпись представителя на передаточном распоряжении должна быть либо

ми на основании договора с правообладателем или с иным лицом, которое в соответствии с законом осуществляет права по ценной бумаге (абз. 2 п. 4 ст. 149 ГК РФ).

⁹ Согласно указанию Банка России от 22.03.2018 № 4748-У за внесение записей о списании ценных бумаг с лицевого счета зарегистрированного лица и зачислении ценных бумаг на лицевой счет другого зарегистрированного лица взимается плата, исчисляемая в зависимости от стоимости ценных бумаг. Так, например, при стоимости ценных бумаг более 10 млн руб., но не более 100 млн руб. максимальный размер платы составляет 500 тыс. руб. При стоимости ценных бумаг, превышающей 100 млн руб., максимальный размер платы составляет 1,5 млн руб.

¹⁰ См., например: п. 7.3 Правил ведения реестра владельцев ценных бумаг АО «Независимая регистраторская компания Р.О.С.Т.»; п. 8.3 Правил ведения реестра АО «ВТБ Регистратор».

совершена в присутствии уполномоченного лица регистратора, либо засвидетельствована нотариально, либо регистратору должен быть представлен оригинал карточки, содержащий нотариально удостоверенный образец подписи представителя¹¹. Ведущие российские регистраторы допускают предоставление передаточных распоряжений в виде электронных документов, подписанных электронной подписью. Однако для этого необходимо заключение дополнительного соглашения об обмене электронными документами¹².

Необходимо учитывать, что большинство документов, выданных в иностранных государствах, будут подлежать обязательному удостоверению путем консульской легализации или проставлением апостиля. К таким документам должны прилагаться их нотариально засвидетельствованные переводы на русский язык. Подобные правила, с одной стороны, повышают защищенность трансакций, с другой стороны, являются препятствием, которое фактически лишает целесообразности использование электронного коносамента лицами, зарегистрированными за пределами российской юрисдикции.

Существующая в России система регистрации не позволяет заменить электронный коносамент в случае разделения груза, а также не содержит правил о том, происходит ли при передаче прав на электронный коносамент замена стороны в договоре перевозки и страхования.

Правила, обеспечивающие контроль залогодержателя за трансфером прав в отношении заложенного электронного коносамента

Возможность обременения бездокументарных ценных бумаг залогом и иным способом прямо предусмотрена российским законодательством (ст. 358.16 ГК РФ, ст. 51.6 Закона о рынке ценных бумаг). Правовой эффект обременения электронного коносамента залогом будет заключаться в невозможности владельца электронного коносамента распорядиться им без согласия лица, в пользу которого установлено обременение, в том числе предъявить коносамент для получения товара¹³. Однако данное правило является диспозитивным и может быть изменено договором об установлении залога¹⁴. При передаче прав по договору о залоге соответствующие изменения вносятся в сведения, содержащиеся в записи об обременении ценных бумаг по лицевому счету залогодателя, на основании распоряжения о передаче права залога.

Технически реализация заложенного электронного коносамента может представлять собой указание в залоговом распоряжении даты, с которой залогодержатель вправе обратиться взыскание на заложенный коносамент во внесудебном порядке.

Привлекательность залога электронного коносамента для залогодержателя повышает предусмотренное в законодательстве правило о возможности сторон договориться об осуществлении залогодержателем всех или некоторых прав, принадлежащих залогодателю и удостоверенных заложенной ценной бумагой (п. 1 ст. 358.17 ГК РФ). Однако подобное законодательное регулирование ставит вопрос о воз-

¹¹ См., например: п. 7.3.4 Правил ведения реестра владельцев ценных бумаг АО «Независимая регистраторская компания Р.О.С.Т.»; п. 10.9 Правил ведения реестра АО «ВТБ Регистратор»; п. 20.3 Правил ведения реестра владельцев ценных бумаг АО «Регистраторское общество “Статус”» // URL: <https://rostatus.ru/about/ed/registry-rules/> (дата обращения: 07.12.2022).

¹² См., например: п. 9.4 Правил ведения реестра АО «ВТБ Регистратор»; п. 20.4 Правил ведения реестра владельцев ценных бумаг АО «Регистраторское общество “Статус”».

¹³ В случае передачи заложенных ценных бумаг (кроме их передачи залогодателем залогодержателю), если условиями залога не предусмотрено, что распоряжение заложенными ценными бумагами осуществляется без согласия залогодержателя, передаточное распоряжение должно быть подписано также представителем залогодержателя. См., например: п. 7.3.3 Правил ведения реестра владельцев ценных бумаг АО «Независимая регистраторская компания Р.О.С.Т.»; п. 8.3.5 Правил ведения реестра АО «ВТБ Регистратор»; п. 4.2 Правил ведения реестра владельцев ценных бумаг АО «Регистраторское общество “Статус”».

¹⁴ См., например: п. 7.4 Правил ведения реестра владельцев ценных бумаг АО «Независимая регистраторская компания Р.О.С.Т.»; п. 8.4.5 Правил ведения реестра АО «ВТБ Регистратор».

возможности передачи залогодержателю права на получение груза. По существу, предоставление подобного права приведет к распоряжению заложенным коносаментом от собственного имени, что не соответствует природе залога. Еще более сложным является вопрос о возможности передачи права на получение части груза, соразмерного размеру обеспечиваемого требования¹⁵. В любом случае предоставление залогодержателю права на получение груза или его части по обремененному залогом электронному коносаменту потребует установления механизма публичности такой передачи и отражения переданных прав в соответствующих системах учета.

Положение залогодержателя усугубляется, если в отношении залогодателя вводится процедура банкротства. В силу императивных требований п. 3 ст. 349 ГК РФ в случае несостоятельности залогодателя взыскание на предмет залога может осуществляться только в судебном порядке. Несмотря на то что законодательство при банкротстве предоставляет залоговым кредиторам привилегию в виде бронирования сумм, полученных от реализации предмета залога, залогодержатель будет вынужден ожидать окончания процедуры реализации, что нередко требует значительного времени. Более того, залог электронных коносаментов не исключает риски оспаривания договора залога, заключенного в период подозрительности.

Альтернативой залога электронного коносамента могла бы стать обеспечительная уступка прав, в результате которой у кредитора появлялась бы возможность удовлетворить свои требования путем обращения к перевозчику с требованием о выдаче груза. Однако подобная сделка порождает риски для должника из-за недостаточной теоретической разработки данного института в российском правовом порядке. Действующий корпус норм позволит цессионарию получить груз, не дожидаясь просрочки должника по обеспечиваемому обязательству,

а у цедента отсутствуют инструменты, которые ограничивали бы дальнейшую передачу прав на электронный коносамент или обеспечивали возможность требовать обратную уступку после исполнения обеспечиваемого обязательства.

Обеспечительная уступка прав не предоставит сторонам надлежащих гарантий и при банкротстве, включив электронный коносамент в конкурсную массу лица, в отношении которого введена процедура банкротства без учета обеспечительного характера совершенной цедентом передачи прав.

Особенности гражданско-правовой защиты прав, подтверждаемых электронным коносаментом

На первый взгляд ценность регулирования электронного коносамента по модели бездокументарных ценных бумаг заключается в том, что владельцу электронного коносамента будут доступны специальные средства защиты.

К числу подобных средств российское законодательство и правоприменительная практика относят возможность возврата бездокументарных ценных бумаг в случае их неправомерного списания (ст. 149.3 ГК РФ).

Российским правовым порядком также урегулирован вопрос о восстановлении права на бездокументарные ценные бумаги при утрате учетных записей (ст. 149.5 ГК РФ). Однако даже в первом приближении можно заметить достаточно ограниченный эффект подобного способа защиты, если на момент спора неуполномоченному лицу удастся получить груз по электронному коносаменту. У правообладателя останется лишь право требовать возврата всего полученного добросовестным владельцем, а также дополнительно возмещения убытков со стороны недобросовестного владельца (п. 1 ст. 149.4, п. 5 ст. 147.1 ГК РФ)¹⁶.

Большую защиту залогодателю в случае выдачи груза неуполномоченному лицу предоставляют нормы морского права, допускаю-

¹⁵ Маковская А. А. Некоторые проблемы залога ценных бумаг, проистекающие из их природы // Закон. 2021. № 10. С. 47.

В российской литературе преобладает негативное отношение к расщеплению прав по ценной бумаге между залогодателем и залогодержателем. В качестве аргументации ученые указывают на противоречие подобного расщепления прав природе ценной бумаги и создание неопределенности для третьих лиц, среди которых особо выделяется положение лиц, обязанных по ценной бумаге.

¹⁶ С другой стороны, в подобной ситуации положение правообладателя электронного коносамента становится аналогично положению, в котором оказывается собственник коносамента, выданного на бумажном носителе, при утрате владения на него.

шие взыскание стоимости утраченного груза с перевозчика¹⁷.

Вместе с тем положение участников оборота значительно усложняется, если сделка с использованием электронного коносамента будет трансграничной. В отсутствие соглашения о применимом праве стороны столкнутся с необходимостью определения права, подлежащего применению к возникновению и прекращению права собственности на электронный коносамент. В этом аспекте регулирование электронного коносамента по модели бездокументарных ценных бумаг не предоставляет эффективного решения, поскольку вопрос определения применимого права при трансграничном обороте является неразрешенной проблемой и для самих бездокументарных ценных бумаг.

Правоприменительная практика российских судов исходит из того, что применимое право следует определять в зависимости от того, в какой стране ведется учет прав на бездокументарные ценные бумаги (п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24). С учетом правил ведения реестра, установленных Законом о рынке ценных бумаг, подобная правовая позиция фактически будет подчинять все споры, связанные с содержанием и трансфертом прав по электронным коносаментам, учитываемым в российских реестрах бездокументарных ценных бумаг, российскому праву.

Тем не менее в отсутствие унификации правового регулирования на международном уровне подобная позиция не гарантирует применения сходного решения при рассмотрении спора иностранным судом.

Возможность и последствия конверсии электронного коносамента

Распространение использования электронного коносамента будет иметь успех только в том случае, если электронный коносамент будет обладать свойством трансграничности.

Как показывает компаративный анализ, большинство национальных правовых порядков содержат императивные требования, которые фактически исключают возможность использования электронного коносамента в торговом обороте¹⁸.

Указанное препятствие может быть преодолено путем конверсии коносамента — цифровизации коносамента, выданного на бумажном носителе, и обратного процесса — материализации электронного коносамента на бумажном носителе. Теоретически цифровизация коносамента могла бы осуществляться по правилам обездвиживания ценных бумаг, которые уже существуют в российском правовом порядке, с той поправкой, что в силу императивных требований законодательства документарные ценные бумаги могут быть обездвижены только в соответствии с законом или в установленном им порядке.

В настоящее время возможность обездвиживания коносамента российским законодательством не предусмотрена. Можно предположить, что при установлении такой возможности дата электронного коносамента будет совпадать с датой выпуска обездвиженного коносамента. Однако вопрос конверсии становится более сложным, если речь идет о материализации коносамента, изначально выданного в электронной форме. Как представляется, на практике именно этот вид конверсии будет наиболее актуальным. Но в отсутствие четкого законодательного регулирования неясным остается вопрос о том, с какого момента будет считаться выданным коносамент в случае его материализации: с момента совершения конверсии или с момента выпуска электронного коносамента. Даже если опустить многочисленные вопросы, например о том, кто должен являться эмитентом материализованного коносамента и на каком основании будет погашаться запись в реестре, признание в качестве даты выдачи конверсионного коносамента даты выпуска ценной бумаги на бумажном носителе не

¹⁷ В данной части правило является императивным, запрещая под угрозой ничтожности любое соглашение об освобождении перевозчика от ответственности или уменьшении пределов его ответственности (ст. 175 Кодекса торгового мореплавания РФ). При этом интересы залогодателя могут быть обеспечены арестом морского судна (абз. 8 ст. 389 Кодекса торгового мореплавания РФ и п. «f» ст. 1 Международной конвенции об унификации некоторых правил, касающихся ареста морских судов).

¹⁸ К таким положениям относятся нормы, устанавливающие обязательные требования к форме коносамента или требования о наличии собственноручной подписи на коносаменте. См.: The Legal Status of Electronic Bills of Lading: A report for the International Chamber of Commerce (ICC) // URL: <https://iccwbo.org/news-publications/news/icc-banking-commission-clyde-co-launch-report-legal-status-electronic-bills-lading/> (дата обращения: 30.06.2023).

будет отвечать потребностям оборота. Любой «разрыв» в дате выпуска первоначального и материализованного коносамента порождает для его владельца многочисленные риски, что приведет к тому, что коносамент, изначально выпущенный на бумажном носителе, будет цениться выше материализованного и в конечном итоге сведет на нет оборот электронных коносаментов. Подобный недостаток может быть преодолен путем проставления в материализованном коносаменте отметки о конверсии и указания на его оборотной стороне всех записей о передаче прав, которые содержались в реестре бездокументарных ценных бумаг.

Исходя из намерения обеспечить функциональную эквивалентность электронного коносамента, любое законодательное решение должно гарантировать, что материализованный коносамент будет иметь точно такой же правовой статус, что и электронный коносамент на дату его первоначального выпуска.

Вполне очевидно, что существующее регулирование порождает правовую неопределенность и приводит к значительным рискам при использовании электронного коносамента, что не позволяет использовать российское законодательство без значительной адаптации, принимающей во внимание специфику электронного коносамента.

Регулирование электронного коносамента по модели цифровых прав

В октябре 2019 г. в качестве отдельного объекта гражданских прав в российском правовом порядке появились цифровые права, под которыми законодатель понимает обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам (ст. 141.1 ГК РФ).

В настоящее время в российской доктрине отсутствует общепризнанный взгляд на квалификацию цифровых прав¹⁹.

В настоящей работе мы рассмотрим цифровые права как самостоятельный объект гражданских прав, оставив в стороне споры об обособленности произошедшего обособления.

Как и в отношении бездокументарных ценных бумаг, Гражданский кодекс РФ закрепляет принцип легалитета, устанавливая, что виды цифровых прав определяются законом²⁰.

Вместе с тем, в отличие от бездокументарных ценных бумаг, в отношении цифровых прав установлено лишь рамочное регулирование, что требует разработки целой системы специального законодательства, закрепляющего за электронным коносаментом статус цифрового права и конкретизирующего правовое регулирование его оборота.

Значительную неопределенность в вопросе возможного регулирования вносит положение ст. 141.1 ГК РФ, закрепляющее, что содержание и условия осуществления цифровых прав должны определяться не законом, а правилами информационной системы, что может привести к достаточно разнообразному статусу электронного коносамента в рамках различных информационных систем.

¹⁹ Е. А. Суханов приходит к выводу о том, что «цифровые финансовые активы» получили правовой режим «бездокументарных ценных бумаг», являющихся особой (электронной, или цифровой) формой фиксации некоторых имущественных прав (Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 23).

К. И. Скловский и В. С. Костко, рассматривая правовую природу криптовалюты, приходят к выводу о том, что она представляет собой скорее вещь, чем иное имущество, поскольку речь идет о материальном объекте, созданном посредством материальных же устройств с использованием материальных (электромагнитных) свойств материи, для создания и владения которым необходима затрата электрической энергии (Скловский К. И., Костко В. С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 6. С. 132).

²⁰ На момент написания статьи в качестве цифровых прав российскому законодательству известны цифровые финансовые активы (Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») и утилитарные цифровые права (Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О при-

**Правила, обеспечивающие
нейтральность и надежность
лица, осуществляющего ведение
реестра электронных коносаментов,
его ответственность в случае
совершения ошибки**

В отличие от системы бездокументарных ценных бумаг, гражданское законодательство не предъявляет каких-либо требований к лицам, осуществляющим учет цифровых прав. Гражданский кодекс РФ содержит лишь бланкетную норму, устанавливающую, что условия осуществления цифровых прав определяются в соответствии с правилами информационной системы, в которой производится фиксация и осуществление таких прав (ст. 141.1).

С одной стороны, отсутствие в законодательстве требований об обязательном лицензировании для осуществления деятельности по учету цифровых прав и необходимости поддержания минимального размера собственных средств способно снизить транзакционные издержки участников оборота при использовании электронного коносамента. Подобное законодательное решение позволит устранить один из существенных недостатков регулирования электронного коносамента по модели бездокументарной ценной бумаги — высокие издержки при учете прав.

С другой стороны, отказ от жестких требований к лицам, осуществляющим учет прав, приводит к снижению уровня доверия к операторам информационных систем, что изначально ставит под сомнение перспективность использования электронных коносаментов в торговом обороте. Для успешного функционирования электронных коносаментов сложно переоценить то значение, которое оказывает уверенность участников торгового оборота в надежности лица, ведущего реестр электронных коносаментов.

В целом регулирование операторов информационных систем, в которых производится фиксация и осуществляются уже существующие

в российском правовом порядке цифровые права, показывает стремление законодателя построить регулирование по аналогии с регулированием деятельности лиц, ведущих реестр бездокументарных ценных бумаг.

В соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» операторами информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых активов или их обмен, может выступать только юридическое лицо, личным законом которого является российское право. Законом также установлены требования к квалификации органов управления и деловой репутации лиц, которые прямо или косвенно участвуют в управлении оператором информационной системы. Среди таких требований закон выделяет, в частности, отсутствие судимости за неправомерные действия при банкротстве юридического лица, преднамеренное и (или) фиктивное банкротство юридического лица, если не истек пятилетний срок со дня вступления в силу указанного судебного акта. Например, размер уставного капитала оператора обмена цифровых финансовых активов должен составлять не менее 50 млн руб.

Сходные требования содержатся в ст. 10 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», устанавливающей требования к оператору инвестиционной платформы, осуществляющему учет утилитарных цифровых прав²¹.

**Нормы, обеспечивающие невозможность
обращения взыскания на электронный
коносамент по обязательствам лица,
ведущего реестр**

Невозможность обращения взыскания на электронный коносамент по долгам оператора информационной системы, в которой будет

влечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Однако электронный коносамент не может быть отнесен ни к одной из этих категорий.

²¹ Подобный подход соответствует иностранному опыту.

В Республике Корея к агентству по регистрации коносаментов предъявляются требования к организационно-правовой форме (исключительно корпорация), финансовому состоянию (размер чистых активов должен составлять не менее 20 млрд вон, или около 15 млн долл. США), а также техническому оснащению (наличие помещения, оборудования и персонала). Корпорация также должна иметь страховой полис, покрывающий убытки, которые могут быть понесены пользователями системы (Указ Прези-

осуществляться фиксация электронных коносаментов, обеспечивается общими правилами российского права, согласно которым обращение взыскания допускается исключительно на имущество должника.

Поскольку титул обладателя прав по смыслу ст. 141.1 ГК РФ не переходит к оператору информационной системы, неисправность последнего исключает возможность обращения взыскания на электронный коносамент. Сохранение цифрового права за обладателем электронного коносамента также будет гарантировать невозможность включения электронного коносамента в конкурсную массу оператора информационной системы.

Из-за отсутствия необходимого корпуса норм в отношении цифровых прав регулирование реестра электронных коносаментов придется осуществлять путем принятия специального нормативного акта, в содержание которого представляется целесообразным включить положения, защищающие собственника коносамента от рисков, связанных с несостоятельностью оператора информационной системы.

Принимая во внимание то, что эмитентом электронного коносамента, видимо, придется признавать оператора информационной системы, в котором будет зафиксировано цифровое право, перспективное регулирование должно включать положения, в силу которых после генерации электронного коносамента права на него должны в следующую юридическую секунду автоматически передаваться грузополучателю.

При этом возбуждение исполнительного производства или процедуры банкротства не должно влиять на возможность передачи цифровых прав или получения груза по электронному коносаменту.

Дополнительная сложность связана с тем, что согласно действующему законодательству цифровое право существует исключительно в информационной системе, в которой оно было

создано. Отсутствие механизмов перевода цифрового права в другую систему ставит под сомнение существование электронного коносамента при банкротстве оператора информационной системы.

**Уровень безопасности
учета прав в отношении
электронных коносаментов
и степень ответственности лица,
ведущего подобный учет**

В отсутствие правил, устанавливающих требования к информационным системам для оборота электронных коносаментов, их эффективность во многом будет зависеть от публичного регулирования, в отношении которого сегодня можно лишь предположить, каким оно должно быть.

Во-первых, в обязательном регулировании нуждается блок вопросов по разработке эффективных способов идентификации правообладателя электронного коносамента. С учетом специфики ст. 141.1 ГК РФ информационная система оборота электронных коносаментов должна гарантировать достаточно высокий уровень безопасности при идентификации правообладателя посредством криптошифрования.

Во-вторых, информационная система должна быть способна обеспечить возможность контроля правообладателя над электронным коносаментом с момента его выдачи до момента распоряжения им, а также обеспечивать сохранение информации, содержащейся в электронном коносаменте, включая любое санкционированное изменение, в полном и неизменном виде.

В-третьих, правила информационной системы должны гарантировать целостность данных и содержать решения, направленные на предотвращение несанкционированного доступа к системе и ее несанкционированного использования.

В целом подобные требования предъявляются к информационным системам, в которых фиксация

дента Республики Корея «О реализации положений Торгового кодекса об электронных коносаментах» № 20829 от 20.06.2008 // URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=27964&type=part&key=8 (дата обращения: 30.06.2023)).

Закон Лихтенштейна о токенах и организациях, предоставляющих услуги на основе доверенных технологий (Token and TT Service Provider Act), являющийся одним из передовых в сфере регулирования цифровых активов, предусматривает, что в качестве поставщиков подобных услуг могут выступать как физические, так и юридические лица. В зависимости от вида поставщика услуг статья 16 TVTG устанавливает требования к минимальному капиталу, размер которого составляет 50–250 тыс. франков (около 56–279 тыс. долл. США) (URL: https://www.lcx.com/wp-content/uploads/2020_Liechtenstein_Blockchain_Laws_Translation_English.pdf (дата обращения: 17.04.2023)).

сируются и осуществляются уже существующие цифровые права. В частности, к таким системам предъявляются требования о бесперебойности и непрерывности их функционирования, а также об обеспечении невозможности внесения в базу данных не санкционированной правообладателем цифрового права информации²².

В свою очередь, как ни один бумажный коносамент не защищен от подделки, так ни одна электронная система не может быть полностью невосприимчива к кибератакам, что делает вопрос об ответственности за возможные сбои системы и о лицах, на которых эта ответственность будет возлагаться, одним из ключевых.

Как показывает анализ нормативных актов, регламентирующих оборот цифровых прав, российский законодатель возлагает достаточно строгую ответственность на операторов информационных систем как за утрату информации, хранящейся в информационной системе, так за сбои в работе информационных технологий и технических средств информационной системы. Однако открытым остается вопрос о распределении ответственности за недостоверность сведений, внесенных в электронный коносамент, принимая во внимание тот факт, что оператор информационной системы фактически лишен возможности проверять предоставляемую перевозчиком информацию. Неясной является и проблема определения механизма внесения

в электронный коносамент сведений о состоянии груза в пути. Фактически лицом, которое обладает подобной информацией, является перевозчик. Однако перевозчик не является правообладателем электронного коносамента, что исключает возможность внесения им изменений в содержание существующего цифрового права.

***Стоимость транзакций
с использованием
электронных коносаментов
не превышает стоимости транзакций
с коносаментами, выпущенными
на бумажном носителе***

Операторы информационных систем, в которых осуществляется фиксация и осуществление уже существующих цифровых прав, устанавливают незначительную стоимость за получение пользователем доступа к информационной системе²³. Однако размер платы, который взимается при совершении операций с цифровыми правами, сопоставим с размером платы, взимаемой за операции с бездокументарными ценными бумагами²⁴.

Распространение подобного подхода при установлении платы за транзакции с электронными коносаментами приводит к экономической нецелесообразности использования подобного инструмента для участников торговли.

²² См., например: ст. 6 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ, ст. 11 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ.

В дополнение к требованиям, предъявляемым к информационной системе, законодательство возлагает на лиц, ведущих учет цифровых прав, обязанность по сохранению записей о пользователях и транзакциях с цифровыми правами в течение 5 лет. В целом подобный подход к организации безопасности функционирования информационной системы, в которой ведется учет цифровых активов, поддерживается и иностранными национальными законодательствами.

Для сравнения: в соответствии со ст. 13 Указа Президента Республики Корея «О реализации положений Торгового кодекса об электронных коносаментах» № 20829 от 20.06.2008 электронные записи, связанные с выдачей и трансфертом прав по электронному коносаменту, должны храниться 10 лет с даты доставки груза или даты конверсии электронного коносамента в документальный. Согласно ст. 26 TVTG поставщики услуг обязаны хранить записи и сопроводительные документы не менее 10 лет.

²³ Например, стоимость услуги за предоставление доступа к информационной системе «Атомайз» составляет 1 000 руб. за один календарный год (URL: https://atomyze.ru/storage/app/media/legal/15122022_Тарифы%20к%20пользовательскому%20соглашению.pdf (дата обращения: 27.04.2023)). Регистрация пользователя на информационной платформе «Инвестиционный компас» производится бесплатно, за размещение на платформе инвестиционного предложения взимается плата в размере 1 000 руб. (URL: <https://source.in-ko.ru/files/618a419239904.pdf> (дата обращения: 27.04.2023)).

²⁴ Так, ставка, применяемая оператором информационной системы «Атомайз» при совершении операций с цифровыми правами, колеблется от 0,24 до 0,05 % от суммы совершенной сделки. Стоимость услуг по организации привлечения инвестиций в части содействия в осуществлении расчетов между участниками инвестиционной платформы «Инвестиционный компас» составляет 0,1 % от суммы платежа.

Принимая во внимание, что размер транзакционных издержек является одним из ключевых критериев для выбора участниками оборота способов расчета, стоимость трансферта прав по электронному коносаменту не должна превышать издержки, которые участники торгового оборота тратят на операции с коносаментами, выпущенными на бумажном носителе.

Удобство трансферта прав

Любая информационная система ведения учета прав в отношении электронных коносаментов должна быть удобной (во всяком случае, организационно передача коносамента посредством этой системы не должна быть более затруднительной, чем при использовании коносамента, выданного на бумажном носителе). Теоретически использование электронного способа передачи данных коносамента в информационной системе априори создает участникам оборота максимальный уровень удобства.

Всё же ряд особенностей информационных систем (например, свойство необратимости записей, внесенных в систему) могут привести к стремлению законодателя более строго регулировать идентификацию пользователей и процесс внесения в систему сведений — в ущерб ее удобству.

Поскольку в российском правовом порядке цифровое право может существовать только в информационной системе, индоссант, индоссат и перевозчик должны заранее зарегистрироваться в информационной системе, в которой будет выпущен электронный коносамент. Более того, сам трансферт прав будет возможен только в отношении тех электронных коносаментов, которые изначально были зарегистрированы в рамках одной информационной системы.

Отсутствие правовой базы, регулирующей перенос цифрового права из иных информационных систем, является непреодолимым препятствием для трансферта прав в отношении электронных коносаментов, не только выпущенных в иностранных юрисдикциях, но и выпущенных в соответствии с положениями ст. 141.1 ГК РФ, но в разных информационных системах. Поскольку электронный коносамент всегда должен обладать способностью быть индоссированным отечественными грузоотправителями иностранным грузополучателям и наоборот, отступление от этой возможности лишает всякого смысла внедрение электронного коносамента. Функционирующий в закры-

той информационной системе, электронный коносамент, повторяя все недостатки клубных систем, возлагает на участников торговли еще большие транзакционные издержки.

Регулирование электронного коносамента по модели цифровых прав, т.е. в информационной системе, транзакции в которой осуществляются в автоматическом режиме, ставит еще одну проблему. Ценность бумажного коносамента заключается в том, что все вопросы погрузки, целостности или выдачи груза могут быть оперативно решены даже на борту самого неоснащенного судна и не требуют каких-либо специальных средств для защиты данных или хранения больших массивов информации. Использование электронного коносамента влечет необходимость минимального технического оснащения судна и доступа в сеть Интернет. И хотя в последнее время покрытие и скорость доступа к сети Интернет растут в геометрической прогрессии, использование электронного коносамента полностью зависит от доступа в Интернет, что делает его использование невозможным в малодоступных портах.

С этой точки зрения электронный коносамент не может признаваться эффективной заменой коносамента на бумажном носителе.

Правила, обеспечивающие контроль залогодержателя за трансфером прав в отношении заложенного электронного коносамента

В настоящее время Гражданский кодекс РФ не содержит специального регулирования залога цифровых прав, лишь указывая, что обременение цифровых прав залогом происходит в информационной системе без обращения к третьему лицу.

С учетом отсутствия признака открытости и публичности содержащихся в информационных системах данных, в том числе данных об обременении цифровых прав, защита участников оборота от злоупотреблений со стороны залогодателя возможна путем запрета распоряжения заложенным электронным коносаментом без согласия залогодержателя.

Анализ правил информационных систем, в которых фиксируются и осуществляются цифровые права, позволяет прийти к выводу о том, что данному вопросу уделяется недостаточное внимание. Большинство правил не содержит условий о порядке обременения цифрового права и обращения взыскания на предмет зало-

га, а остальные лишь дублируют систему залога бездокументарных ценных бумаг²⁵.

Вместе с тем, с учетом чувствительности этого вопроса для торгового оборота правила информационных систем, в которых будет вестись учет электронных коносаментов, должны не только предусматривать процедуру залога, но и преодолевать те недостатки, которые были выявлены нами выше, при анализе залога в регулировании электронного коносамента по модели бездокументарных ценных бумаг. В частности, информационная система должна обеспечивать возможность внесудебного порядка реализации заложенного электронного коносамента, в том числе путем передачи залогодержателю права на получение груза по заложенному коносаменту, не допуская при этом возникновения конкурирующего требования до момента появления у залогодержателя права на обращение взыскания на предмет залога.

Уровень развития технологий позволяет применить достаточно гибкие решения при использовании информационной системы, в которой при просрочке обеспечиваемого обязательства залогодержателю может быть предоставлено право получить часть груза путем «разделения» электронного коносамента и передачи залогодержателю в счет погашения задолженности вновь сгенерированного электронного коносамента.

Представляется, что правила информационных систем по учету электронных коносаментов также должны содержать механизмы обеспечения гарантий при банкротстве одной из сторон, которые бы не блокировали возможность исполнения обязательств, а приводили бы к судебному обращению взыскания на предмет залога.

Особенности гражданско-правовой защиты прав, подтверждаемых электронным коносаментом

Проблемы гражданско-правовой защиты электронного коносамента, построенной по модели цифровых прав, во многом обусловлены тем, что в российской науке отсутствует единообразный взгляд на правовую природу цифровых прав.

В этой связи трудно переоценить то влияние, которое будут оказывать квалификация цифровых прав и технические особенности информационной системы, в которой будет производиться фиксация и осуществление прав в отношении электронного коносамента.

Использование в этих целях централизованной информационной системы предполагает наличие лица, ответственного за ее функционирование, а также возможность восстановления записей в случае несанкционированных транзакций. Поэтому при правовом регулировании оптимальным представляется использование способов защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг.

Однако эти способы будут неприменимы, если информационная система будет построена как децентрализованная²⁶. Децентрализованная система не требует подтверждения операций со стороны уполномоченного лица, а все записи, внесенные в систему, обладают свойством необратимости, что делает невозможным их изменение²⁷. Подобное решение осложняет защиту прав правообладателя, априори делая невозможным восстановление нарушенного права путем восстановления записи об обладании электронным коносаментом. Более того, поскольку децентрализованная система, по сути, является саморегулируемой, возникает

²⁵ См., например: п. 18.8 Правил инвестиционной платформы «Инвестиционный компас» устанавливает возможность распоряжение заложенным цифровым правом только при наличии письменного согласия лица, в пользу которого установлено обременение. При отсутствии согласия лица, в пользу которого установлено обременение, на распоряжение цифровым правом, в том числе его погашение, оператор информационной системы отказывает во внесении соответствующей записи в инвестиционной платформе (URL: <https://source.in-ko.ru/files/61aed8105dfba.pdf> (дата обращения: 30.06.2023)).

²⁶ В последнее время появляется всё больше работ, предлагающих для создания электронных альтернатив бумажного коносамента использовать платформы на основе технологии блокчейн. См.: *Albrecht C.* Blockchain Bills of Lading: The End of History: Overcoming Paper-Based Transport Documents in Sea Carriage through New Technologies // *Tulane Maritime Law Journal*. Vol. 43. No. 2. Summer 2019. P. 251–288; *Chetrit N.* Not Just for Illicity Trade in Contraband Anymore: Using Blockchain to Solve a Millennial-Long Problem with Bills of Lading // *Virginia Journal of Law & Technology*. Vol. 22. No. 1. Fall 2018. P. [ii]-106.

²⁷ Согласно пояснительной записке к первоначальной редакции Закона № 34-ФЗ предполагалось, что оспорить списание цифровых прав по общему правилу будет невозможно.

вопрос о том, кто будет нести ответственность за возможные сбои системы.

В отсутствие регулирования, определяющего содержание и место цифровых прав в системе российского права, подобные вопросы, порождая правовую неопределенность, станут серьезным препятствием на пути широкого использования участниками торговли электронного коносамента.

Одновременно с обозначенными вопросами возникает и проблема определения применимого права. Как следует из ст. 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются только права, которые существуют в информационных системах, что приводит к тому, что для получения силы в российской юрисдикции, запись должна быть внесена в информационные системы, соответствующие российскому законодательству.

Возможность и последствия конверсии электронного коносамента

В силу императивных требований ст. 141.1 ГК РФ цифровые права существуют исключительно в информационной системе, что исключает возможность конверсии электронного коносамента.

Как было отмечено ранее, для возможности использования электронного коносамента информационная система должна гарантировать тождественность правового эффекта конверсированного коносамента с даты выдачи первоначального коносамента.

В отсутствие специальных правил, регламентирующих конверсию цифровых прав, единственный путь — материализовать или дематериализовать коносамент — проходит через прекращение права и создание нового.

Подобное регулирование приводит к тому, что дата первоначально выданного коносамента и конверсированного не будут совпадать, что повышает ценность коносамента, выданного на бумажном носителе.

С учетом вышеизложенного, существующее законодательное регулирование цифровых объектов исключает возможность конверсии электронного коносамента, что делает систему не востребованной у участников торгового оборота.

Заключение

Как показало проведенное исследование, теоретически в отечественном правовом порядке

электронный коносамент может быть построен либо по модели бездокументарных ценных бумаг, либо по модели цифровых прав. Практически же ни одна из этих моделей не может обеспечить эффективное функционирование электронного коносамента в отсутствие целого комплекса правовых и технологических решений, без реализации которых предполагаемые преимущества перевешиваются уже существующими проблемами.

В России сформирована достаточно эффективная система ведения учета прав в отношении бездокументарных ценных бумаг, которая способна обеспечить достоверность сведений и безопасность трансакций с электронным коносаментом.

Однако существующие нормы не способны удовлетворить потребности оборота и обеспечить справедливое распределение рисков использования электронных коносаментов.

Регулирование электронного коносамента по модели цифрового права представляется более гибким, поскольку оно может быть построено с учетом специфики коносамента. Вместе с тем главный недостаток электронного коносамента в этой модели регулирования проистекает из самой сути цифровых прав: такой коносамент может существовать лишь в информационной системе, что делает невозможными любые трансакции с ним в отсутствие доступа к сети Интернет. Препятствием является и отсутствие функциональной совместимости информационных систем, которая бы позволяла переносить цифровое право не только между информационными системами, созданными в рамках российского законодательства, но и между глобальными и российскими системами, тем самым гарантируя юридическую силу электронных коносаментов вне зависимости от того, какой юрисдикции была подчинена информационная система, в которой был сгенерирован электронный коносамент.

Внедрение информационной системы для электронного коносамента неизбежно потребует и решения вопроса о возможности трансферта прав по электронным коносаментам между различными информационными системами (в том числе подчиненными иностранным юрисдикциям). Это ставит вопрос об ответственности по такому коносаменту. Кто будет ее нести: оператор, который первоначально сгенерировал коносамент в информационной системе, или оператор, который осуществил трансферт прав по нему?

Вне зависимости от выбранной модели, регулирование электронного коносамента потребует колоссальной работы по разработке системы специального законодательства и обеспечивающей его инфраструктуры.

Однако представляется, что преимущества, которые способно получить государство от

использования электронных коносаментов, оправдывают приложенные усилия, необходимые для установления эффективного регулирования — регулирования, которое, несомненно, добавит к достижениям России не только вакцину и гиперзвуковые ракеты, но и российское право.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Маковская А. А. Некоторые проблемы залога ценных бумаг, проистекающие из их природы // Закон. 2021. № 10.

Скловский К. И., Костко В. С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 7.

Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6.

Albrecht Ch. Blockchain Bills of Lading: The End of History: Overcoming Paper-Based Transport Documents in Sea Carriage through New Technologies // Tulane Maritime Law Journal. 2019. Vol. 43. № 2.

Chetrit N. Not Just for Illicity Trade in Contraband Anymore: Using Blockchain to Solve a Millennial-Long Problem with Bills of Lading // Virginia Journal of Law & Technology. 2018. Vol. 22. № 1.

REFERENCES

Albrecht Ch. Blockchain Bills of Lading: The End of History: Overcoming Paper-Based Transport Documents in Sea Carriage through New Technologies. *Tulane Maritime Law Journal*. 2019;43(2).

Chetrit N. Not Just for Illicity Trade in Contraband Anymore: Using Blockchain to Solve a Millennial-Long Problem with Bills of Lading. *Virginia Journal of Law & Technology*. 2018;22(1).

Makovskaya AA. Certain problems of pledge of securities arising from its nature. *Zakon*. 2021;10:39-50. (In Russ.).

Sklovskiy KI, Kostko VS. On the concept of a thing. Money. Real Estate. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2018;7:115-143. (In Russ.).

Sukhanov EA. On the civil legal nature of «digital property». *Civil Law Herald*. 2021;6:7-29. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шавалеев Михаил Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), консультант ИЦЧП имени С.С. Алексеева при Президенте РФ
д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
mihail_shavaleev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Shavaleev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Scientific Advisor, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev, Moscow, Russian Federation
mihail_shavaleev@mail.ru

Материал поступил в редакцию 6 октября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 21 октября 2023 г.

Принята к печати 12 февраля 2024 г.

Received 06.10.2023.

Revised 21.10.2023.

Accepted 12.02.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.049-060

А. А. Долганин

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация

Производные финансовые инструменты (деривативы) в практике хеджирования нефинансовых организаций

Резюме. Финансово-экономическая ситуация 2022 г. в России резко уменьшила рынок производных финансовых инструментов (деривативов), в том числе заключаемых нефинансовыми организациями (хеджерами) для сокращения коммерческих рисков (хеджирования). При этом волатильность на товарных рынках и односторонние ограничительные меры увеличивают риски субъективно непредвиденных имущественных потерь в связи с исполнением деривативов, поэтому российские нефинансовые организации всё чаще пытаются признать такие договоры недействительными. Однако обычно используемое основание для оспаривания (нарушение требований закона или иного правового акта (ст. 168 ГК РФ)) во многих случаях оказывается нерелевантным, свидетельствуя об искаженном понимании правовой природы производных финансовых инструментов и противоречивом поведении истцов-хеджеров. Их типичные аргументы раскрываются через правовые особенности деривативов: алеаторность, на которой основаны распределение денежных обязанностей сторон и неопределенность величины денежного предоставления, и отсутствие правовых предпосылок для универсальной презумпции асимметрии сторон хеджирующего дериватива. Юридическое значение волатильности в договорной конструкции производного финансового инструмента обосновывается строгой связью между его нормативной алеаторностью и случайной изменчивостью параметров базисного актива, эконометрические характеристики которой при этом не влияют на действие и действительность договора. Автором сформулированы выводы об обусловленности неограниченных имущественных потерь по деривативу не только его алеаторной природой, но и целями хеджирования. Отмечается дискуссионность безусловного применения концепции сильной и слабой стороны в производных финансовых инструментах с участием нефинансовых организаций с учетом различных аспектов договорной и информационной асимметрии.

Ключевые слова: производный финансовый инструмент; дериватив; хеджирование; алеаторная сделка; нефинансовая организация; принцип добросовестности; квалифицированный инвестор; слабая сторона договора; риск; недействительность сделки

Для цитирования: Долганин А. А. Производные финансовые инструменты (деривативы) в практике хеджирования нефинансовых организаций. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 49–60. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.049-060

Derivative Financial Instruments (Derivatives) in Hedging Practices of Non-Financial Organizations

Alexander A. Dolganin

Lomonosov State University

Moscow, Russian Federation

Abstract. The financial and economic situation in Russia in 2022 has sharply reduced the market for derivative financial instruments (derivatives), including the instruments applied by non-financial organizations (hedgers) to reduce commercial risks (hedging). At the same time, volatility in commodity markets and unilateral restrictive measures increase the risks of unforeseen property losses in connection with the execution of derivatives, which is why Russian non-financial organizations are increasingly trying to invalidate such contracts. However, a commonly used ground for contesting in many cases (violation of the requirements of a law or other legal act (Article 168 of the Civil Code of the Russian Federation)) turns out to be irrelevant, indicating a distorted understanding of the legal nature of derivative financial instruments and contradictory behavior of plaintiffs-hedgers. Their typical arguments are explained through the legal features of derivatives: the aleatory nature on which the distribution of monetary obligations of the parties and the uncertainty of the amount of monetary provision are based, and the lack of legal prerequisites for the universal presumption of asymmetry of the parties of the hedging derivative. The legal significance of volatility in the contractual structure of a derivative financial instrument is justified by the strict relationship between its regulatory aleatory nature and the random variability of the parameters of the underlying asset, the econometric characteristics of which do not affect the validity and effect of the contract. The author draws conclusions that unlimited property losses on a derivative are preconditioned not only by its aleatory nature, but also by the hedging objectives. It is noted that unconditional application of the concept of strengths and weaknesses in derivative financial instruments involving non-financial organizations is controversial due to various aspects of contractual and information asymmetry.

Keywords: derivative financial instrument; derivative; hedging; aleatory transaction; non-financial organization; principle of good faith; qualified investor; weak side of the contract; risk; invalidity of the transaction

Cite as: Dolganin AA. Derivative Financial Instruments (Derivatives) in Hedging Practices of Non-Financial Organizations *Lex russica*. 2024;77(3):49-60. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.049-060

Общие вводные положения

Нефинансовые организации¹ могут осуществлять хеджирование, то есть переносить имущественные риски ввиду случайной волатильности (колебания курса валюты, цен на товары, процентной ставки и т.п.) из своей обычной хозяйственной деятельности в финансовый сектор, заключая с профессиональными участниками финансового рынка договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами (ПФИ), или деривативами. Денежное предоставление по хеджирующему обязательству из ПФИ

компенсирует потери по уже существующему или будущему обязательству в рамках хозяйственной деятельности (у покупателей — рост цен на приобретаемые товары, валюту и т.п., у продавцов — падение цен на реализуемые товары, валюту и т.п.) ввиду зеркального отражения базисным активом ПФИ (товаром, валютой и др.) заложенной в основе риска случайности². Возможность хеджирования обеспечивается традиционной конструкцией дериватива как финансовой сделки, которая в российском праве именуется «расчетным» ПФИ и предусматривает моделирование денежных обязательств

¹ Под нефинансовыми организациями в статье понимаются организации, не оказывающие финансовые услуги и не являющиеся финансовыми по смыслу п. 6 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434).

² См. традиционное юридическое понимание хеджирования за рубежом (словарное: Black's Law Dictionary. 9th ed. St. Paul, MN : West, 2009. P. 791; или законодательное: например, Commodity Exchange Act § 6a(c)(2) в США), а также российское «налоговое» понятие хеджирования в п. 5 ст. 301 Налогового кодекса РФ (Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340).

стороны или сторон в зависимости от случайного изменения параметра базисного актива³.

Российский рынок ПФИ в 2022 г. обнаружил две противоречивые тенденции, заслуживающие не только экономического и административно-регуляторного, но и частноправового внимания. Резкое сокращение количества заключенных биржевых и внебиржевых деривативов⁴ не обусловлено падением интереса нефинансовых организаций к перераспределению рисков как важнейшей цели заключения ПФИ. Однако экстраординарная финансово-экономическая обстановка не только усложняет конструирование новых хеджирующих сделок, но и вполне способна разрушать схемы хеджирования по уже заключенным деривативам, что приводит к значительным имущественным потерям.

Поэтому весьма уместной представляется юридическая рефлексия над использованием внебиржевых⁵ расчетных ПФИ российскими нефинансовыми организациями — не умоглядная, а подтверждаемая эмпирически по известным за последние 10 лет спорам, дошедшим до арбитражных судов (дела № А40-168599/2015⁶, А40-3903/17⁷, А40-242450/22⁸, А65-29570/2022⁹ и др.). Позиции истцов в этих делах стабильно демонстрируют одни и те же

«болевы точки» договорной практики, подвигающие нефинансовые организации к попыткам оспаривания ПФИ прежде всего по общим основаниям ст. 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации. Изложенные далее особенности расчетных ПФИ играют ключевую роль в аргументации нефинансовыми организациями нарушения требований законодательства как основания недействительности ПФИ.

Правовые особенности ПФИ

в контексте нарушения требований закона

Не ограниченная договором и не контролируемая волей сторон волатильность базисного актива расчетного ПФИ

Волатильность на финансовых и товарных рынках в экономической литературе традиционно понимается в качестве «изменчивости» или измеримой «величины изменения значений временного ряда» (например, цена на углеродном рынке)¹⁰. В аналогичном значении категория волатильности используется в нормативном контексте международной стандартной финансовой отчетности¹¹.

³ О хеджировании и правовой природе расчетных ПФИ также см. далее в настоящей статье. В нормативно оформившейся в России дуальной классификации расчетных и поставочных ПФИ последние, предполагающие не моделирование денежных обязательств, а передачу реального базисного актива и (или) заключение нового ПФИ, в статье не рассматриваются.

⁴ См.: Рост показателей на ключевых рынках и новые товары на бирже: результаты СПБМТСБ в 2022 году // Официальный сайт СПБМТСБ. 13 января 2023 г. URL: https://spimex.com/press_centre/news/31429/ (дата обращения: 08.11.2023) ; Московская биржа подвела итоги торгов в 2022 году // Официальный сайт Московской биржи. 4 января 2023 г. URL: <https://www.moex.com/n53917/?nt=106> (дата обращения: 08.11.2023) ; Рынок внебиржевых производных финансовых инструментов : доклад Банка России // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/46341/OTC_derivatives_market_2022.pdf (дата обращения: 08.11.2023).

⁵ Расчетные ПФИ заключаются и на бирже, однако исследуемая в статье проблематика характерна для внебиржевых сделок.

⁶ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.06.2016 № 09АП-19571/2016-ГК по делу № А40-168599/2015 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2017 по делу № А40-3903/17.

⁸ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 03.04.2023 по делу № А40-242450/22-25-1856.

⁹ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.08.2023 № 11АП-10098/2023, 11АП-10523/2023, 11АП-10522/2023 по делу № А65-29570/2022.

¹⁰ См., например: *Тайлаков В. О.* Анализ стратегий поведения угледобывающих предприятий на углеродном рынке // ГИАБ. 2009. № 12. С. 89 ; *Субботин А. В.* Моделирование волатильности: от условной гетероскедастичности к каскадам на множественных горизонтах // Прикладная эконометрика. 2009. № 3 (15). С. 94.

¹¹ См.: приложение В к Международному стандарту финансовой отчетности (IFRS) 7 «Финансовые инструменты: раскрытие информации» (введен в действие на территории Российской Федерации прика-

Волатильность является экономико-финансовой категорией, что не мешает регулярному обращению к ней по вполне юридическим причинам: от специфики 1998 г. (в особом мнении Г. А. Гаджиева в знаковом деле Конституционного Суда РФ о проверке конституционности ст. 1062 ГК РФ¹²) до ситуации с курсом рубля в декабре 2014 г. (например, в деле № А40-168599/2015 истец прямо указывал на то, что нерасторжение деривативов «в связи с резким непрогнозируемым ростом курса доллара и евро к рублю в конце 2014 г.» является признаком «несбалансированности заключенных сделок»¹³).

Может ли отдельно взятый факт волатильности (обычной или «экстраординарной» со значительно меньшей предвидимостью) непосредственно влиять на правовую судьбу деривативного обязательства, повлекшего имущественные потери для нефинансовой организации?

Базовой нормой, легализующей в России расчетные ПФИ, является абзац 1 п. 2 ст. 1062 ГК РФ, согласно которому при соблюдении определенных условий подлежат судебной защите и исключаются из-под действия норм об играх и пари требования, связанные с участием в сделках, предусматривающих обязанность стороны или сторон уплачивать денежные суммы в зависимости от *изменения* динамических параметров или наступления иного обстоятельства, которое предусмотрено законом и относительно которого *неизвестно, наступит оно или не наступит*.

Таким образом, в гражданском законодательстве с момента появления п. 2 ст. 1062 ГК РФ в 2007 г. утверждаются необходимые элементы условия о предмете расчетных деривативов как существенного условия (абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ), определяющего свойственное

данному договорному типу имущественное предоставление:

1) *изменчивость (волатильность)* параметра базисного актива такой сделки (цены товара и др.) или состояния реальности (наступление или ненаступление события и др.), зависимость от которой предопределяет и величину денежного предоставления, и распределение обязанностей сторон;

2) *случайный (стохастический) характер* такой изменчивости, результаты которой неизвестны сторонам при заключении сделки и не зависят от их воли.

Данные элементы позднее были восприняты и в легальном понятии ПФИ, закрепленном в пп. 23 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее — Закон о рынке ценных бумаг). Определение его расчетной разновидности предусмотрено абзацем 2 пп. 23 п. 1 ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг и, по сути, повторяет формулировку абз. 1 п. 2 ст. 1062 ГК РФ с незначительными дополнениями. На этом же определении в дальнейшем были построены легальные дефиниции базисного актива и отдельных видов ПФИ¹⁴, ярко проявляющие сущностный характер волатильности при структурировании деривативов. Даже одна из разновидностей своп-договора (так называемые fixed-for-floating swaps (абз. 2 п. 5 указания Банка России от 16.02.2015 № 3565-У)), в которой обязанности одной стороны выплачивать фиксированную денежную сумму противостоит обязанности другой стороны выплачивать волатильно плавающую денежную сумму, сохраняет итоговую имущественную неопределенность для *каждой* стороны расчетного свопа. Получающиеся в результате сальдирования двух денежных исполнений доход и убыток сторон случайны не только в экономическом смысле:

зом Минфина России от 28.12.2015 № 217н) // Официальный сайт Минфина России. URL: <http://www.minfin.ru/>. 09.02.2016.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2002 № 282-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности статьи 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой коммерческого акционерного банка «Банк Сосьете Женераль Восток»» // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 2). Ст. 5291.

¹³ См.: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.06.2016 № 09АП-19571/2016-ГК по делу № А40-168599/2015.

¹⁴ Сначала в утратившем силу приказе ФСФР РФ (приказ ФСФР РФ от 04.03.2010 № 10-13/пз-н «Об утверждении Положения о видах производных финансовых инструментов» // Российская газета. № 87. 23.04.2010), в настоящее время — в действующем указании Банка России (указание Банка России от 16.02.2015 № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов» // Вестник Банка России. № 28. 31.03.2015).

практически всегда они оформляются результирующим денежным обязательством в отдельном соглашении.

Аналогичным образом значение волатильности для расчетных ПФИ проявляется в стандартной документации производных финансовых инструментов как на международном (разрабатываемой Международной ассоциацией свопов и деривативов, ISDA), так и на национальном уровне (разработанная в соответствии с п. 3 ст. 51.4 Закона о рынке ценных бумаг). Так, Приложение о раскрытии информации по товарным деривативам ISDA (англ. ISDA Disclosure Annex for Commodity Derivative Transactions¹⁵) не только сходным образом описывает упомянутые fixed-for-floating swaps, но и специально указывает на волатильность товарных цен и индексов, непосредственно влияющих на величину имущественного предоставления по товарными деривативам. Сходные положения, в том числе прямо относящиеся случайную и ничем не ограниченную изменчивость к конструкции существенных условий ПФИ, содержатся, например, в Стандартных условиях срочных товарных сделок НАУФОР (в рамках понятий «плавающая цена», «плавающая сумма» и др., см. п. 1.12–1.13, 3.1, 5.4 и др.)¹⁶.

Изложенный подход к пониманию изменчивости (волатильности) и ее квалифицирующего значения в расчетных деривативах нашел свое отражение и в недавней российской судебной практике¹⁷. Этот же подход в связи с деривативами в том или ином виде широко представлен и в зарубежной¹⁸, и в российской юридической литературе¹⁹. Показательно, что в данном случае совпадают позиции классической дореволюционной доктрины применительно к прообразам расчетных ПФИ («сделкам

на разность»)²⁰ и современная позиция Г. Райнера в отношении стохастической «обусловленности» всех существующих в настоящее время деривативов²¹.

Признаваемое правом значение случайной изменчивости в конструкции расчетного ПФИ тем не менее с очевидностью игнорирует какие-либо экономические и эконометрические характеристики и другие аспекты такой волатильности (степень, интенсивность, причины и т.п.), за исключением неотъемлемо присущей ей случайности, т.е. независимости от воли сторон сделки. Поэтому наличие или отсутствие таких обстоятельств само по себе не имеет юридического значения в контексте существования обязательства из расчетного ПФИ.

Неограниченность возможных имущественных потерь в результате исполнения обязательств из хеджирующих ПФИ

Структура расчетного ПФИ, основанная на категории волатильности, предопределяет ключевую проблему в практике использования ПФИ нефинансовыми организациями — опосредуемую договорным обязательством открытость последних к неопределенному риску имущественных потерь. В связи с этим, например, в деле № А40-242450/22 истец заявлял о необходимости «определения пороговых значений» волатильности в заключенных расчетных товарных свопах для лимитирования возможной величины денежной обязанности²².

Рассматривать эту проблему целесообразно с учетом двух аспектов: 1) критического значения волатильности при определении правовой природы заключенных нефинансовой организацией расчетных деривативов; 2) хеджирующего характера таких ПФИ.

¹⁵ Disclosure Annex for Commodity Derivative Transactions // Deutsche Bank. URL: <https://www.db.com/files/documents/dodd-frank/ISDA0321-Commodities-Annex.pdf> (дата обращения: 07.11.2023).

¹⁶ Стандартные условия срочных товарных сделок НАУФОР // Официальный сайт НАУФОР. URL: <https://naufor.ru/risda/files/StandardTermsOfCommodityTransactions2012.pdf> (дата обращения: 07.11.2023).

¹⁷ См. отсылки к волатильности и сущности таких контрактов в актах по делу № А40-201160/2020, например: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2021 № 09АП-72184/2021.

¹⁸ См., например: *Cohen Saul S. The Challenge of Derivatives* // *Fordham L. Rev.* 1995. Vol. 63. P. 2000 ; *Райнер Г. Деривативы и право*. М., 2005. С. 12–24.

¹⁹ См.: *Селивановский А. С. Правовое регулирование рынка производных финансовых инструментов* : учебник. М., 2022. С. 30–32.

²⁰ См.: *Федоров А. Ф. Торговое право*. Одесса, 1911. С. 662 ; *Цитович П. П. Учебник торгового права*. Киев, 1891. С. 241.

²¹ *Райнер Г. Указ. соч.* С. 19–22, 37.

²² Решение Арбитражного суда г. Москвы от 03.04.2023 по делу № А40-242450/22-25-1856.

«Производность» всякого расчетного дериватива, как уже было показано ранее, заключается в математической функциональной зависимости между величиной денежной обязанности стороны сделки и волатильностью случайного параметра базисного актива. Таким образом, в своем нормальном состоянии конструкция расчетного ПФИ предполагает такие имущественные потери (равно как и выгоды) стороны в связи с его исполнением, которые независимо от воли сторон произвольно следуют за параметрами базисного актива.

Следует отметить, что российское законодательство не содержит каких-либо правил о специальных условиях расчетных ПФИ, которые бы разрывали связь между параметром базисного актива и денежными предоставлениями сторон, ограничивая их какой-то предельной твердой денежной суммой или иным образом. Аналогичная позиция о том, что неограниченность возможных имущественных потерь (как и выгод) стороны расчетного дериватива является общим правилом, достаточно явно представлена в зарубежной²³ и российской²⁴ правовой доктрине и в целом не оспаривается. При этом правомерность и обычный характер неограниченных имущественных потерь неоднократно подтверждалась судами и в российской²⁵, и в зарубежной практике²⁶ по спорам, связанным с расчетными деривативами.

Одно из традиционных определений алеаторного договора предполагает детерминацию имущественных последствий такого договора (величины имущественного предоставления и самого распределения между сторонами соответствующих прав и обязанностей) неизвестным событием²⁷. Расчетные ПФИ являются достаточно ярким примером подобной алеаторности в российской правовой системе²⁸: перераспределение риска — неотъемлемый элемент их каузы, а расчет на возможность случайной имущественной выгоды, равно как и осознанное допущение случайной имуще-

ственной потери, — часть волеизъявления сторон, обязательная «рисковая» составляющая соглашения.

В связи с этим, как представляется, весьма привлекательные для нефинансовой организации (особенно постфактум, уже после образования долга) попытки ограничения имущественных потерь в условиях расчетного дериватива не просто приближают такую алеаторную сделку к обычному «меновому» (коммутативному) договору, по которому сторонам уже в момент заключения известны все характеристики их обязанностей. Важнее, что утрата риска и заведомое недостижение каузы строго алеаторного (с точки зрения императивных норм российского законодательства) ПФИ могут поставить его на грань действительности с точки зрения ст. 168 ГК РФ. Если же ограничение имущественных потерь распространяется только на одну сторону расчетного ПФИ, эта асимметрия неопределенности не только рискует противоречить нормам законодательства, которые предусматривают лишь один вид асимметричного расчетного дериватива (опционный договор в п. 2 указания Банка России от 16.02.2015 № 3565-У), но и может свидетельствовать о несправедливости подобного ограничительного условия по смыслу п. 10 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах». Ограничение потерь не сопровождается для такой стороны ограничением ее возможных выгод, что создает для нее существенные преимущества и явно нарушает баланс интересов сторон.

Если же допустить симметричное ограничение имущественных потерь, несмотря на его уже отмеченную экстраординарность для таких сделок и риски утраты каузы, подобное условие представляется бессмысленным при хеджировании. Хеджирование, как уже отмечалось, является вспомогательной экономической деятельностью лица (хеджера) по систем-

²³ Райнер Г. Указ. соч. С. 29–31.

²⁴ Селивановский А. С. Правовое регулирование рынка производных финансовых инструментов. С. 18, 21, 32.

²⁵ Например, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2017 по делу № А40-3903/17.

²⁶ Например: Procter & Gamble Co. v. Bankers Trust Co., 925 F. Supp. 1270 (S. D. Ohio 1996).

²⁷ См., например, о французском подходе к пониманию алеаторности: Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003. С. 440.

²⁸ О дискуссии по вопросу алеаторности опционного договора см.: Быстров А. Я. Алеаторная природа сделок на разницу // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 9.

ному заключению производных финансовых инструментов (хеджа) в целях сокращения коммерческих рисков в рамках обычной хозяйственной деятельности хеджера²⁹. Полученное денежное предоставление по хеджирующему ПФИ позволяет, например, хеджеру-поставщику компенсировать недополученную прибыль по договорам поставки из-за падения цены на товар.

Хеджер находится в состоянии неопределенности и неограниченного риска, которые он осознает и прогнозирует в рамках своей хозяйственной деятельности (например, падение рыночной цены на реализуемые товары). Поэтому сущность хеджирования заключается в восполнении потенциально неограниченных имущественных потерь, чего можно достичь исключительно неограниченной возможной выгодой по расчетному деривативу в виде денежных сумм, выплачиваемых другой стороной. Симметричное же ограничение имущественных потерь по расчетному деривативу лишает хеджера возможной неограниченной выгоды, оставляет его в имущественной неопределенности и делает полноценное хеджирование невозможным.

При этом хеджирующая цель заключения договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, не означает, что одна из сторон такого договора (как правило, спекулянт-инвестор) принимает на себя от другой стороны (хеджера) риски заключения и исполнения хеджируемых договоров в рамках обычной хозяйственной деятельности хеджера (например, риски поиска и переговоров с контрагентами — покупателями товаров, согласование условия о цене и других условий договора поставки, риски неисполнения и др.). Спекулянт разделяет с хеджером риск неограниченной волатильности базисного актива, но риски по платежным потокам хеджируемых договоров на рынке реального товара остаются у хеджера и не могут асимметрично ограничивать его потери по производному финансовому инструменту, равно как и влиять на

действие или действительность обязательств из ПФИ.

Таким образом, отсутствие в хеджирующем расчетном деривативе условий об ограничении возможных имущественных потерь (через лимитацию волатильности или другим способом) является разумным и предсказуемым способом конструирования таких договоров. В свою очередь, позиции хеджеров — нефинансовых организаций, сначала принципиально соглашающихся с условиями дериватива в надежде на благоприятную динамику волатильности и неограниченную имущественную выгоду, а затем заявляющих об их неправомерности, могут являться примером противоречивого поведения и вынуждают другую сторону (ответчика) ссылаться на эстоппель (п. 5 ст. 166 ГК РФ)³⁰.

**Алеаторность и асимметрия:
«сила» и «слабость» сторон
хеджирующего расчетного ПФИ**

При оспаривании расчетных ПФИ по основанию, предусмотренному статьей 168 ГК РФ, уже рассмотренные отсылки к волатильности и неограниченности риска в позиции истцов представлены, как правило, для подтверждения недобросовестности финансовой организации, допустившей наличие или отсутствие соответствующих договорных условий в нарушение ст. 10 ГК РФ. При этом аргументация нефинансовой организации в отношении недобросовестности другой стороны расчетного ПФИ так или иначе связывается с условными категориями «сильная» и «слабая» сторона договора, не всегда текстуально поименованными таким образом, но по смыслу всегда присутствующими в виде утверждений о разнице в профессионализме сторон³¹.

Следует отметить, что в российском законодательстве и стандартной документации НАУФОР не используются понятия «слабая» и «сильная» сторона договора. В научной литературе «силу» и «слабость» сторон обычно связывают с диспропорциями их возможностей при заключении ПФИ в части профессионализма,

²⁹ См. подробнее: Долганин А. А. Правовое регулирование хеджирования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 10–50.

³⁰ См., например, отмеченное судами противоречивое поведение истца: постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.08.2023 № 11АП-10098/2023, 11АП-10523/2023, 11АП-10522/2023 по делу № А65-29570/2022.

³¹ См., например, в актах по делу № А40-168599/2015 (спор между ООО «Платинум Недвижимость» и ОАО «Банк Москвы»), делу № А40-3903/17 (спор между ПАО «Транснефть» и ПАО «Сбербанк»), делу № А65-29570/2022 (спор между ООО «Трансойл» и ПАО «Сбербанк»).

навыков, понимания, знаний и т.п. и с соответствующим правовым положением³².

Однако общий смысл появления базовой нормы п. 2 ст. 1062 ГК РФ раскрывается в том числе в установлении субъектного ценза, принципиальной задачей которого является уменьшение разрыва между фактическим положением и формальным юридическим равенством сторон внебиржевого расчетного ПФИ. Требования к субъектному составу закреплены посредством:

1) общего правила, исключающего из субъектного состава физических лиц под угрозой утраты права на судебную защиту (абз. 2 п. 2 ст. 1062 ГК РФ);

2) специальных оговорок, допускающих участие граждан лишь в некоторых случаях и с серьезными ограничениями (п. 5.1–5.5 ст. 51.4 Закона о рынке ценных бумаг).

Предусмотренное законом обязательное участие во внебиржевом расчетном деривативе банка или профессионального участника рынка ценных бумаг свидетельствует о желании законодателя включить в отношение лицензируемую и поднадзорную организацию, но не о противопоставлении «сильной» и «слабой» стороны. Тем более очевидно, что сторонами внебиржевого расчетного дериватива могут быть только банки или, например, банки и юридические лица — квалифицированные инвесторы по смыслу ст. 51.2 Закона о рынке ценных бумаг. Показательно, что аналогичные цензы отсутствуют для других финансовых договоров (кредитных, страховых, лизинговых), которые в российском правоприменении служат поименованными ориентирами в определении «профессиональной диспропорции»³³.

Таким образом, российское законодательство, по существу, не противопоставляет стороны внебиржевого расчетного дериватива и заведомо не превращает его в аналог потребительского договора между предпринимателями. Исключением являются лишь специальные оговорки, связанные с физическими лицами

(пп. 2 п. 5.2 ст. 51.4 Закона о рынке ценных бумаг), и частный случай заключения деривативов неквалифицированными инвесторами при помощи брокеров (п. 2.4 ст. 3 Закона о рынке ценных бумаг). При этом граждане как потребители в отношениях с предпринимателями, хотя бы и в отсутствие легальных терминов «сильная» и «слабая» сторона, ввиду типичного с точки зрения публичного интереса неравенства все и безусловным образом наделены законодательством множеством специальных прав (например, правом на информацию в соответствии со ст. 9 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»). Какие-либо хотя бы приблизительно сопоставимые нормы, характеризующие сходное неравенство юридических лиц в качестве общего правила, отсутствуют в российском правовом регулировании рынка ПФИ.

Так, известное законодательству понятие квалифицированного инвестора (ст. 51.2 Закона о рынке ценных бумаг) нельзя считать аналогом «сильной» стороны и доказательством презумпции «негоризонтальных» отношений в производных финансовых инструментах в связи с тем, что:

1) статус квалифицированного инвестора во внебиржевых деривативах не обременяет его массивом специальных обязанностей³⁴ и не наделяет корреспондирующими правами неквалифицированного инвестора (за исключением уже упомянутых норм о физических лицах и норм о брокерах);

2) основания приобретения статуса квалифицированного инвестора для юридических лиц являются количественными, а не качественными и не демонстрируют действительную разницу в профессионализме, знаниях и т.п. (размер собственного капитала, заключение деривативов в определенном количестве и объеме, размер выручки, размер активов согласно п. 5 ст. 51.2 Закона о рынке ценных бумаг).

Все эти основания, каждого из которых достаточно для приобретения статуса, лишь

³² См.: Селивановский А. С. Внебиржевые деривативы и добросовестность участников рынка: обзор накопившихся проблем // Закон. 2021. № 10.

³³ См. применительно к правилу толкования *contra proferentem*: п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета. № 4. 11.01.2019.

³⁴ На отсутствие специальных информационных обязанностей указывал и Банк России, его позиция приводится в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2017 по делу № А40-3903/17.

косвенно и отдаленно могут указывать на реальную «силу» профессионализма стороны в отмеченном ранее доктринальном понимании. А в случае, предусмотренном подпунктом 10.3 п. 2 ст. 51.2 Закона о рынке ценных бумаг, размера выручки или чистых активов и вовсе будет достаточно для автоматического присвоения статуса квалифицированного инвестора, и многие российские нефинансовые организации, заключающие ПФИ, этим критериям соответствуют, будучи субъектами крупного бизнеса. В свою очередь, наличие стандартной документации о раскрытии информации (Стандарт НАУФОР об информировании клиентов о рисках³⁵ и т.п.) само по себе не свидетельствует о постоянной «слабости» одной из сторон, будучи прямым следствием алеаторности сделок и средством обеспечения добросовестности всех участников отношений (аналогичную роль в отношениях между предпринимателями могут играть и, например, кодексы добросовестных практик в ритейле, маркетинге и т.п.).

Единственным бесспорно значимым для правоприменения упоминанием категории «слабая сторона договора» применительно к коммерческим юридическим лицам следует считать разъяснения постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16. Системное толкование его положений (п. 2–3, 5, 9) позволяет сделать вывод о том, что под «слабой» стороной ВАС РФ понимал такого контрагента: 1) которому в конкретном случае при заключении договора были предложены обременительные условия в составе проекта договора; 2) который был намеренно поставлен в неравную переговорную позицию, затрудняющую согласование иного содержания отдельных условий. Разъяснения ВАС РФ, во-первых, подчеркивают возможность применения категории «слабая сторона» только для конкретной ситуации и не называют ее общим правилом для каких-то видов договоров или сфер экономики, а во-вторых, прямо привязывают наличие «слабой» стороны к факту недобросовестного поведения другого лица (абз. 3 п. 9 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16). Очевидно, что данный подход к пониманию «слабой» стороны

исключает абстрактную применимость этой категории к любым ПФИ по умолчанию — даже в том случае, если одной из сторон дериватива является нефинансовая организация.

В связи с вышесказанным представляется необоснованным произвольное распространение ранее упомянутой вариации научного понятия «сильная» и «слабая» сторона договора на субъектный состав внебиржевых деривативов в качестве общего правила. Упрощенный вариант этого понятия (слабая сторона — лицо, которое не имеет соответствующего опыта заключения таких договоров³⁶) позволяет нам абстрактно применять его практически к любым договорным типам, заключаемым между предпринимателями (почему тогда не являются по умолчанию «слабой» стороной впервые заключающие договор лизингополучатель по договору лизинга или грузоотправитель по договору перевозки?), что явно не будет способствовать стабильности гражданского оборота. Развернутый же вариант определения (через «договорную, информационную и процессуальную диспропорцию»³⁷) также вызывает дискуссии.

Так, в «договорной диспропорции» А. С. Селивановский отмечает три элемента:

- 1) разработка используемой сторонами стандартной документации НАУФОР в целях приоритетной защиты интересов финансовых организаций;

- 2) возможность финансовых организаций вносить изменения в примерные условия внебиржевых деривативов;

- 3) сложность договорной терминологии и формулировок условий для стороны, не являющейся финансовой организацией³⁸.

Полагаю, что каждый элемент не может быть общим правилом:

1. Разработка примерных условий не самой стороной, а саморегулируемой организацией (СРО, в данном случае — НАУФОР) не предполагает защиту интересов стороны (члена НАУФОР) в ущерб интересам его контрагента, а призвана, напротив, упростить формализацию отношений и балансировать интересы сторон с учетом прямого запрета на осуществление деятельности членом СРО в ущерб другому пред-

³⁵ Стандарты профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг (утв. решением Совета директоров НАУФОР 18 февраля 2015 г.) // Официальный сайт НАУФОР. URL: <http://naufor.ru/getfile.asp?id=13642&hk=20200427> (дата обращения: 11.08.2023).

³⁶ Селивановский А. С. Внебиржевые деривативы и добросовестность участников рынка.

³⁷ Селивановский А. С. Внебиржевые деривативы и добросовестность участников рынка.

³⁸ Селивановский А. С. Внебиржевые деривативы и добросовестность участников рынка.

принимателю (ч. 7 ст. 4 Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»).

2. Возможность финансовых организаций вносить изменения в примерные условия обеспечивает в том числе адаптацию договора под экономические цели другой стороны (например, под цели хеджирования) и должна рассматриваться в рамках общей презумпции добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК РФ).

3. Условие о предмете внебиржевых деривативов, определяющее их алеаторность и потому, как правило, вызывающее недовольство нефинансовой организации, которая понесла имущественные потери, не является по умолчанию недоступной для понимания конструкцией хотя бы постольку, поскольку предмет основных видов ПФИ определен императивными и довольно лаконичными нормами. В целом документация ПФИ (генерального соглашения и отдельных договоров) действительно изобилует специальными условиями на основе финансовой терминологии (в том числе относительно порядка уплаты маржевых сумм и т.п.), однако нефинансовые организации, оспаривающие ПФИ, могут некорректно встраивать эту специфику в обоснование своих требований. Используемый в итоге ряд из трех утверждений: а) сложность договорной работы (или неравенство в ее понимании), б) недобросовестность финансовой организации, в) понесенные нефинансовой организацией имущественные потери — оказывается бессвязным и алогичным. Потери иногда проистекают не из непонимания конкретных формулировок как следствия недобросовестности другой стороны (например, конкретных неясных договорных условий, предложенных банком), а из экономического существа распределения риска, выраженного в предмете ПФИ и сводимого к достаточно простой и краткой схеме. Поэтому заявляемое нарушение прав становится не следствием реализованной договорной диспропорции, а ex post несогласием с деривативной алеаторностью как таковой. Показательно, что нефинансовые организации не заявляют о том, что они не понимали и порядок формирования своей имущественной выгоды по деривативу, а ведь для расчетных ПФИ договорная

схема выгод и потерь в целом идентична и требует одинакового уровня профессионализма для понимания.

«Информационная диспропорция», обозначаемая в качестве «не слишком хорошего понимания содержания и подробностей принимаемых на себя обязательств по производному финансовому инструменту»³⁹, в определенной степени дублирует смысл третьего элемента «договорной диспропорции». Более того, если одна из сторон действительно не осознавала содержание принятых на себя обязательств, среди которых, возможно, будет и существенное условие о предмете, то само существование обязательства может быть под угрозой в связи с незаключенностью договора или его недействительностью вследствие порока воли, что делает бессмысленными заявления о «силе» или «слабости» сторон в контексте ст. 168 ГК РФ.

В случае же заключения производных финансовых инструментов в целях хеджирования «информационная диспропорция» может изменяться реверсивно. Хеджирование, как правило, предполагает заключение дериватива в отношении базисного актива, составляющего основу хозяйственной деятельности хеджера (например, полезное ископаемое для добывающей компании). Поскольку именно хеджер осуществляет предпринимательскую деятельность на рынке этого базисного актива в течение длительного времени, то именно он, а не финансовая организация должен обладать профессиональными знаниями, характеризующими алеаторность дериватива, в том числе о состоянии и конъюнктуре рынка, особенностях исторической и ожидаемой волатильности базисного актива, факторах, влияющих на волатильность, и т.д. Именно от этих знаний зависит предпринимательская деятельность хеджера.

Более того, действующие в России нормы о хеджировании (п. 5 ст. 301 НК РФ), равно как и достаточно многочисленная практика их применения в рамках налоговых споров⁴⁰, позволяют сделать вывод о том, что хеджирование — это прежде всего профессиональная экономическая деятельность самого хеджера, охватываемая его компетенцией, предпринимательским риском и соответствующими обязанностями

³⁹ Селивановский А. С. Внебиржевые деривативы и добросовестность участников рынка.

⁴⁰ См., например: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2021 № 09АП-72184/2021 по делу № А40-201160/2020.

руководителя хеджера — юридического лица⁴¹. Поэтому ФНС РФ и арбитражные суды при квалификации сделок в качестве хеджирующих оценивают действия именно хеджера, а не другой стороны. Все эти обстоятельства явно способны менять информационную расстановку сил во многих хеджирующих внебиржевых деривативах, если презюмировать разумное и осмотрительное поведение хеджера.

Третий вид диспропорции, «процессуальная», сводится к недостаточности ресурсов (материальных, информационных и т.п.) одной из сторон для полноценного участия в третейских разбирательствах, что может быть справедливо для физического лица (допускаемого к заключению внебиржевых деривативов в рамках строгих исключений), но выглядит весьма странно применительно к договорам между коммерческими организациями. В таком случае во всяком договоре с третейской оговоркой нужно пытаться обнаруживать «слабую» сторону, что не имеет под собой никаких разумных оснований.

Таким образом, понятия «сильная» и «слабая» сторона договора, на мой взгляд, не могут рассматриваться в качестве общего правила для субъектного состава ПФИ в своих известных научных интерпретациях. И в том и в другом случае принципиальное значение имеют: 1) казуальность оценки обстоятельств и поведения сторон в каждом конкретном случае, которая не может сводиться к опровержению презумпции наличия «сильной» и «слабой» стороны; 2) связь результатов такой оценки с принципом добросовестности и его нормативными аспектами (обязанность действовать добросовестно и запретом извлекать преимущества из недобросовестного поведения (п. 3–4 ст. 1 ГК РФ), взаимное содействие и ликвидация информационной асимметрии (п. 3 ст. 307 ГК РФ), презумпция добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК РФ)).

Заключение

Нефинансовые организации — участники дел по оспариванию расчетных ПФИ до сих пор ориентируются на два ключевых и противоположных

по результатам спора (в пользу нефинансовой организации — дело № А40-168599/2015, в пользу банка — дело № А40-3903/17), что само по себе не способствует стабильному и корректному восприятию хеджерами экономической и правовой природы ПФИ.

Представляется, что специфика правоприменения не должна использоваться нефинансовыми организациями для произвольных и необоснованных попыток оспаривания деривативов. Разумеется, если заключение расчетного внебиржевого ПФИ было связано с недобросовестным поведением одной из сторон, он может быть признан недействительным по ст. 168 ГК РФ, однако основание такого требования следует тщательно «очищать» от фантомных нарушений правовых норм — проявлений юридической сущности ПФИ⁴².

Попытки обнаружить юридические эффекты экстраординарной волатильности (в связи с кризисными экономическими явлениями и т.п.) не учитывают то, что независимая от воли сторон волатильность (или случайное событие) является необходимым элементом существенного условия о предмете всякого расчетного ПФИ, а интенсивность и другие ее характеристики охватываются волей сторон при согласовании условия и не имеют юридического значения в контексте как действия, так и действительности обязательства. Субъективная чрезмерность имущественных потерь одной из сторон связана с нормальной для расчетных деривативов открытостью сторон к неопределенному риску, ограничение которого может ставить под угрозу алеаторную природу таких сделок и разрушать схему хеджирования. В свою очередь, презумпция «слабости» нефинансовой организации в расчетных ПФИ не имеет явных нормативных оснований и выглядит избыточной при возможности казуально обнаруживать недобросовестное поведение общими гражданско-правовыми средствами. Обеспечение публичного интереса в сфере ПФИ предполагает стимулирование хеджирования нефинансовых организаций, но не умножение без необходимости «потребительства» в предпринимательстве.

⁴¹ Проявлением необходимого стандарта разумности и осмотрительности является принятие хеджером специального внутреннего документа — политики хеджирования или ее аналогов. См. подробнее: Долганин А. А. Указ. соч. С. 65–66.

⁴² Новая волна подобных споров в 2022 г. пока подтверждает данный вывод: суды осторожно оценивают аргументацию хеджеров и отказывают им в удовлетворении требований (см., например, акты по делам № А40-242450/22, № А65-29570/2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Быстров А. Я. Алеаторная природа сделок на разницу // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 9. С. 86–121.
- Долганин А. А. Правовое регулирование хеджирования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 180 с.
- Райнер Г. Деривативы и право. М., 2005. 496 с.
- Селивановский А. С. Внебиржевые деривативы и добросовестность участников рынка: обзор накопившихся проблем // Закон. 2021. № 10. С. 51–81.
- Селивановский А. С. Правовое регулирование рынка производных финансовых инструментов : учебник. М., 2022. 375 с.
- Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003. 558 с.
- Субботин А. В. Моделирование волатильности: от условной гетероскедастичности к каскадам на множественных горизонтах // Прикладная эконометрика. 2009. № 3 (15). С. 94–138.
- Тайлаков В. О. Анализ стратегий поведения угледобывающих предприятий на углеродном рынке // ГИАБ. 2009. № 12. С. 88–93.
- Федоров А. Ф. Торговое право. Одесса, 1911. 908 с.
- Цитович П. П. Учебник торгового права. Киев, 1891. 300 с.

REFERENCES

- Bystrov AYa. The aleatoric nature of transactions for difference. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2022;9:86-121. (In Russ.).
- Dolganin AA. Legal regulation of hedging. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2018. (In Russ.).
- Fedorov AF. Commercial law. Odessa; 1911. (In Russ.).
- Rainer G. Derivatives and law. Moscow; 2005. (In Russ.).
- Selivanovskiy AS. Legal regulation of the derivatives market. Moscow; 2022. (In Russ.).
- Selivanovskiy AS. OTC derivatives and the integrity of market participants: an overview of accumulated problems. *Zakon*. 2021;10:51-81. (In Russ.).
- Serebrovsky VI. Selected works on inheritance and insurance law. Moscow; 2003. (In Russ.).
- Subbotin AV. Volatility modeling: from conditional heteroscedasticity to cascades on multiple horizons. *Applied Econometrics*. 2009;3(15):94-138. (In Russ.).
- Tailakov VO. Analysis of strategies of behavior of coal mining enterprises in the carbon market. *Mining Informational and Analytical Bulletin*. 2009;12:88-93. (In Russ.).
- Tstovich PP. Textbook of commercial law. Kiev; 1891. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Долганин Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права и основ правоведения Юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова
д. 1, Ленинские горы, г. Москва 119991, Российская Федерация
a_dolganin@law.msu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Dolganin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Commercial Law and Fundamentals of Jurisprudence, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
a_dolganin@law.msu.ru

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2023 г.
Статья получена после рецензирования 16 ноября 2023 г.
Принята к печати 12 февраля 2024 г.

Received 15.11.2023.
Revised 16.11.2023.
Accepted 12.02.2024.

М. М. Бабаев

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
г. Москва, Российская Федерация

Ю. Е. Пудовочкин

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Темпоральные наблюдения объема и структуры преступности

Резюме. Обновление методологических основ российской криминологической науки может иметь одним из своих направлений активизацию гносеологического потенциала исторического метода. В рамках исторической криминологии преступность понимается не как застывшее число преступлений, совершенных в определенный промежуток времени, а как социальный процесс, наблюдаемый в течение этого временного отрезка. При этом исторический метод значим не только для познания динамики преступности как целого. Он может быть использован и для корректировки, уточнения имеющихся представлений о ее внутренних характеристиках. В частности, подключение исторического метода для исследования традиционных количественных показателей преступности — объема и структуры — открывает перед исследователями новые возможности. Актуальный объем преступности при таком подходе должен определяться настоящим (преступлениями, которые совершены и выявлены в текущий момент), прошлым, которое надо помнить (латентными преступлениями), и прошлым, которое надо забыть (деяния с истекшим сроком давности и декриминализованные). Структура преступности при ее историческом анализе предстает как комбинация относительно самостоятельно изменяющейся «стабильной» и «вариативной» ее частей. Точкой соединения прошлого и будущего в объеме и структуре преступности выступают криминогенные свойства ее социальных последствий, раскрывающие себя в механизме ее самодетерминации. При этом исторический срез этого механизма включает в себя детерминирующее воздействие последствий прошлых преступлений и страха перед будущей преступностью. Уточненные посредством исторического анализа данные о состоянии, структуре и последствиях преступности могут не только корректировать сложившиеся теоретические представления о ее опасности, но и существенным образом влиять на наши представления о реальном объеме профилактической и правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: историческая криминология; методология криминологии; исторический метод; преступность как процесс; изменение преступности; объем преступности; структура преступности; последствия преступления; объяснение преступности; опасность преступности

Для цитирования: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Темпоральные наблюдения объема и структуры преступности. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 61–74. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.061-074

Temporal Observations of the Scope and Structure of Crime

Mikhail M. Babaev

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Yuriy E. Pudovochkin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Because of updating the methodological foundations of Russian criminological science, an epistemological potential of the historical method can be revived. Within the framework of historical criminology, crime is understood not as a fixed number of crimes committed in a certain period of time, but as a social process observed during this time period. At the same time, the historical method is important not only for understanding the dynamics of crime as a whole. It can also be used to correct and clarify existing ideas about its internal characteristics. In particular, the use of the historical method to study traditional quantitative indicators of crime — scope and structure — gives researchers new opportunities. Under this approach, the actual scope of crime should be determined by the present (crimes that have been committed and identified at the moment), the past that must be remembered (latent crimes), and the past that must be forgotten (expired and decriminalized acts). The structure of crime in its historical analysis appears as a combination of independently changing «stable» and «variable» parts of crime. The point of connection of the past and the future in the scope and structure of crime represent criminogenic properties of crime social consequences, revealing themselves in the mechanism of its self-determination. At the same time, the historical cross-section of this mechanism includes a deterministic effect of consequences of past crimes and the fear of future crime. The data on the state, structure and consequences of crime, clarified through historical analysis, can not only correct the prevailing theoretical ideas about crime's danger, but also makes a significant contribution into our ideas about the real scope of preventive and law enforcement activities.

Keywords: historical criminology; methodology of criminology; historical method; crime as a process; change in crime; scope of crime; structure of crime; consequences of crime; explanation of crime; danger of crime

Cite as: Babaev MM, Pudovochkin YuE. Temporal Observations of the Scope and Structure of Crime *Lex russica*. 2024;77(3):61-74. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.061-074

Введение

Важным и традиционным подходом к изучению преступности является измерение ее объема и структуры. «Измерение преступности сводится к тому, что все индивидуальные факты криминогенного поведения, совершающиеся в определенном географическом пространстве и в определенный промежуток времени, делят на отрезки (и участки), в рамках которых подсчитывают случаи преступлений или лиц, подозреваемых в преступлении»¹. Научкой апробировано множество показателей для измерения преступности: объем, структура, различные коэффициенты. Все они, вне сомнений, информативны, необходимы для исследования и оценки преступности. И все они дают представление о количественных характеристиках преступности

как о неподвижном объекте, в известной степени игнорируя ее перманентное движение во времени.

Существенным дополнением имеющихся подходов к измерению преступности может служить ее понимание в качестве развивающегося во времени объекта, процесса, который в каждый конкретный момент сочетает в себе наследие прошлого и зачатки будущего состояния преступности. Такой взгляд не отрицает и не подвергает сомнению устоявшиеся методические приемы, но, как представляется, позволяет дополнить результаты их применения новой криминологически значимой информацией.

В рамках настоящей публикации едва ли можно осветить все аспекты заявленной темы. Потому мы ограничимся решением более скромной исследовательской задачи: показать

¹ Шнайдер Г. Й. Криминология / пер. с нем. Ю. А. Неподаева ; под ред. Л. О. Иванова. М. : Прогресс, 1994. С. 102.

на примере некоторых характеристик преступности возможности ее темпорального «препарирования» и вычленения в ее содержании элементов прошлого и будущего, их соотношения и движения.

Объем преступности

Объем преступности традиционно воспринимается как число преступлений, совершенных в некоторый момент на определенной территории. Число это включает в себя зарегистрированные и латентные преступления. В 2022 г., согласно официальным источникам, было зарегистрировано 1 966 795 преступлений. Объем латентности преступности оценивается специалистами по-разному, но в качестве надежного ориентира можно использовать данные о том, что он в 5–7 раз выше объема преступности зарегистрированной². С учетом этого обстоятельства число совершенных в 2022 г. преступлений можно оценить в 12 млн.

Увязка объема преступности с числом совершенных деяний — общее место всех криминологических теорий. Вместе с тем криминологи закономерно стремятся к тому, чтобы отойти от подчеркнуто статистического (математического) восприятия преступности и привнести в него некий деятельно-оценочный компонент. Неявно такие попытки отражают стремление примирить онтологическое и конструктивистское представление о преступности, поскольку признание какого-либо реально существующего вредоносного и опасного деяния преступлением есть результат совместной работы законодателя и правоприменителя. Столь же неявно эти попытки выявляют темпоральную много-сложность объема преступности, наличие в нем компонентов прошлого и будущего.

Так, в представлениях М. П. Клейменова весь массив фактической преступности с точки зрения реакции на него со стороны государства распадается на три блока: раскрытая, нераскрытая и латентная преступность³. Акценти-

руя внимание на этих компонентах, он пишет: «Выявленная раскрытая преступность со статистической точки зрения является периодической (складывается из числа преступлений, зарегистрированных и раскрытых в отчетный период). Нераскрытая и латентная преступность имеет кумулятивный характер (слагается из преступлений в пределах их сроков давности)»⁴. Следовательно, пишет автор далее, размер преступности в каждый отдельный год должен определяться с учетом аккумулирующихся показателей нераскрытой и латентной преступности. «Это как раз то количество преступлений, по которым должна осуществляться оперативно-следственная работа. Именно данное статистическое множество должно выступать основой для выведения показателей раскрываемости и иных параметров профессиональной деятельности»⁵.

В представленной позиции обращает на себя внимание крайне важный для освещения нашей проблемы момент: наследование общим массивом преступности текущего года некоторых компонентов массива преступности прошлых лет. И хотя М. П. Клейменов, на наш взгляд, не вполне точен, предлагая включать в ежегодный массив преступности не только зарегистрированные и латентные, но также зарегистрированные нераскрытые преступления прошлых лет (тем самым подменяя в некотором смысле преступность как массив совершенных преступлений преступностью как массивом деяний, в отношении которых должно быть завершено предварительное расследование), сама идея кумулятивного учета преступности является весьма плодотворной.

В ее развитии вполне уместно совместить два концепта: преступность, понимаемая как массив преступлений, и время, а точнее — такой связанный с социальным временем феномен, как память. Признавая деятельность человека основным содержанием социального времени, специалисты отмечают: «Взаимосвязь времени человеческого бытия и памяти состоит в сохранении ею результатов деятельности

² См.: *Иншаков С. М.* Латентная преступность как объект исследования // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2009. № 1 (16). С. 122 ; *Лунеев В. В.* Курс мировой и российской криминологии : учебник для вузов : в 2 т. М. : Юрайт, 2020. Т. 1 : Общая часть : в 3 кн. Кн. 2. С. 14.

³ *Клейменов М. П.* Снижается ли преступность в России? // *Вестник Омского университета.* Серия «Право». 2018. № 1 (54). С. 158 ; *Он же.* Феномен нераскрытой преступности // Там же. 2013. № 1 (34). С. 173–179.

⁴ *Клейменов М. П.* Криминология : учебник. М. : Норма, 2018. С. 54.

⁵ *Клейменов М. П.* Криминология. С. 54–55.

людей, воспроизведении прошлого опыта и включении его в актуальное бытие. <...> Отсюда прошлое — состояние снятой деятельности, выступает в двух видах: прошлое — исток и прошлое — след. Настоящее представляет собой диалектическое единство актуальной деятельности и социального опыта»⁶.

Именно значимый для актуального состояния практики борьбы с преступностью «след прошлого», понимаемый как массив ранее совершенных, но не получивших официальной реакции преступлений, для криминолога представляет особый интерес. Уточняя позицию М. П. Клейменова, мы говорим сейчас не о преступлениях, по которым должно быть завершено расследование, а о преступлениях, которые в принципе могут и должны получить реакцию со стороны государства. Память (если можно выразиться — «государственная память») об этих преступлениях не позволяет оставить их в прошлом. Они наследуются настоящим, образуя вместе с массивом новых преступлений, совершенных в течение года, тот объем криминального поведения, который следует считать актуальной преступностью — объемом, который государство удерживает в своей памяти и в текущей правоприменительной деятельности.

Поскольку важнейшее свойство памяти — не только сохранение, но и забвение информации, уголовный закон устанавливает вполне четкие временные границы памяти о преступлениях, устанавливая для различных их видов различные сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Помимо этого, надо учитывать, что некоторые прошлые преступные деяния со временем перестают восприниматься государством в качестве опасных и требующих уголовно-правовой реакции. В этом случае уголовно-правовое забвение приобретает форму декриминализации.

С учетом этих уточнений текущий актуальный объем преступности в первом приближении можно представить в виде суммы трех компонентов:

- преступления, совершенные и выявленные в текущем году;
- латентные преступления прошлых лет, выявленные в текущем году;

— разница между суммарным числом выявленных латентных преступлений текущего и прошлых годов с одной стороны и числом преступлений, по которым истек срок давности или которые были декриминализированы, с другой.

Актуальный объем преступности при таком подходе определяется: настоящим (теми преступлениями, которые совершены и выявлены в текущий момент), прошлым, которое надо помнить (латентными преступлениями), и прошлым, которое надо забыть (деяния с истекшим сроком давности и декриминализованные). Это, собственно, тот массив преступлений, с которым обществу необходимо считаться и с которым правоохранительным органам необходимо работать на основании уголовного закона.

Вместе с тем содержание преступности определяется не только настоящим и прошлым. Любое настоящее в скрытом (потенциальном) виде содержит в себе также элементы будущего. Этот тезис дает дополнительные возможности для понимания объема преступности.

Здесь целесообразно обратиться к концепции «криминологического преступления» и «мнимого преступления», разработанной Д. А. Шестаковым⁷. Первое есть деяние опасное, но не обладающее признаком уголовной противоправности. Второе, напротив, формально преступное, но не представляющее реальной опасности. Совмещая эти рассуждения с темпоральной структурой объема преступности, можно говорить о том, что «будущее в настоящем» применительно к содержанию преступности представлено как минимум в двух ипостасях, а актуальный объем преступности может корректироваться: во-первых, за счет включения в него деяний, которые потенциально должны быть криминализованы; во-вторых, за счет исключения деяний, которые из-за отсутствия общественной опасности либо должны быть декриминализованы, либо могут быть признаны судом малозначительными.

Таким образом, разрабатывая собственные представления о преступности, М. П. Клейменов и Д. А. Шестаков, пусть не прямо, но, на

⁶ Барсукова Т. И. Социальная память и время : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1991. С. 9–10.

⁷ Шестаков Д. А. Криминология : Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. С. 144–149.

наш взгляд, вполне отчетливо, стремятся учесть ее подвижные темпоральные характеристики, что, вне сомнений, способно корректировать общую оценку состояния преступности в каждый конкретный момент⁸.

Настоящее и прошедшее,
Вероятно, наступят в будущем,
Как будущее наступало в прошедшем.
Если время всегда настоящее,
Значит, время не отпускает.

Подобная корректировка, ведущая к безусловному увеличению объема преступности, наводит на некоторые поэтические сравнения. Так, известный английский поэт Томас Элиот в своих «Четырех квартетах» писал⁹:

Time present and time past
Are both perhaps present in time future
And time future contained in time past.
If all time is eternally present
All time is unredeemable.

Вспоминая эти строки, современный автор и блогер Джози Холфорд, дала им новую интерпретацию¹⁰:

Преступление настоящее и преступление
прошлое —
Оба, возможно, присутствуют в преступлении
будущем,
А будущее преступление содержится
в преступлении прошлом.
Если все преступления вечно присутствуют,
Все преступления невообразимы*.

Crime present and crime past
Are both perhaps present in crime future,
And crime future contained in crime past.
If all crime is eternally present
All crime is inconceivable.

* Варианты перевода последнего слова: «непостижимы», «немыслимы», «необычайны»

Эти словесные «упражнения» интересны не только с литературной точки зрения, они подчеркнута криминологичны, описывая необычайное и непостижимое количество преступлений, с которым сталкивается общество и которые ему необходимо осмыслить, учитывая множество подходов к пониманию того, что является или должно являться преступным.

В самом простом и распространенном понимании преступность — это то, на что реально реагирует государство посредством действующего уголовного закона. Подключение темпорального понятия памяти дает возможность рассматривать преступность уже как совокупность общественно опасных деяний, в отношении которых действующий закон в принципе требует уголовно-правовой реакции. Подключение же темпорального понятия прогноза позволяет говорить о преступности как о совокупности деяний, на которые общество и государство потенциально должно реагировать посредством идеального уголовного закона.

Осознание объема преступности в такой ее многокомпонентной трактовке выводит на зна-

чимые криминологические рассуждения. Преступность предстает перед нами не как нечто, с чем криминолог, правоприменитель или политик работают сейчас, в настоящий момент; это то, с чем они должны работать, учитывая память о преступности и потенциально опасные деяния. Сводя воедино онтологическое и социально-конструктивистское понимание преступности, такой взгляд на преступность как феномен, содержащий следы прошлых деяний и зачатки будущих, открывает новые перспективы в криминологической и уголовно-правовой политике.

Структура преступности

Структура преступности — один из ее показателей, демонстрирующих отношение между различными видами преступлений внутри их общего массива. Как и любой иной показатель, структура преступности не является неподвижной во времени.

Наиболее общим количественным измерителем темпоральных изменений структуры

⁸ Мы готовы заранее принести извинения уважаемым коллегам, если неадекватно интерпретировали их суждения и дали им превратное истолкование.

⁹ См.: Элиот Т. С. Полые люди. СПб.: Кристалл, 2000.

¹⁰ Holford J. Crime Past, Crime Present, and Crime Future // URL: <https://www.josieholford.com/crime/> (дата обращения: 10.11.2023).

преступности выступает коэффициент структурного сдвига преступности. Рассчитав его для показателей структуры преступности в период с 1987 по 2004 г., Л. В. Кондратюк и В. С. Овчинский установили, например, факт существенного изменения в структуре российской преступности с 1987 по 1992 г., по итогам которого значение данного коэффициента составило 6,5. «Структура действительно эволюционировала на новый качественный уровень. Причем начиная с 1994 г. и до настоящего времени структурные флуктуации сравнительно незначительны (в пределах $5,0 \pm 0,8$)»¹¹. Продолжив расчеты

авторов с использованием данных о структуре преступности в 2022 г., можно говорить о том, что зафиксированный сдвиг сохраняется (коэффициент структурного сдвига в 2022 г. по отношению к 1987 г. составил 5,5).

Это не значит, разумеется, что с 1992 г. структура преступности не меняется. Сравнивая структуру преступности, определяемую на основании градации преступлений, установленной УК РФ в 1997 и 2022 г., можно зафиксировать сдвиги, пусть и не столь явно выраженные, как в предшествовавший период (см. таблицу).

Структурные сдвиги зарегистрированной преступности

Количество преступлений	1997			2022		
Всего	2 397 311			1 966 795		
Всего без учета преступлений против собственности	967 162			797 300		
По видам преступлений	Кол-во	Уд. вес в общем массиве	Уд. вес без учета преступлений против собственности	Кол-во	Уд. вес в общем массиве	Уд. вес без учета преступлений против собственности
Преступления против жизни и здоровья	268 780	11,2	27,8	150 485	7,7	18,9
Преступления против свободы, чести и достоинства личности	8 258	0,3	0,9	1 866	0,1	0,2
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	15 620	0,7	1,6	19 256	1,0	2,4
Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина	3 471	0,1	0,4	9 387	0,5	1,2
Преступления против семьи и несовершеннолетних	66 501	2,8	6,9	59 093	3,0	7,4
Преступления против собственности	1 424 149	59,4		1 169 495	59,5	

¹¹ Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение / под ред. К. К. Горяинова. М. : Норма, 2008. С. 140.

Структура преступности определялась авторами в 4 укрупненных группах преступлений: а) преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности; б) преступления против собственности; в) хозяйственные и должностные преступления; г) преступления против общественной безопасности, порядка и здоровья населения.

Количество преступлений	1997			2022		
Преступления в сфере экономической деятельности	61 689	2,6	6,4	42 636	2,2	5,3
Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях	1 336	0,1	0,1	2 082	0,1	0,3
Преступления против общественной безопасности	190 690	8,0	19,7	59 688	3,0	7,5
Преступления против здоровья населения и общественной нравственности	186 882	7,8	19,3	183 127	9,3	23,0
Экологические преступления	6 971	0,3	0,7	19 070	1,0	2,4
Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	50 845	2,1	5,3	79 377	4,0	10,0
Преступления в сфере компьютерной информации	33	0,0	0,0	10 027	0,5	1,3
Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства	22	0,0	0,0	1 363	0,1	0,2
Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления	18 068	0,8	0,9	29 799	1,5	3,7
Преступления против правосудия	6 566	0,3	0,7	21 068	1,1	2,6
Преступления против порядка управления	85 706	3,6	8,9	107 678	5,5	13,5

Расчеты показывают, что коэффициент структурного сдвига преступности в 2022 г. по отношению к 1997 г. составил 1,1, то есть в целом структура практически не изменилась. Однако надо учесть довлеющий и почти неизменный во времени удельный вес преступлений против собственности, который существенно искажает сведения о структурной эволюции. Если определить коэффициент структурного сдвига преступности, исключив из расчетов данные о преступлениях против собственности, то его

показатель составит уже вполне ощутимые 2,9. Следовательно, за пределами массива преступлений против собственности, оставшегося стабильным, в структуре российской преступности произошли вполне существенные сдвиги (в том числе заметное на фоне сокращения преступлений против личности увеличение удельного веса транспортных преступлений, а также преступлений против порядка управления, правосудия, государственной власти и безопасности государства).

Формула коэффициента структурного сдвига преступности позволяет не только отследить изменения конфигурации общей преступности. Она может (и должна) использоваться для оценки структурных изменений каждого отдельного вида преступности (например, структурные сдвиги подростковой или организованной преступности) или массива отдельных преступлений (например, убийств, хищений).

Криминологическая наука всегда внимательно следит за движением структуры преступности. Однако наблюдения по большей части связаны с эмпирической характеристикой изменений, подробным исчислением темпов роста, удельного веса, коэффициентов, процентов и пр. Криминологии в данном случае несколько недостает теоретических обобщений и теоретической программы для оценки структурных изменений преступности. Самый общий призыв к работе в данном направлении озвучил М. П. Клейменов. Справедливо признавая, что на каждом этапе развития общества и государства преступность имеет свою специфику, собственную «физиономию», он пишет: «Преступность в России 1960, 1990 и 2000-х гг. настолько разнится по качественным и количественным параметрам, что в объяснении нуждаются скорее общие признаки, а не различия»¹².

Разворачивая эту короткую формулу, дополнительно отметим:

— количественные изменения в структуре преступности и ее отдельных видов отражают динамику ее общественной опасности, свидетельствуют о наличии или об отсутствии внутренних, качественных отличий современной преступности от преступности прошлых времен;

— оценка структурных изменений преступности и на этой основе оценка ее меняющейся опасности требуют не просто подключения категории «время» (с точки зрения «было — стало»), но и содержательного соотношения структурных компонентов преступности с такими временными формами, как прошлое, настоящее и будущее;

— важно выяснить, что в структуре современной преступности может быть оценено как

наследие прошлых времен, остается ли это наследие неизменным или меняется, и если да, то как; что в преступности можно отнести на счет особенностей, вызванных исключительно текущим моментом; что из современной специфики сохранится в будущем; какие потенциально новые виды преступного поведения зарождаются в текущий момент;

— такая темпоральная оценка структуры преступности должна получить объяснение; важно не только установить факты наследования и изменения, но и представить причины, по которым они имеют место; описать механизм наследственности и изменчивости; объяснить, почему какие-то компоненты структуры остаются стабильными на протяжении многих лет (а порой и веков), тогда как иные меняются, резко или плавно, или исчезают вовсе.

Не в наших возможностях описать все структурные сдвиги преступности и представить все компоненты ее прошлого в текущем состоянии. Обратим внимание только на следующее. Большая часть всех регистрируемых сегодня преступлений (от 50 до 60 %) приходится на группу преступлений против собственности. В советский период этот показатель, по данным В. В. Лунеева, колебался в пределах от 20–22 до 55–60 %¹³. В пореформенной России середины XIX столетия удельный вес преступлений против собственности также находился на уровне 55–65 %¹⁴. При некоторых отклонениях (порой существенных) нельзя не заметить, что посягательства на собственность составляют подавляющее большинство в структуре преступности на протяжении веков, да и в целом экономическая (имущественная) направленность криминального поведения выступает доминантой преступности в целом. Довлеющий удельный вес преступлений против собственности можно отнести к числу наследуемых признаков преступности, постоянно и устойчиво воспроизводимому «прошлому».

Аналогичный вывод напрашивается при анализе удельного веса насильственной преступности. Разумеется, он меняется со временем. Однако, как показывают относительно долгие наблюдения, «удельный вес регистрируемого

¹² Клейменов М. П. Криминология. С. 45.

¹³ Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М. : Норма, 1999. С. 242–255.

¹⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Дмитрий Була-нин, 1999. С. 90.

“классического” преступного насилия (умышленного убийства, изнасилования и различных видов телесных повреждений) в структуре преступности СССР и России не превышал 4–6 %. Даже во время особого разгула насилия в России... оно составило 5,8 %»¹⁵. В наши дни, по данным 2022 г., — 5,6 %.

Столь же стабильна и доля преступлений против государственной безопасности, на протяжении длительного срока наблюдения не превышающая в структуре преступности 1–2 %.

Можно, не боясь совершить грубую ошибку, признать, что в целом в структуре преступности есть весьма устойчивое во времени ядро, состоящее из этих трех видов преступных посягательств, которые в сумме составляют от 50 до 70 %. С начала прошлого столетия за ними закрепилось наименование «основных», «традиционных», «ядерных», «обычных» преступлений. «Отличительная черта такой преступности — это отсутствие непосредственной связи с исполнением ролей в социальных организациях. В самом общем виде можно сказать, что совершение подобного преступления чаще всего свидетельствует о несоциализированности или антисоциальности индивида, его испорченных отношениях с обществом, а насилие, воровство и обман составляют как бы исчерпывающий репертуар, “типовой набор” для выражения отрицательного отношения к общественным ценностям»¹⁶.

Остальной массив преступности — содержательно более подвижен и более зависим от законодательной позиции в части криминализации опасных деяний. Он в большей степени отражает процесс «отмирания» одних форм преступного поведения и «рождения» его новых видов, как писал В. В. Лунеев¹⁷.

Анализ структуры преступности с позиций времени, с одной стороны, не выявляет каких-то новых экстраординарных фактов. Ситуация, в принципе, известная, причем известная в силу своей устойчивости. Однако, как представляется, она недооценена в теоретическом плане. По крайней мере, несколько значимых методологических замечаний к оптимизации криминологических исследований из нее вытекают:

— во-первых, при всем том, что понятия «стабильной» и «вариативной» части преступ-

ности сами по себе нуждаются в дополнительном уточнении, анализ структуры преступности всегда должен включать в себя их соотношение, подвижки в котором могут свидетельствовать как о глубинных, фундаментальных сдвигах в структуре преступности, так и об уровне (объеме, интенсивности, репрессивности) нормативного регулирования в обществе;

— во-вторых, всегда необходимо дифференцированное исследование структуры «стабильной» и «вариативной» части преступности, причем как в общем плане (например, соотношение имущественных и насильственных преступлений), так и более детально (например, изменения в характеристиках преступлений против собственности), а также дифференцированный анализ динамики этих компонентов структуры преступности;

— в-третьих, что особенно важно, необходимо найти ответ на простой вопрос: почему, несмотря на кардинальные различия в уровне жизни, уровне имущественного расслоения, уровне безработицы, уровне производства, объеме национального богатства и пр., то есть несмотря на все движения в комплексе факторов, традиционно относимых к группе криминальных детерминант, преступность, во-первых, стабильно остается преимущественно «общеуголовной корыстной преступностью», а во-вторых, эта «стабильность» выражается в более или менее устойчивых 50 %;

— в-четвертых, следует, вероятно, как и в ситуации с анализом изменений тенденций количественного роста или сокращения преступности, различать факторы, детерминирующие преступность, и факторы, способствующие сохранению или изменению ее структуры;

— в-пятых, устойчивость «стабильной» части преступности предрасполагает к обсуждению вопросов о связи структуры преступного поведения со структурой социального поведения в целом. Структура социального поведения остается не вполне ясной. В числе его видов выделяют экономическое, в том числе финансовое, кредитное, поведение, демографическое, религиозное, электоральное поведение и т.д. Однако нам не удалось найти обобщающих исследований этих видов поведения именно с точки зрения структурирования объема социального

¹⁵ Насильственная преступность / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М. : Спарк, 1997. С. 23–24.

¹⁶ Курс советской криминологии : Предупреждение преступности / под ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. М. : Юридическая литература, 1986. С. 176–177.

¹⁷ Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. Т. 1. Кн. 2. С. 9–10.

поведения. Вместе с тем не лишено оснований предположение о том, что между структурой социального и преступного поведения имеются некоторые связи, которые определяются в том числе и господствующими в обществе социальными ценностями и установками, трансформации которых могут влиять на структуру преступности;

— в-шестых, внимательный анализ структуры и содержания «вариативной» части преступности содержит в себе возможности для лучшего прогнозирования новых видов преступности, поскольку именно в области вариативного легко различимы уже сложившиеся или складывающиеся тенденции опасного поведения и характер правовой реакции на него со стороны государства.

Последствия преступности

Опасность преступности, как известно, определяется не только объемом и структурой, но и ее социальными последствиями. Эти последствия для более полного охвата и учета целесообразно дифференцировать на осязаемые (физические, материальные, организационные и пр.) и неосязаемые (социально-психологические), которые проявляют себя в виде общественных представлений о преступности и ее физических, материальных и т.д. последствиях. «Представление о преступности, сложившееся у отдельного человека, — точно пишет Д. Гарофало, — состоит из ряда элементов: масштаб преступности (как текущий, так и изменившийся уровень в районе, во всем городе и различных его частях, в штате и в стране), характер преступности (относительные пропорции различных видов преступлений и количество связанного с ними насилия), характеристики правонарушителей и жертв (физические, психологические и социальные), а также последствия преступления (травмы, финансовые потери и стигматизация)»¹⁸.

Привычный взгляд на социальные последствия как на всю совокупность последовательно развивающихся и причинно связанных с преступностью негативных изменений, ощущаемых обществом, также может быть углублен и уточнен за счет подключения возможностей их темпоральной оценки.

С этой точки зрения верно говорить о том, что в каждый момент последствия преступности как социальная и социально-психологическая реальность имеют несколько проявлений:

— во-первых, мы переживаем последствия совершаемых преступлений в режиме «здесь и сейчас». Во времени они неотделимы от преступных деяний, хотя бы потому, что именно наличие опасных последствий в виде изменения охраняемых законом общественных отношений выступает краеугольным камнем в понимании общественной опасности как ключевого признака преступления (нет опасных последствий — нет преступления);

— во-вторых, мы продолжаем ощущать негативные последствия ранее совершенных преступных деяний. На индивидуальном и коллективном уровнях эти последствия прошлого ощущаются как: а) сохраняющаяся невосполнимая утрата какого-либо блага (здоровья, культурных ценностей и т.д.); б) связанное с этим уменьшение возможностей для удовлетворения потребностей (ограниченная трудоспособность, мобильность и пр.); в) память о ранее пережитом лично или другими людьми преступлении (память о войне, о геноциде и т.д.);

— в-третьих, учитывая память о ранее совершенных преступлениях и восприятие текущей преступности, мы предвосхищаем возможные в будущем последствия возможных преступлений, что порождает состояние страха перед преступностью¹⁹.

К этим последствиям следует добавить и то, что именуется в науке «ценой преступности» и представляет собой траты общества, обусловленные самим наличием преступности и необходимостью противодействовать ей. С точки

¹⁸ См. об этом: *Garofalo J.* The Fear of Crime: Causes and Consequences // *Journal of criminal law & criminology*. 1981. Vol. 72. No. 2. P. 839–857.

¹⁹ Признавая наличие тесной связи между страхом перед преступностью и ее реальным состоянием, стоит учитывать результаты исследований, доказывающих, что такой страх определяется также факторами социальной и физической уязвимости потенциальных жертв (см.: *Rader N. E., Cossman J. S., Porter J. R.* Fear of crime and vulnerability: Using a national sample of Americans to examine two competing paradigms // *Journal of Criminal Justice*. 2012. Vol. 40. No. 2. P. 134–141), а равно характером вмешательства полиции в криминальные и криминогенные ситуации (см.: *Hinkle C., Weisburd D.* The irony of broken windows

зрения категории «время» эта «цена» складывается из нескольких компонентов:

— во-первых, это расходы на текущие преступления в виде сумм, потребляемых системой уголовного правосудия;

— во-вторых, расходы на «прошлые» преступления в виде сумм, которые государство и общество тратит на пенитенциарные и постпенитенциарные программы, причем это не единовременные расходы, а скорее счета, которые налогоплательщики должны оплачивать год за годом;

— в-третьих, это расходы (их можно назвать страховкой или инвестициями — в зависимости от подхода) государства и общества на предотвращение еще не совершенных преступлений и снижение криминальных рисков.

Многие показатели последствий и цены преступности могут быть оценены в денежном выражении. Последние исследования показывают, например, что бюджетные расходы на контроль преступности в 2021 г. составили примерно 1,1 % ВВП. При этом, по мнению авторов исследования, наивная оценка стоимости преступности через расходы государства на поддержание правопорядка занижена как минимум вдвое, поскольку не учитывает компенсирующее виктимизацию изменение дохода домохозяйств, общая стоимость которого оценивается в 1,3 % ВВП. Итого совокупная оценка с учетом одновременно расходов бюджета и стоимости преступности для общества составляет 2,4 % ВВП. Не менее заметны издержки общества от страха стать жертвой преступления; они оцениваются уже в 5,2 % ВВП²⁰.

Суммы последствий и цены впечатляют. Однако значимая их дифференциация по видам остается не соотношенной с фактором времени производимых затрат и времени ущерба, равно как остаются непроясненными соотношения и зависимости между отдельными видами последствий. В самом первом приближении должно быть очевидно, что большее число совершаемых преступлений требует больше текущих трат, а больший страх перед преступностью требует больших страховых и инвестиционных выплат. Равно как уменьшение объема осязаемых последствий текущей преступности спо-

собствует уменьшению страха перед преступностью будущего.

Однако характер этой связи и ее значение как для детерминации, так и для предупреждения преступности остаются не до конца понятными. Каково соотношение государственных расходов на прошлое преступности (исполнение наказаний) и ее будущее (профилактика преступлений)? Какова эффективность расходов на профилактику преступности с точки зрения сокращения расходов на текущие правоприменительные нужды, связанные с осуществлением уголовного правосудия в отношении совершенных преступных деяний? Насколько страх перед будущей преступностью сокращает возможности граждан по удовлетворению своих потребностей и пользованию социальными благами? Эти и иные вопросы крайне важны для понимания темпорального соотношения последствий преступности, для организации криминологической и уголовно-правовой политики страны.

Отметим только один аспект содержательной связи прошлого и будущего в контексте анализа социальных последствий преступности — их криминогенное значение. Эта проблема восходит к известным представлениям о самодетерминации преступности, а также к рассуждениям о профилактическом значении ресоциализации преступников и жертв преступлений. Однако заявленная в качестве самостоятельного предмета анализа, она акцентирует внимание на содержательной связи прошлых и грядущих событий и процессов в криминальной сфере и тем самым приобретает новое звучание, открывает новые перспективы. Такая связь может проявлять себя (неисчерпывающим образом):

— как криминогенный стимул (например, когда одно преступление влечет за собой иные коррупционные и должностные преступления, обеспечивающие состояние безответственности виновных);

— как криминогенный мотив (когда озлобленность жертвы порождает мстительную мотивацию преступного поведения);

— как объективное условие для формирования криминогенного мотива (например, если

policing: A micro-place study of the relationship between disorder, focused police crackdowns and fear of crime // *Journal of Criminal Justice*. 2008. Vol. 36. No. 6. P. 503–512).

²⁰ Жижин Л. А., Кнорре А. В., Кучаков Р. К., Скугаревский Д. А. Издержки российского общества от преступности: измерение с помощью компенсирующего изменения дохода // *Прикладная эконометрика*. 2023. Т. 69. С. 91–120.

жертва преступления начинает использовать свое положение для неправомерного извлечения преимуществ из своего статуса путем мошеннических или иных махинаций);

— как фактор вторичной виктимизации жертв первоначальных преступлений;

— как социально-психологический фон, создаваемый коллективной памятью о прошлых преступлениях.

Порочный круг детерминации новых преступлений последствиями ранее совершенных преступлений может существовать в вечности, тем более в силу неведения. Государство должно вмешиваться в это «колесо сансары», осознавая и сам факт его наличия, и механизмы воспроизводства.

Заключение

Использование методологических возможностей исторической криминологии в познании традиционных характеристик преступности — ее объема и структуры — дает возможность уточнить и пополнить наши представления о ней. В частности, уже они позволяют установить, что:

— механизмы «государственной памяти» о ранее совершенных и оставшихся скрытыми преступлениях обеспечивают кумулятивные свойства преступности, тогда как механизмы «государственного забывания» позволяют корректировать объемы преступных деяний, требующих государственной реакции;

— в структуре преступности имеется существенное по объему (от 50 до 70 %) ядро наследуемых и слаботрансформируемых форм преступной деятельности, причины сохранения которых вне зависимости от меняющихся социальных условий требуют самостоятельного исследования и реагирования;

— структурная эволюция преступности требует дифференцированной оценки ее «стабильной» и «вариативной» части, а также специальной оценки изменения в соотношении этих компонентов массива преступности;

— важным пунктом соединения прошлого и будущего преступности выступают криминальные свойства социальных последствий преступности, исследование механизма реализации которых предоставляет новые возможности в организации профилактики преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсукова Т. И. Социальная память и время : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1991. 24 с.
- Жижин Л. А., Кнорре А. В., Кучаков Р. К., Скугаревский Д. А. Издержки российского общества от преступности: измерение с помощью компенсирующего изменения дохода // Прикладная эконометрика. 2023. Т. 69. С. 91–120.
- Иншаков С. М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1 (16). С. 107–130.
- Клейменов М. П. Криминология : учебник. М. : Норма, 2018. 399 с.
- Клейменов М. П. Снижается ли преступность в России? // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 1 (54). С. 157–162.
- Клейменов М. П. Феномен нераскрытой преступности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 1 (34). С. 173–179.
- Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение / под ред. К. К. Горяинова. М. : Норма, 2008. 271 с.
- Курс советской криминологии : Предупреждение преступности / под ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. М. : Юридическая литература, 1986. 350 с.
- Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник для вузов : в 2 т. Т. 1 : Общая часть : в 3 кн. Кн. 2. М. : Юрайт, 2020. 292 с.
- Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М. : Норма, 1999. 516 с.
- Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 566 с.
- Насильственная преступность / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М. : Спарк, 1997. 138 с.

Шестаков Д. А. Криминология : Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. 561 с.

Шнайдер Г. Й. Криминология / пер. с нем. Ю. А. Неподаева ; под ред. Л. О. Иванова. М. : Прогресс, 1994. 501 с.

Garofalo J. The Fear of Crime: Causes and Consequences // *Journal of criminal law & criminology*. 1981. Vol. 72. No. 2. P. 839–857.

Hinkle C., Weisburd D. The irony of broken windows policing: A micro-place study of the relationship between disorder, focused police crackdowns and fear of crime // *Journal of Criminal Justice*. 2008. Vol. 36. No. 6. P. 503–512.

Rader N. E., Cossman J. S., Porter J. R. Fear of crime and vulnerability: Using a national sample of Americans to examine two competing paradigms // *Journal of Criminal Justice*. 2012. Vol. 40. No. 2. P. 134–141.

REFERENCES

Barsukova TI. Social memory and time. Cand. Sci. (Philosophy) Author's Abstract. Rostov-on-Don; 1991. (In Russ.).

Garofalo J. The Fear of Crime: Causes and Consequences. *Journal of criminal law & criminology*. 1981;72(2):839–857.

Hinkle C, Weisburd D. The irony of broken windows policing: A micro-place study of the relationship between disorder, focused police crackdowns and fear of crime. *Journal of Criminal Justice*. 2008;36(6):503–512.

Inshakov SM. Latent crime as an object of research. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2009;1(16):107–130. (In Russ.).

Kleimenov MP. Criminology. Moscow: Norma Publ.; 2018. (In Russ.).

Kleimenov MP. Is crime decreasing in Russia? *Herald of Omsk University. The series «Law»*. 2018;1(54):157–162. (In Russ.).

Kleimenov MP. The phenomenon of unsolved crime. *Herald of Omsk University. The series «Law»*. 2013;1(34):173–179. (In Russ.).

Kondratyuk LV, Ovchinsky VS, Goryanova KK (ed.). Moscow: Norma Publ.; 2008. (In Russ.).

Kudryavtsev VN, Karpets II, Korobeynikov VV (eds.). The course of Soviet criminology: Crime Prevention. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1986. (In Russ.).

Kudryavtsev VN, Naumova AV (eds). Violent crime. Moscow: Spark Publ.; 1997. (In Russ.).

Luneev VV. Crime of the 20th century: global, regional and Russian trends. World criminological analysis. Moscow: Norma Publ.; 1999. (In Russ.).

Luneev VV. The course of world and Russian criminology. In 2 vols. Vol. 1: General part: In 3 books. Book 2. Moscow: Yurait Publ.; 2020. (In Russ.).

Mironov BN. The Social history of Russia during the Empire period (18th — early 20th century). The genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law. In 2 vols. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ.; 1999. (In Russ.).

Rader NE, Cossman JS, Porter JR. Fear of crime and vulnerability: Using a national sample of Americans to examine two competing paradigms. *Journal of Criminal Justice*. 2012;40(2):134–141.

Schneider GY, Ivanov LO (eds). Criminology. Tr. from Germ. by Nepodaev YuA. Moscow: Progress Publ.; 1994. (In Russ.).

Shestakov DA. Criminology: New approaches to crime and criminality. Criminogenic laws and criminological legislation. Countering crime in a changing world. 2nd ed. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press; 2006. (In Russ.).

Zhizhin LA, Knorre AV, Kuchakov RK, Skugarevskiy DA. Cost of crime in Russia: a compensating variation approach. *Applied Econometrics*. 2023;69:91–120. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабаев Михаил Матвеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
д. 25, стр. 1, Поварская ул., г. Москва 121069, Российская Федерация
babaevmm@yandex.ru

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
11081975@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail M. Babaev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation; Chief Researcher, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
babaevmm@yandex.ru

Yuriy E. Pudovochkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
11081975@list.ru

*Материал поступил в редакцию 11 декабря 2023 г.
Статья получена после рецензирования 14 декабря 2023 г.
Принята к печати 12 февраля 2024 г.*

*Received 11.12.2023.
Revised 14.12.2023.
Accepted 12.02.2024.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.075-084

Л. А. Зашляпин
Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Идеология недопустимости показаний подозреваемого

Резюме. Аксиоматично правило «при производстве следственных действий нарушение законности неприемлемо». Соответствие процессуальных процедур этому принципу — императивное условие производства по уголовному делу. Законность определяет порядок следственных действий. Законность и порядок задают эталонную процессуальную форму получения доказательств, которая в состязательном и следственном типах процесса влечет различающееся процессуальное содержание. Это определяет различия в правилах, используемых для оценки личных доказательств. Указанное связано с идеологическими установками, заложенными в конструкцию закона.

В советском законе форма допросов связывалась с целью достижения истины, детерминирующей деятельность почти всех участников судопроизводства. Из этого следовало, что недифференцированные действия основных участников производства были приемлемыми для достижения истины, а получаемые доказательства допустимыми. Целевая установка на стремление следователя к истине предполагала допустимость использования им вопросов обвинительной этимологии при получении показаний подозреваемого. В современном законе реализуется принцип состязательности. Законный порядок в этом случае образуется деятельностью двух сторон, при этом сторона защиты первой инициирует вопросы подозреваемому, что есть элемент надлежащей формы получения показаний подозреваемого, используемой при их оценке. Формирование доказательств завершается их исследованием по критерию допустимости в судебном разбирательстве. До момента опровержения презумпции невиновности все представленные стороной обвинения доказательства являются недопустимыми. Доказывая вину, обвинитель доказывает и качество представляемых им доказательств. Таким образом, качество допустимости доказательств приобретает одновременно с вступлением в силу презумпции истинности приговора.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; подозреваемый; допрос; показания; допрос подозреваемого; показания подозреваемого; оценка показаний; допустимость показаний; допустимость

Для цитирования: Зашляпин Л. А. Идеология недопустимости показаний подозреваемого. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 75–84. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.075-084

Ideology of Inadmissibility of the Suspect's Testimony

Leonid A. Zashlyapin
Northwest Branch,
Russian State University of Justice
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The following rule is axiomatic: «in the course of investigative actions, violation of the rule of law is unacceptable.» Compliance of procedural procedures with this principle is an imperative condition of criminal proceedings. Legality determines the order of investigative actions. Legality and order set the standard procedural form of obtaining evidence that in the adversarial and investigative types of the process entails differing procedural content. This defines the differences in the rules used to evaluate personal evidence due to the ideological attitudes embedded in the construction of the law.

© Зашляпин Л. А., 2024

In Soviet law, the form of interrogation was associated with the goal of achieving the truth, which determines the activities of almost all participants in the proceedings. Consequently, undifferentiated actions of the main participants in court proceedings were acceptable to achieve the truth, and the evidence obtained was admissible. The aim of the investigator's pursuit of the truth assumed that it was permissible for him to use questions of accusatory etymology when receiving the testimony of a suspect.

The adversarial principle is implemented in modern law. In this case, the legal order is formed by two parties with the defense initiating questions to the suspect, which is an element of the proper form of obtaining the testimony of the suspect used in their assessment. The formation of evidence is completed by their examination according to the criterion of admissibility in court proceedings. Until the moment of rebuttal of the presumption of innocence, all evidence presented by the prosecution is inadmissible. By proving guilt, the prosecutor proves the quality of the evidence presented by the prosecution. Thus, the quality of admissibility of evidence is acquired simultaneously with the entry into force of the presumption of the validity of the verdict.

Keywords: criminal procedure; criminal proceedings; suspect; interrogation; testimony; interrogation of the suspect; testimony of the suspect; assessment of testimony; admissibility of testimony; admissibility

Cite as: Zashlyapin LA. Ideology of Inadmissibility of the Suspect's Testimony *Lex russica*. 2024;77(3):75-84. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.075-084

Введение

Описание свойств уголовно-процессуальных доказательств чаще всего осуществляется в положительной коннотации, в которой учеными-процессуалистами акцентируется внимание на понимании допустимости показаний, анализируются правила о допустимости показаний, что также требует положительно ориентированной методики научной деятельности и влечет выводы, отвечающие цели исследования о допустимости доказательств¹.

В настоящей работе мы инверсируем задачу и попытаемся рассмотреть проблему недопустимости показаний подозреваемого, учитывая фактор идеологии. Инверсия с «допустимости» на «недопустимость» видится весьма значимой, позволяет гармонизировать свойство недопустимости показаний подозреваемого с презумпцией невиновности подозреваемого и другими уголовно-процессуальными регуляторами, а микширование данного ракурса исследования с идеологией создает элемент новизны, позволяя погрузиться в контекст эволюции

статуса подозреваемого и правил об оценке его показаний.

Актуальность обращения к выбранной тематике базируется на критике И. А. Зинченко высказанных нами суждений о вопросах в допросе подозреваемого (показаниях подозреваемого), масштабируемых на все уголовное судопроизводство, используемых в процедуре оценки личных доказательств, и предложении Л. А. Воскобитовой рассматривать уголовно-процессуальный закон и практику его применения с учетом идеологических факторов². В связи с этим можно полагать, что предметное знание настоящей статьи в некоторой части следует уже сформулированным в науке уголовного процесса идеям. В современной российской юриспруденции исследовалась корреляция идеологии и оценки свойств доказательств. Так, В. В. Терехин обосновывает стандарты доказывания в уголовном судопроизводстве с опорой на идеологию³. Отличие нашей работы состоит в том, что ее объектной областью является недопустимость показаний именно подозреваемого, а идеологический фактор рассматри-

¹ См.: Матвеев С. В. Актуальные проблемы допустимости показаний несовершеннолетних свидетелей в уголовном и гражданском судопроизводстве России // *Lex russica* (Русский закон). 2006. Т. 65. № 5. С. 936–942.

² См.: Зинченко И. А. Заметки по поводу дискуссий об основаниях, влекущих недопустимость показаний в уголовно-процессуальном праве // *Российский следователь*. 2023. № 6. С. 20–24; Воскобитова Л. А. От идеологии ведомственных интересов к идеологии Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // *Труды Академии управления МВД России*. 2018. № 1 (45). С. 18–21.

³ См.: Терехин В. В. Идеологические нюансы формирования и применения стандарта допустимости доказательств в уголовном процессе // *Труды Академии управления МВД России*. 2018. № 1 (45). С. 48–54.

вается в контексте изменения идеологических норм советского и настоящего периодов.

Современное правоведение по-разному определяет роль правовой идеологии. Одни авторы следуют консервативным идеям и отстаивают необходимость заимствования для конструирования законодательства архетипов правосознания прошлого⁴, другие, базируясь на положениях Конституции Российской Федерации 1993 г., настаивают на реализации в уголовном судопроизводстве основополагающих конституционных принципов и формировании синхронизированной с ними правовой идеологии, без которой «*уголовное судопроизводство обречено на усиление кризисных явлений* и бесконечное противопоставление интересов, представлений и мнений различных групп процессуалистов (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Л. З.)»⁵. В обоих случаях идеология признается фактором юридической науки и правотворческой деятельности. Данное обстоятельство исходит из гипотезы и состоит в том, что идеологический посыл может определять недопустимость показаний подозреваемого, коррелируясь с различными правовыми идеалами: теми, которые были присущи советскому периоду правопонимания, и теми, которые перспективно заданы действующей Конституцией РФ.

Основная часть

Ориентируясь на указанную выше гипотезу, полагаем, что для формирования научной позиции о недопустимости показаний подозреваемого необходимо учитывать нормативные правила и теоретические подходы, существовавшие в период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. Связано это с тем, что правосознание представителей действующего в науке поколения, к которому относится и автор настоящей статьи, отчасти находилось под консервативным воздействием данного закона и доктринальных установок, соответствующих ему. Учителя и наставники современных представителей науки уголовного процесса формировали свое правосознание в этот период, следовали ему при обучении и воспитании следующего поколения. Свойство консервативности

правосознания, таким образом, объективно воспроизводится в отечественном правоведении.

В УПК РСФСР 1923 г. статус подозреваемого упоминается в статье 99, согласно которой подозреваемый мог опрашиваться органами дознания, и в статье 102, предусматривающей возможность допроса подозреваемого органами дознания по делам, в которых производство предварительного следствия обязательно. Показания подозреваемого, однако, в качестве доказательства советским законодателем не рассматривались (ст. 58), но по усмотрению суда был возможен неформализованный допуск любых данных в качестве доказательств (ст. 57), что могло относиться и к показаниям подозреваемого.

Указанная нормативная база идеологически тяготела к широкому усмотрению властных участников предварительного расследования (допущению ими элементов процессуального произвола), развитию практики допросов подозреваемых и получению их показаний в свободной уголовно-процессуальной форме. Говорить о недопустимости показаний подозреваемого при таком регулировании было идеологически неприемлемым. Получение показаний подозреваемого могло рассматриваться как процессуальный идеал, позволяющий властным участникам правоотношений, представляющим интересы господствующей социальной группы, собирать доказательственную информацию из самого осведомленного источника. Для этого имела соответствующая нормативная основа. Дело в том, что принципиальным правилом для правоприменения был запрет замедления производства по делу или отдельных процессуальных действий из-за неполноты или неясности закона (ч. 2 ст. 2 УПК РСФСР 1923 г.). Основным ориентиром толкования уголовно-процессуального закона в такой ситуации могло считаться доминирование этатистского интереса Советского государства и его следственных органов (ст. 3, 7, 9, 23 Конституции РСФСР 1918 г.) над личным интересом участника уголовного судопроизводства.

При этом УПК РСФСР 1923 г. предусматривал процедуру получения показаний обвиняемого — допроса обвиняемого, упоминал даже его основной элемент — вопросы (ст. 134–142); следуя этой процедуре, можно было (при со-

⁴ См.: Васильев А. А. [и др.]. Консервативная правовая идеология России: сущность и государственно-правовой идеал : монография / под ред. А. А. Васильева. М., 2016. С. 38, 51.

⁵ Воскобитова Л. А. Указ. соч. С. 19, 21.

блюдении порядка предъявления обвинения) допросить преследуемое лицо в качестве обвиняемого. Опираясь на это, Прокурор СССР в циркуляре от 05.06.1937 № 41/26 фактически вводил запрет допроса подозреваемого (получение показаний подозреваемого), а сам допрос преследуемого лица в качестве подозреваемого называл *недопустимым* явлением⁶.

Для подчеркивания идеологического вектора важно отметить, что принцип, предусматривающий презумпцию невиновности обвиняемого (подозреваемого), в анализируемом законе отсутствовал. Это указывало на главенствующую идею нормативного регулирования, ставящую в центр публичный интерес, определяемый властвующей социальной группой.

В теории уголовного процесса инициирование дискуссии о процессуальном положении подозреваемого как раз связано с данным периодом. Так, Л. М. Карнеева в работе 1954 г. обосновывала статус подозреваемого недостаточностью доказательств для предъявления обвинения и необходимостью задавать «свидетелю» (предполагаемому обвиняемому) уличающие вопросы⁷. Очевидно, что в советской науке возникла идея процессуального порядка, преодолевающего недоказанность причастности (виновности и т.д.) преследуемого лица, и предлагался способ доказывания, основываемый на использовании подозреваемого как источника обвинительных доказательств. Базовое положение для регулирования статуса подозреваемого, таким образом, не коррелировалось с бременем доказывания вины стороной обвинения, что проявлялось в постановке подозреваемому в ходе допроса вопросов обвинительного характера.

М. С. Строгович, присоединяясь к дискуссии, наоборот, писал о тавтологичности определения Л. М. Карнеевой статуса подозреваемого; критиковал возможность постановки вопросов обвинительного характера, ставящего участника предварительного расследования в положение подозреваемого; указывал на потребность не получения показаний подозреваемого, а собирания иных «объективных доказательств»;

усматривал причину допроса подозреваемого в «не изжитой полностью переоценке сознания обвиняемого как доказательства»⁸. Процедура получения доказательственных сведений от подозреваемого для данного автора виделась, вероятно, идеологически неприемлемой. Подозреваемый в ситуации недостаточности доказательств не должен являться источником обвинительных доказательств, иное провоцировало к произвольному расширению полномочий следователя в этой части — возможности инверсии им функции обвинения на подозреваемого. По этой причине в позиции данного авторитетного ученого мы усматриваем интенцию о недопустимости процессуального действия для получения обвинительного доказательства и недопустимости получаемого процессуального результата (недопустимости показаний подозреваемого).

Приведенное толкование взглядов М. С. Строговича может предполагаться с определенной долей вероятности, поскольку нормы ст. 23 Конституции РСФСР 1918 г. содержали иную идеологическую установку о подавлении отдельных социальных групп, лишении их ряда субъективных прав, что могло относиться и к преследуемым в уголовном порядке лицам. Вряд ли М. С. Строгович мог публично заявлять противоречащую этой установке радикальную позицию. В обоснование нашего суждения сошлемся, однако, на его высказывание о том, что устные показания подозреваемого в суде использованы быть не могут, а показания подозреваемого, полученные в досудебном производстве, должны проверяться в ходе судебного допроса подсудимого или свидетеля (в зависимости от того статуса, в который трансформировался статус подозреваемого), делая общий вывод о недопустимости расширения понятия подозреваемого и предмета его допроса⁹. Не связывая в этом случае показания подозреваемого и его процессуальное положение с регулятивной ролью презумпции невиновности, М. С. Строгович в качестве аргумента ссылался на необходимость обеспечения в уголовном судопроизводстве доброго «имени советского гражданина»¹⁰. Указанное можно рассматривать как эпигенез нормы о

⁶ См.: Сборник приказов Прокуратуры Союза ССР, действующих на 1 декабря 1938 г. / сост. Б. И. Солерс и Д. И. Орлов; под ред. А. Я. Вышинского. М., 1939. С. 154.

⁷ См.: Карнеева Л. Процессуальное положение подозреваемого в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 12. С. 19, 21.

⁸ Строгович М. О подозреваемом // Социалистическая законность. 1961. № 2. С. 34, 36.

⁹ См.: Строгович М. О подозреваемом. С. 38.

¹⁰ См.: Строгович М. О подозреваемом. С. 35.

презумпции невиновности, который должен входить в комплекс нормативных правил об оценке показаний преследуемого лица. Идеологически это было имманентным элементом правосознания данного ученого.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. следовал государственной идеологии, соответствующей идеологии периода действия УПК РСФСР 1923 г. Данный закон рассматривал подозреваемого в качестве участника уголовного процесса, не выделяя для него, однако, функциональных особенностей, присущих его процессуальному положению, который имел право давать объяснения (ч. 2 ст. 52), но только показания подозреваемого рассматривались как доказательства (ч. 2 ст. 69), их предмет ограничивался основаниями задержания и заключения под стражу, при этом дача показаний являлась правом подозреваемого (ст. 76).

Советский законодатель не помещал порядок допроса подозреваемого в главы УПК РСФСР 1960 г. о предварительном следствии, о следственных действиях. Регулирование порядка допроса подозреваемого (процедуры получения его показаний — формы, из которой при толковании можно извлекать качество допустимости показания), содержалось в главе «Дознание». Правило о презумпции невиновности в законе отсутствовало, как и распределение бремени доказывания. Ввиду отсутствия сторон в уголовном процессе обязанность доказывания размывалась во множестве статусов участников с различными процессуальными интересами.

Доктрина уголовного процесса и правовая идеология периода действия УПК РСФСР 1960 г., определявшие тенденции развития науки, в значительной части были зависимы от норм закона. Так, Б. А. Галкин придерживался точки зрения о том, что идеал состязательности совершенно не присущ конструкции советского уголовно-процессуального закона¹¹. Отрицание идеи состязательности исключало необходимость выделения уголовно-процессуальных функций, а в соответствии с этим и обособленных друг от друга сторон. Совокупность научных идей, определявших сущность уголовно-процессуального законодательства и практики его применения, включала пространное суждение о том, что при производстве по уголовному делу в досудебных

стадиях может возникать ситуация отсутствия доказательств, препятствующая предъявлению обвинения преследуемому лицу, но «*интересы дела требуют принятия к нему*» мер уголовно-процессуального принуждения¹². В позиции данного автора мы видим советский экстракт понимания публичности уголовного процесса. Указанные интересы дела являлись доминирующим интересом, сопровождаемым игнорированием сохранявшейся и в то время в науке идеи о презумпции невиновности, требующей распределения бремени доказывания.

Показания подозреваемого в такой интерпретации являлись знаком того, что субъекты уголовного преследования часто не обладали достаточными надлежащими доказательствами, по этой причине не имели процессуальной возможности сформулировать обвинительный тезис и инкриминировать его преследуемому лицу, поэтому прагматично стремились рассматривать подозреваемого в качестве средства для получения обвинительных доказательств.

Советская правовая идеология увязывала совокупность идей, ее образующих, с волей господствующего класса. В содержании этой публично заявляемой воли не учитывался личный интерес преследуемого в уголовном судопроизводстве человека. В связи с этим другой ученый-процессуалист утверждал, что «презумпция невиновности исходит из интересов личности, а у нас в основе процесса лежат *интересы государства*»¹³. Это блокировало идею об использовании презумпции невиновности как необходимого элемента уголовно-процессуальной формы, учитываемого при оценке качества личного доказательства. Законом предполагалась добропорядочность лица, осуществляющего предварительное расследование, а показания подозреваемого, таким образом, получали качество допустимого доказательства изначально. Реализованный в законе тип процесса позволял это.

Иной идеологической установкой в рассматриваемый период придерживался М. С. Строгович, который не считал показания подозреваемого надлежащим доказательством. Ученый видел презумпцию невиновности в качестве принципа уголовного процесса, не считал подозреваемого обязательным участником уголовного процесса, исключал переложение

¹¹ См.: Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962. С. 194.

¹² Галкин Б. А. Указ. соч. С. 204.

¹³ Якуб М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960. С. 122.

бремени доказывания на преследуемое лицо¹⁴. У М. С. Строговича мы наблюдаем достаточную последовательность и гармоничность его идей, которые могут согласовываться и с современной научной идеологией. Основой этого подхода является разделение участников уголовного процесса на носителей различных функций. Это разделение влечет необходимость возложения обязанности по доказыванию на лиц, осуществляющих уголовное преследование (лиц, являющихся носителями функции обвинения); подозреваемый ни в коем случае носителем такой функции признаваться не может. Он с очевидностью является носителем функции защиты, на которого бремя доказывания (функция самообвинения) возлагаться не может. Подобные суждения стали активно проявляться в науке на заключительном этапе действия УПК РСФСР 1960 г.

Современный уголовно-процессуальный закон реализует иные идеологические установки, отличные от советских. Основанием так считать является следующее.

Во-первых, Конституция РФ установила идеологический плюрализм (ч. 1, 2 ст. 13), допуская тем самым легальную возможность существования в науке некоего множества правовых идеологий, базирующихся на различных научных идеалах. Идеологическое многообразие ныне не требует следования одной (этатистской) идее, что было присуще советскому периоду развития науки уголовного процесса.

Во-вторых, действующий УПК РФ содержит нормы о презумпции невиновности (ч. 1 ст. 14); о возложении бремени доказывания на сторону обвинения как следствии презумпции невиновности (ч. 2 ст. 14); о разделении участников уголовного процесса в зависимости от реализуемой функции с запретом совмещения функций (ч. 2 ст. 15); о введении положений о недопустимости доказательств (ч. 1 ст. 75) и др.

Невластный участник уголовно-процессуальных отношений — подозреваемый — в системе этих норм занимает совершенно иное положение. Он носитель функции защиты, не обязанный участвовать в доказывании собственной вины. Порядок уголовного судопроизводства определяется этой функцией, исключаяющей ее смешение с функцией обвинения. Указанное

образует нормативную конструкцию, позволяющую оценить показания подозреваемого на основе правил состязательного типа процесса. Критерий допустимости показаний подозреваемого в этом случае увязывается с процессуальным порядком, учитывающим различие процессуальных функций.

При этом современный законодатель, к сожалению, сохранил сходную с предыдущей модель регулирования процедуры допроса подозреваемого (ч. 2 ст. 74, ч. 4 ст. 92 УПК РФ). Однако, как и в прежних кодексах, допрос подозреваемого не рассматривается как элемент следственных действий, сосредоточенных в главах о предварительном расследовании и собирании доказательств, а помещен в главу, раскрывающую одну из мер уголовно-процессуального принуждения — задержание. На данном этапе производства по уголовному делу пресекается противоправная деятельность, но упорядоченное доказывание не производится. Ожидать от этого этапа (с точки зрения формальных правил оценки доказательств) начала формирования личного доказательства не совсем уместно, что соответствует современной правовой идеологии и требует иного подхода к определению качества показаний подозреваемого. Именно это мы учитывали в критикуемой И. А. Зинченко статье.

В российском правоведении правила о недопустимости показаний могут рассматриваться как проявление системы формальной оценки доказательств. Правила о недопустимости — формальная система, которая может увязываться с формальными средствами доказывания. Если это так, то в формальных правилах оценки доказательств мы должны исходить из принципа законности, а соответственно, из порядка формирования доказательств, основанного на функциональном разделении. Это касается и показаний подозреваемого.

Ряд современных исследователей доказательственного права указывают, как мы полагаем — вполне обоснованно, на необходимость различения понятия доказательств как сведений и источников доказательств¹⁵. Методологически различие между показаниями подозреваемого и самим подозреваемым как источником доказательственной информации

¹⁴ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. С. 147, 238, 350.

¹⁵ См.: *Попов А. П.* [и др.]. Проблемы современного доказательственного права в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 172–177.

является необходимым. Показания подозреваемого сегодня должны рассматриваться с учетом особого процессуального положения данного участника предварительного расследования, связанного с современными принципами уголовного процесса. В этом смысл правовой идеологии, определившей содержание доказательственного права.

Если в советской теории уголовного процесса, что мы отметили в позиции Л. М. Карнеевой, ретроспективное познание события, являющегося объектом предварительного расследования, допускалось и посредством показаний подозреваемого, то в российской науке мы наблюдаем обратное. Так, А. Г. Зверев, изучающий именно допустимость показаний подозреваемого, в первую очередь выявляет интересную (в качестве аргумента нашей позиции) эмпирику. Он констатирует, что 58 % показаний подозреваемых, реально получаемых на практике, представляют собой обвинительный вид доказательств. Подозреваемые, таким образом, являются источниками доказательств, уличающих их в содеянном правонарушении¹⁶. Обосновывая актуальность своей работы, А. Г. Зверев пишет, что в ходе допросов подозреваемых допускаются «массовые нарушения» порядка проведения данного процессуального действия¹⁷. Наши исследования не противоречат позиции указанного автора. Фактически правоприменительная практика следует консервативной установке на получение показаний подозреваемого как обвинительного доказательства против него же. Подобное не противоречило идеологии периода действия УПК РСФСР 1923 и 1960 гг., но сохранение этой практики сегодня не согласуется с современной идеологией.

В теории уголовного процесса фиксируется, что показания подозреваемых свидетельствуют о парадоксальной распространенности в них юридического языка, на котором, как предполагается, подозреваемые коммуницируют со следователем; языковых единиц и фраз, семантически близких к языку учебников по криминалистике (их разделов о криминали-

стической тактике)¹⁸, что есть знаки юридического профессионального правосознания (не правосознания подозреваемого). Очевидно, что процедура получения показаний подозреваемого преимущественно определяется процессуальным интересом лица, осуществляющего уголовное преследование, проявляющимся в логической связке «процессуальная задача допроса подозреваемого» — «процессуальный результат допроса подозреваемого (показания подозреваемого)», влекущим обвинительное содержание показаний подозреваемого. Такие показания проявляют процессуальную функцию и статус следователя как участника со стороны обвинения, но парадоксально приписываются подозреваемому. Указанное, как мы полагаем, контрарно идеологии действующего УПК РФ. Реализуя собственную уголовно-процессуальную активность, подозреваемый мог бы это делать через процедуру дачи объяснений.

Еще в 1946 г. М. С. Строгович указывал на то, что явным нарушением правил доказывания является использование сомнительного аргумента или аргумента, который сам по себе подлежит доказыванию¹⁹. Подтверждение подозрения показаниями подозреваемого, использование этих показаний в качестве аргумента, подтверждающего тезис (подозрение), сегодня идеологически невозможно.

Заключение

Возвращаясь к позиции Л. А. Воскобитовой, приведенной в начале настоящей статьи, следует признать, что идеологический фактор влияет на уголовно-процессуальное правопонимание. В связи с этим недопустимость показаний подозреваемого есть следствие реализации идеологических установок, закрепленных в конституционных нормах и принципах уголовного процесса. Недопустимость рассматриваемого личного доказательства сегодня детерминирована положениями о презумпции невиновности и о бремени доказывания, о состязательности уголовного процесса и разделении уголовно-

¹⁶ См.: Зверев А. Г. Допустимость показаний подозреваемого в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 12–13.

¹⁷ Зверев А. Г. Указ. соч. С. 3.

¹⁸ См.: Попов А. А. Получение объяснений и показаний в уголовном процессе Российской Федерации : результаты компаративистского исследования досудебного производства : монография. Пятигорск, 2015. С. 104.

¹⁹ Строгович М. С. Логика : учеб. пособие для слушателей ВЮА КА. М., 1946. С. 232–233.

процессуальных статусов в зависимости от выполняемых уголовно-процессуальных функций; содержанием уголовно-процессуальной активности в форме вопросов подозреваемому. Эти факторы отсутствовали в советском законодательстве.

Формирование судебных доказательств в состязательном типе процесса связывается со стадией судебного разбирательства и ее итоговым решением. Оправдательный приговор, сохраняя в силе презумпцию невиновности, сохраняет и качество недопустимости доказательств, представленных стороной обвинения. Именно в приговоре каждое доказательство получает надлежащую оценку. Государственный обвинитель, осуществляя возложенное на него бремя доказывания вины, одновременно доказывает и качество представляемых им доказательств (их допустимость).

Обвинительный приговор, трансформируя презумпцию невиновности в презумпцию истинности приговора, придает использованным для его обоснования доказательствам качество допустимости. Допустимость показаний подозреваемого, как любых личных доказательств, должна вытекать из понимания линейной конструкции правоприменения — недопустимости показаний (презюмируемой невиновности), преобразуемой в допустимость показаний и презумпцию истинности приговора, но не наоборот (презюмируемой виновности и допустимости доказательств этого). Последнее предreshает всё и не требует как минимум основанного на состязательном типе уголовного судопроизводства как такового.

В ходе оценки показаний подозреваемого, таким образом, должно учитываться соблюдение или несоблюдение не только уголовно-процессуальной формы (порядка допроса подозреваемого), но и положений ст. 14 УПК РФ, также образующих эталонную процессуальную форму, сравнение с которой позволяет констатировать качество допустимости оцениваемого доказательства. Если подозреваемый, являясь носителем функции защиты, действуя в личном интересе, не отвечал на вопросы защитника, который, согласно идеалу состязательного типа

процесса, должен вести этот допрос первым, то процедуры допроса фактически нет, нет и показаний, отвечающих критерию допустимости. Это мы также предполагали в критикуемой И. А. Зинченко статье.

Указанные выше идеи современного законодательства России (о персонифицированном характере Конституции РФ, состязательности уголовного судопроизводства и т.д.), масштабируясь до уровня вопросов в допросе подозреваемого, определяют качество недопустимости показаний подозреваемого. Следовательно, задавая подозреваемому вопросы обвинительного характера, относимые к предмету доказывания, нарушает уголовно-процессуальную форму (инверсирует функцию обвинения). Ответы на такие вопросы содержат сведения, доказывающие вину того же подозреваемого. При этом следователь выходит за пределы допроса подозреваемого, предметом которого (предметом вопросов в допросе) предполагаются основания задержания, основание применения меры пресечения и т.д. Массовость нарушений прав подозреваемых, отмечаемая А. Г. Зверевым, связана, по нашему мнению, с этим явлением.

Бремя доказывания вины подозреваемого лежит на следователе. В этом суть процессуальной деятельности стороны обвинения в состязательном типе процесса. Подозреваемый в силу реализуемой им функции и преследуемого процессуального интереса использует свои показания для защиты. Использование же показаний подозреваемого, как правильно отмечал М. С. Строгович, для подтверждения подозрения — недопустимый парадокс.

Сохраняя эклектическую конструкцию уголовно-процессуального закона, в которой досудебное производство не отвечает критериям состязательного типа процесса, мы оказываемся в процедурном тупике использования доказательств, формирование которых начато в досудебном производстве. В случае оглашения показаний подозреваемого в судебном следствии мы должны соотносить их с критериями допустимости, содержащимися в состязательном типе процесса, и идеями, заложенными в его основу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев А. А. [и др.] Консервативная правовая идеология России: сущность и государственно-правовой идеал : монография / под ред. А. А. Васильева. М., 2016. 261 с.
- Воскобитова Л. А. От идеологии ведомственных интересов к идеологии Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 18–21.
- Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962. 255 с.
- Зверев А. Г. Допустимость показаний подозреваемого в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 22 с.
- Зинченко И. А. Заметки по поводу дискуссий об основаниях, влекущих недопустимость показаний в уголовно-процессуальном праве // Российский следователь. 2023. № 6. С. 20–24.
- Карнеева Л. Процессуальное положение подозреваемого в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 12. С. 19–21.
- Матвеев С. В. Актуальные проблемы допустимости показаний несовершеннолетних свидетелей в уголовном и гражданском судопроизводстве России // Lex russica (Русский закон). 2006. Т. 65. № 5. С. 936–942.
- Попов А. А. Получение объяснений и показаний в уголовном процессе Российской Федерации : результаты компаративистского исследования досудебного производства : монография. Пятигорск, 2015. 199 с.
- Попов А. П. [и др.] Проблемы современного доказательственного права в уголовном процессе // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 172–177.
- Строгович М. О подозреваемом // Социалистическая законность. 1961. № 2. С. 33–38.
- Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. 470 с.
- Строгович М. С. Логика : учеб. пособие для слушателей ВЮА КА. М., 1946. 248 с.
- Терехин В. В. Идеологические нюансы формирования и применения стандарта допустимости доказательств в уголовном процессе // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 48–54.
- Якуб М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960. 171 с.

REFERENCES

- Galkin BA. The Soviet Criminal Procedure Law. Moscow; 1962. (In Russ.).
- Karneeva L. Protseessualnoe polozhenie podozrevaemogo v svyazi s proektom UPK SSSR [The procedural standing of the suspect under the draft Code of Criminal Procedure of the USSR]. *Sotsialisticheskaya zakonnost' [Socialist legality]*. 1954;12:19-21. (In Russ.).
- Matveev SV. Actual problems of the admissibility of testimony of minor witnesses in criminal and civil proceedings in Russia. *Lex russica*. 2006;65(5):936-942. (In Russ.).
- Popov AA. Obtaining explanations and testimony in the criminal process of the Russian Federation: A comparative study of pre-trial proceedings. Pyatigorsk; 2015. (In Russ.).
- Popov AP, et al. Problems of modern evidentiary law in criminal proceedings. *Gaps in Russian Legislation*. 2012;6:172-177. (In Russ.).
- Strogovich M. About the suspect. *Sotsialisticheskaya zakonnost' [Socialist legality]*. 1961;2:33-38. (In Russ.).
- Strogovich MS. Logics. Study-guide for students of the Red Army Academy of Military Law. Moscow; 1946. (In Russ.).
- Strogovich MS. The course of the Soviet criminal trial. In 2 vols. Vol. 1: The main provisions of the science of the Soviet criminal process. Moscow; 1968. (In Russ.).
- Terekhin VV. Ideological nuances of formation and standard's application for evidences' admissibility in criminal process. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;1(45):48-54. (In Russ.).
- Vasiliev AA, et al. The conservative legal ideology of Russia: the essence and the state law ideal. Moscow; 2016. (In Russ.).
- Voskobitova LA. From the departmental interests' ideology to the Russian Federation Constitution's ideology and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. *Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii [Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia]*. 2018;1(45):18-21. (In Russ.).

- Yakub ML. Democratic Foundations of the Soviet Criminal Procedure Law. Moscow; 1960. (In Russ.).
- Zinchenko IA. Notes to discussions on the grounds for inadmissibility of testimony in the criminal procedure law. *The Russian Investigator*. 2023;6:20-24. (In Russ.).
- Zverev AG. The admissibility of the testimony of the suspect in the Russian criminal trial: Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Rostov-on-Don; 2006. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зашляпин Леонид Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия
д. 5, Александровский парк, г. Санкт-Петербург 197046, Российская Федерация
leonid.zashlyapin@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid A. Zashlyapin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation
leonid.zashlyapin@gmail.com

Материал поступил в редакцию 16 ноября 2023 г.
Статья получена после рецензирования 8 января 2024 г.
Принята к печати 12 февраля 2024 г.

Received 16.11.2023.

Revised 08.01.2024.

Accepted 12.02.2024.

М. М. Долгиев

Ассоциация юристов России
г. Москва, Российская Федерация

М. М. Долгиева

Генеральная прокуратура Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Прекращение гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступлений или действий, создающих угрозу национальной безопасности: сравнительно-правовой аспект

Резюме. Формирование нового направления государственной политики в вопросах прекращения гражданства Российской Федерации обусловлено необходимостью обеспечения национальной безопасности страны в условиях современного мира. В международно-правовой доктрине в области лишения гражданства утверждается, что эта мера никогда не сможет соответствовать современному международному праву в области прав человека, при этом многие западные государства обращаются к данному институту не только при совершении виновными преступлений террористической направленности, но и при любых видах государственной измены. Задачи исследования состоят в сравнительно-правовом и историческом анализе нормативных положений о прекращении гражданства за совершение преступлений и действий, посягающих на национальную безопасность, России и ряда стран, в которых имеется указанная практика. Цель исследования — проанализировать тенденции формирования государственной политики России в данной сфере. Методологической основой исследования выступает применение общенаучных и частнонаучных методов познания, в том числе исторических и формально-юридических. Авторы приходят к выводу, что прекращение гражданства представляет собой де-факто санкцию. Наказание в виде лишения гражданства может являться сдерживающим фактором в условиях постоянного (нередко неконтролируемого) пополнения населения России за счет мигрантов. Прекращение гражданства в качестве дополнительной уголовно-правовой меры к основному виду наказания должно применяться только судом, соответственно, такая санкция должна быть закреплена непосредственно в уголовном законе. Авторы указывают на необходимость модернизации законодательства о гражданстве Российской Федерации, а также расширения перечня видов наказаний, предусмотренных уголовным законом, положениями о прекращении гражданства за совершение конкретных преступлений и действий, создающих угрозу национальной безопасности.

Ключевые слова: прекращение гражданства; лишение гражданства; национальные интересы; национальная безопасность; виды уголовного наказания; миграция; апатрид; санкция

Для цитирования: Долгиев М. М., Долгиева М. М. Прекращение гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступлений или действий, создающих угрозу национальной безопасности: сравнительно-правовой аспект. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 85–95. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.085-095

Termination of Citizenship of the Russian Federation because of Crimes or Actions that Pose a Threat to National Security: A Comparative Legal Aspect

Magomed M. Dolgiev

Association of Lawyers of Russia
Moscow, Russian Federation

Madina M. Dolgieva

Prosecutor General's Office of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The formation of a new direction of state policy on the termination of citizenship of the Russian Federation is conditioned by the need to ensure the national security of the country in the modern world. The international legal doctrine in the field of revocation of citizenship states that this measure will never be able to comply with modern international human rights law, while many Western states turn to this institution not only when perpetrators commit terrorist crimes, but also in all types of treason. The objectives of the study are a comparative legal and historical analysis of the regulations on the termination of citizenship for crimes and actions that infringe on national security in Russia and a number of countries in which this practice exists. The purpose of the study is to analyze trends in the formation of Russian state policy in this area. The methodological basis of the research is the use of general scientific and private scientific methods of cognition, including historical and formal legal ones. The authors conclude that the termination of citizenship is a de facto sanction. Punishment in the form of revocation of citizenship can be a deterrent in conditions of constant (often uncontrolled) increase in the Russian population due to migrants. Termination of citizenship as an additional criminal law measure to the main type of punishment should be applied only by the court, accordingly, such a sanction should be fixed directly in the criminal law. The authors point to the need to modernize the legislation on citizenship of the Russian Federation, as well as to expand the list of types of penalties provided for by criminal law, provisions on termination of citizenship for committing specific crimes and actions that pose a threat to national security.

Keywords: termination of citizenship; revocation of citizenship; national interests; national security; types of criminal punishment; migration; stateless person; sanction

Cite as: Dolgiev MM, Dolgieva MM. Termination of Citizenship of the Russian Federation because of Crimes or Actions that Pose a Threat to National Security: A Comparative Legal Aspect. *Lex russica*. 2024;77(3):85-95. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.085-095

Вопросы защиты национальных интересов Российской Федерации всё чаще становятся предметом законодательного регулирования, а в условиях специальной военной операции и конфронтации со странами Североатлантического альянса и их сателлитами необходимость такой защиты значительно возрастает.

Расширение юридических полномочий органов государственной власти по лишению приобретенного гражданства в ответ на совершение преступлений террористической направленности — явление не новое и предусматривалось Федеральным законом от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»¹. Толчком к усилению внимания к этой тактике стал феномен иностранных

боевиков-террористов. Поэтому использование института лишения гражданства в качестве средства борьбы с терроризмом было адаптировано к ситуации, чтобы с обвиняемыми можно было обращаться так, как если бы они являлись иностранцами, в высшей степени увеличивая негативное отношение к виновному.

В истории России и ранее существовали меры наказания, выражающиеся в отторжении на государственном уровне определенных категорий лиц за действия, направленные против интересов страны. Так, Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1872 г. предусматривалась высылка иностранцев за границу за совершение преступлений².

¹ СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. : Тип. 2-го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1845. С. 13.

Уголовным кодексом РСФСР от 1926 г.³ в п. «а» ст. 32 в качестве наиболее строгого вида наказания предусматривалось «изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно», и только потом были перечислены такие меры наказания, как лишение свободы, принудительные работы, конфискация имущества и пр. При этом изгнанию могли быть подвергнуты не только иностранцы, но и граждане, а самовольное возвращение в пределы РСФСР в случае применения наказания по п. «а» ст. 32 каралось высшей мерой наказания — расстрелом (ст. 71). За большую часть государственных преступлений, в том числе посягающих на территориальную целостность РСФСР или свержение власти, предусматривалась высшая мера наказания, а за пропаганду или агитацию таких действий (ст. 70) — изгнание или лишение свободы на срок не менее трех лет. В редакции Уголовного кодекса РСФСР 1930 г. была введена такая мера наказания, как «объявление врагом трудящихся с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и обязательным изгнанием из его пределов» (ст. 20)⁴, а за совершение государственных (контрреволюционных) преступлений — бессрочно.

Указанная мера наказания, называемая в уголовном законе «мерами социальной защиты судебно-исправительного характера», действовала вплоть до принятия Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.⁵, которым практика лишения гражданства была прекращена.

Новый Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»⁶ (далее — Закон о гражданстве), вступивший в силу 26 октября 2023 г., в ст. 24 расширяет перечень статей Уголовного кодекса РФ⁷, за совершение которых прекращается гражданство РФ. Всего в Законе перечислено 64 нормы — от изнасилования до акта международного терроризма. Для применения указанных положений достаточно, чтобы виновное лицо осуществило приготовление к преступлению

или покушение на него. Статьей 26 также предусматривается прекращение гражданства Российской Федерации вследствие совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Безусловно, речь в Законе идет только о прекращении приобретенного гражданства, а не гражданства по рождению (ч. 2 ст. 5).

Прекращение гражданства как мера, предназначенная для защиты национальной безопасности, несомненно, является способом концептуализации государственной власти, при котором лишение отдельных лиц их гражданского статуса фактически представляет собой дополнительное наказание, не предусмотренное уголовным законом, но вместе с тем состоящее в прямой взаимосвязи с совершаемыми посягательствами на общественную и государственную безопасность.

Можно констатировать, что законодательная регламентация процедуры прекращения гражданства не является внезапной и необдуманной. Проблемы этнической преступности, широко обсуждаемые в обществе и в академической литературе, напрямую связаны с неконтролируемым уровнем миграции и увеличением числа новых граждан Российской Федерации, которые, несмотря на приобретение гражданства, остаются вовлеченными в различные сферы нелегальной деятельности своих бывших соотечественников, будь то незаконный оборот наркотических средств или участие в запрещенных организациях, о чем свидетельствуют утверждения министра внутренних дел В. А. Колокольцева⁸. В этой связи меры, направленные на введение дополнительной ответственности за сознательное нарушение законодательства Российской Федерации, являются адекватной реакцией государства на конкретные противоправные действия.

Важным этапом в процессе использования государственными органами нового института прекращения гражданства будет его апробация

³ Уголовный кодекс РСФСР (приказ ВВСР 1922 г. № 1551). М. : Издание Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1922.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР (с изм. на 15 октября 1935 г.) : офиц. текст. с прил. постатейно-систематизированных материалов. М. : Советское законодательство, 1935.

⁵ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

⁶ СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

⁷ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁸ Колокольцев рассказал о росте преступности среди мигрантов // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5747683> (дата обращения: 10.10.2023).

и формирование определенной правопримени- тельной практики, в ходе осуществления кото- рой так или иначе могут возникать сложности. Однако сами по себе нормативные положения являются, на наш взгляд, весьма положитель- ным фундаментом для дальнейшей модерни- зации законодательства и формирования уже уголовной политики в указанной сфере.

Отечественный Закон о гражданстве с его новыми положениями, безусловно, не явля- ется уникальным в общемировой практике. Вопросы прекращения гражданства по различ- ным основаниям на законодательном уровне регламентировались во многих юрисдикциях, при этом, несмотря на разницу в подходах, единственным бесспорным основанием для применения таких крайних мер к своим граж- данам являлось их антигосударственное пове- дение (или деятельность).

Далее нами будут рассмотрены междуна- родно-правовое регулирование исследуемого предмета и основания для принятия соответ- ствующих норм, отмеченные в практике раз- личных государств.

Международно-правовое регулирование вопросов прекращения гражданства

Гражданство как один из элементов правового статуса человека характеризует политико-пра- вовые связи конкретного человека с определен- ным государством. В международно-правовой доктрине в области лишения (прекращения) гражданства⁹ отмечается, что любые дейст- вия, направленные на придание лицу статуса апатрида, в соответствии с Конвенцией 1961 г. о сокращении безгражданства, недопустимы. Положения Конвенции при этом предусматри- вают возможность прекращения приобретен- ного гражданства в случаях, когда оно было приобретено в результате сообщения лицом ложных сведений, а также когда лицом нару-

шаются обязанности быть верным этому госу- дарству либо его действия причиняют вред жизненным интересам государства. При этом понятие жизненных интересов в Конвенции не раскрывается, однако сам термин дает основа- ния полагать, что таковыми являются интересы национальной безопасности.

Международные организации, занимаю- щиеся аналитикой вопросов прекращения гражданства в международно-правовом поле, в частности Институт безгражданства и инте- грации (ISI)¹⁰ в опубликованных Принципах лишения гражданства в качестве меры обеспе- чения национальной безопасности, заявили, что такое основание прекращения связи лица с государством, как «обеспечение национальной безопасности», не должно являться единствен- ным поводом для утраты лицом своего стату- са¹¹. При этом, согласно тем же Принципам, если государство все-таки пойдет на данную исключительную меру, то механизм лишения гражданства должен основываться только на законном обвинительном приговоре суда, кото- рым будет установлен факт совершения лицом действий, наносящих вред жизненным интере- сам страны (п. 4.1 и 4.2).

По мнению некоторых зарубежных иссле- дователей в области международного гумани- тарного права, лишение гражданства может теоретически повлиять на защиту человека в контексте IV Женевской конвенции¹², поскольку страна происхождения не защищает своего собственного гражданина, а, наоборот, пере- кладывает ответственность на других участ- ников¹³. Однако прекращение гражданства, обоснованное внутренним законодательством, в любом случае не может повлиять на гуман- ное обращение с этим лицом, в соответствии с международным гуманитарным правом, в связи с чем ссылки на положения IV Женев- ской конвенции необоснованны. Кроме того, согласно общепринятым нормам международ- ного права, соблюдение абсолютных (стандарт-

⁹ Здесь и далее термины «лишение» и «прекращение» гражданства в вопросах зарубежной практики применяются в одинаковом значении.

¹⁰ URL: <https://www.institutesi.org/about-us> (дата обращения: 10.10.2023).

¹¹ URL: https://files.institutesi.org/PRINCIPLES_Russian.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

¹² Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (принята 12 августа 1949 г., вступила в силу 21 октября 1950 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. Ст. 648.

¹³ Паулюссен К. Лишение иностранных боевиков их гражданства: соображения по международным пра- вам человека и гуманитарному праву // Международное обозрение Красного Креста. 2021. Т. 103. № 916–917. С. 605–618.

ных) прав человека не находится в зависимости от гражданского статуса лица и обеспечивается страной осуждения. В частности, в Российской Федерации гражданам страны, иностранцам и лицам без гражданства в рамках процессуального законодательства предоставлены одинаковые права.

Вышеупомянутые Принципы лишения гражданства в своей терминологии соотносят прекращение гражданства для защиты национальной безопасности с «жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием, особенно когда это приводит к безгражданству» (п. 9.3.2). Вместе с тем указанные выводы ввиду своей категоричности заявлены вопреки существующим международно-правовым актам, в связи с чем они, равно как и остальные дискуссии в контексте нарушения прав человека при лишении гражданства, остаются вне правового поля международных организаций, например Европейского Союза. Так, в соответствии с резолюцией Парламентской ассамблеи Совета Европы 2263 (2019), государства могут лишить гражданства лиц, добровольно участвующих в военных конфликтах на стороне иностранных вооруженных сил, чьи действия наносят серьезный ущерб интересам государства.

В свою очередь, Европейская конвенция о гражданстве 1997 г. предусматривает, что принудительное прекращение гражданства возможно только в том случае, если лицо сохраняет гражданство другого государства, то есть данное положение не позволяет лишать этого статуса лиц с одним гражданством. При этом в качестве оснований лишения гражданства по инициативе государства, относящихся к вопросам национальной безопасности, перечислены приобретение гражданства мошенническим путем, добровольная служба в вооруженных силах или спецслужбах других государств, совершение террористического акта или участие в иностранных незаконных вооруженных формированиях. Такие правовые основания применялись в Дании, Франции, Нидерландах, Швейцарии, Соединенном Королевстве, Бель-

гии, Норвегии, Турции, Болгарии, Испании, на Кипре, Мальте, в Литве, Молдове, Румынии, Словении, Эстонии¹⁴. В некоторых государствах-членах решение о лишении гражданства может быть принято даже без вынесения обвинительного приговора. Однако такие процессуальные механизмы критикуются Парламентской ассамблеей Совета Европы ввиду того, что отсутствуют процессуальные гарантии законности и обоснованности принимаемых уполномоченными органами решений, не проверенных судебными инстанциями.

Вместе с тем стоит отметить, что Европейскую конвенцию о гражданстве 1997 г., ограничивающую обстоятельства, при которых может иметь место лишение гражданства, ратифицировало только 21 государство — член Совета Европы¹⁵. Российская Федерация, подписав указанную Конвенцию, не ратифицировала ее, при этом положения об утрате гражданства по основаниям нарушения лицом жизненных интересов в нашей стране не применялись и практики такой не существовало, в отличие от европейских государств. Теперь уже, с учетом выхода Российской Федерации из данной международной организации, наше государство имеет абсолютное право на выбор собственного пути законодательного развития¹⁶, в том числе и регулирование вопросов утраты гражданства по инициативе органов власти.

Законодательство о прекращении гражданства в США

В США прекращение гражданства на основании совершения натурализованным гражданином или гражданином по рождению «любого акта государственной измены» (committing any act of treason) предусмотрено Законом об иммиграции и гражданстве (Immigration and Nationality Act) 1952 г.

В частности, лишиться гражданства на основании § 1481 разд. 8 гл. 12 Кодекса США (утрата гражданства коренным жителем или натурализованным гражданином), помимо участия в

¹⁴ Отчет Комитета по правовым вопросам и правам человека. Лишение гражданства как мера борьбы с терроризмом: подход, совместимый с правами человека? / Парламентская ассамблея Совета Европы // URL: <https://core.ac.uk/download/200782676.pdf> (дата обращения: 29.11.2023).

¹⁵ По состоянию на 1 марта 2023 г. в Европейской конвенции о гражданстве участвует 21 государство. См.: URL: <https://bigenc.ru/c/evropeiskaia-konventsia-o-grazhdanstve-0e8a83> (дата обращения: 29.11.2023).

¹⁶ Долгиева М. М., Долгиев М. М. Двойные стандарты Совета Европы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 108–112.

иностранных вооруженных силах, можно за совершение следующих деяний: бунт или восстание против власти Соединенных Штатов или их законов (гл. 18 Кодекса США, § 2383); подстрекательский заговор с целью свержения, низложения или уничтожения силой правительства Соединенных Штатов либо предотвращения, затруднения или отсрочки исполнения любого закона Соединенных Штатов (гл. 18, § 2384); пропаганда свержения правительства (гл. 18, § 2385).

Таким образом, США практику лишения гражданства за совершение действий, посягающих на национальную безопасность, применяют достаточно давно, несмотря на критику указанных положений закона в контексте Восьмой поправки к Конституции США, в которой, в частности, содержится указание о недопустимости назначения чрезмерных, жестоких и необычных наказаний¹⁷. Лишение гражданства в данном случае, по мнению некоторых представителей правового сообщества США, считается чрезмерным и необычным наказанием. Суть такого подхода к интерпретации Восьмой поправки передает цитата из решения Верховного суда США по делу «Троп против Даллеса» (*Trop v. Dulles*, 356.S. 86 (1958))¹⁸. Цитата принадлежит верховному судье Уоррену: «Значение положения о жестоком и необычном наказании должно исходить из эволюционирующих стандартов приличия, которые знаменуют прогресс в зрелости общества». То есть «стандарты приличия», которые разделяет большинство судей Верховного суда, и есть лакмусовая бумажка, помогающая определить, какое наказание является жестоким и необычным, а какое нет. При этом не имеет значения, какие стандарты приличия у жителей того или иного штата, чьи

представители приняли закон о наказании за то или иное преступление¹⁹.

Несмотря на дискуссии в отношении правовых вопросов прекращения гражданства, данная мера активно применяется к натурализованным гражданам, совершившим преступления на территории США, о чем свидетельствует ряд уголовных дел, при рассмотрении которых, помимо уголовного наказания, судом предпринимались меры к депортации виновного лица с одновременным прекращением гражданства²⁰.

Стоит отметить, что, несмотря на вышеуказанную критику Института безгражданства, правовые положения законодательства США о возможности лишить лицо единственного гражданства, в том числе и по рождению, остаются неизменными, и данное обстоятельство прямо свидетельствует о придании государством высокого статуса гражданству своей страны.

Правовой опыт стран СНГ в вопросах прекращения гражданства

Обращаясь к правовому опыту стран СНГ, которые закрепили на законодательном уровне возможность прекращения гражданства лица за совершение определенных действий вопреки национальным интересам, следует отметить, что такая практика была введена в законодательствах о гражданстве республик Беларусь (ст. 19)²¹, Азербайджан (ст. 18)²², Казахстан (ст. 20-1, 21)²³ и Узбекистан (ст. 28–29)²⁴, и только в Республике Казахстан прекращение гражданства регламентировано также и уголовным законом. В частности, в ст. 50-1 Уголовного кодекса Республики Казахстан лишение гражданства является одним

¹⁷ Палант Б. Билль о правах. М. : Мысль, 2019. С. 194–195.

¹⁸ URL: <https://ru.knowledgr.com/00841817> (дата обращения: 13.10.2023).

¹⁹ Палант Б. Указ. соч. С. 194–195.

²⁰ Пресс-релиз Министерства юстиции США // URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/georgia-woman-sentenced-140-months-prison-human-trafficking-two-young-women-nigeria> (дата обращения: 16.10.2023).

²¹ Закон Республики Беларусь от 05.01.2023 № 242-З «Об изменении Закона Республики Беларусь “О гражданстве Республики Беларусь”» // URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300242> (дата обращения: 10.10.2023).

²² Закон Азербайджанской Республики от 30.09.1998 № 527-IQ «О гражданстве Азербайджанской Республики» // URL: <https://www.migration.gov.az/content/pdf/9905a783ef4865c95f433ec79022f9a6.pdf> (дата обращения: 16.10.2023).

²³ Закон Республики Казахстан от 20.12.1991 № 1017-XII «О гражданстве Республики Казахстан» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000816 (дата обращения: 16.10.2023).

²⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 10.10.2023).

из видов наказаний за совершение террористических преступлений, а также иных преступлений, причиняющих тяжкий вред жизненно важным интересам Республики Казахстан²⁵.

Принятие аналогичных положений о лишении гражданства было предпринято в Киргизской Республике в 2020 г. в соответствующем проекте конституционного закона. В частности, лишение гражданства как дополнительный вид наказания, наряду с основным видом наказания, предусматривалось назначать, помимо преступлений террористической направленности, за совершение государственной измены, насильственного захвата власти, сепаратистской деятельности и наемничества. Однако до настоящего времени проект конституционного закона не принят.

Перечисленные выше страны СНГ законодательно закрепляют сходные основания, при установлении которых наступают негативные последствия для лиц, приобретших гражданство. Практически всегда это действия в интересах иностранных государств, терроризм и участие в экстремистских и иных незаконных организациях. В каждом конкретном случае такие обстоятельства должны устанавливаться приговором суда.

С точки зрения сравнительного правоведения представляет интерес уголовное законодательство Республики Казахстан, распространяющееся на правоотношения, связанные с вопросами лишения гражданства. На наш взгляд, участие уголовного закона в указанном механизме проявляет высшую степень «серьезности намерений» государства в выражении отношения к лицам, совершающим посягательства на жизненные интересы страны.

При этом можно отметить, что формулировки вышеуказанных нормативных положений о гражданстве республик Беларусь, Азербайджан, Казахстан и Узбекистан не устанавливают препятствий для лишения лица единственного гражданства.

Российская практика прекращения гражданства

Некоторые вопросы обоснованности прекращения гражданства являлись предметом рас-

смотрения Конституционного Суда РФ, при этом круг указанных вопросов ограничивался только совершением лицом преступлений террористической направленности, за которые предусмотрены такие дополнительные негативные последствия. Поскольку сам по себе факт совершения преступления устанавливается судом, соответственно, обвинительный приговор суда, согласно позиции Конституционного Суда РФ, является достаточным основанием для отмены решения о приобретении гражданства, так как государством совершение таких деяний приравнивается к факту сообщения лицом заведомо ложных сведений о том, что оно обязуется соблюдать Конституцию РФ и российское законодательство, и свидетельствует об осознанном и устойчивом отказе виновного от обязательства быть верным России²⁶.

Расширив в новом Законе о гражданстве перечень преступлений (до 64 составов) и отдельно перечислив действия, посягающие на национальную безопасность, за совершение которых лицо может быть лишено гражданства, законодатель определил главные цели и задачи уголовной политики, направленные на сохранение основ конституционного строя и общественной безопасности. Отношение государственной власти к уголовно наказуемым нарушениям конкретных норм новыми гражданами Российской Федерации свидетельствует о том, что такие лица представляют явную угрозу для правопорядка, что, в свою очередь, должно иметь обоснованные и справедливые последствия.

При этом такое основание прекращения гражданства, как совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, в современном российском праве является нововведением. Определение указанного термина в правовом поле закрепилось относительно недавно. В частности, национальная безопасность в широком толковании определяется как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Рос-

²⁵ Разд. 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан (введен Законом РК от 11.07.2017 № 91-VI) // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.

²⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 11.02.2021 № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона “О гражданстве Российской Федерации”» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сийской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»²⁷.

По мнению некоторых авторов²⁸, существующее значительное число определений безопасности и весьма противоречивых научных определений не в последнюю очередь обусловлено отсутствием легального определения термина «безопасность» в Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»²⁹. К этому можно добавить и отсутствие в теории права устоявшихся определений национальных интересов как таковых. Обращение к академической литературе позволяет констатировать, что теоретическая разработка понятий стратегической национальной безопасности Российской Федерации началась в отечественной науке права примерно пять лет назад.

Как справедливо отмечает Н. Ф. Попова, в Стратегии 2021 г. значительно сузились направления взаимодействия с иностранными государствами, так как новый мировой порядок характеризуется существенными разногласиями в международных делах между Россией, США и Западом³⁰. Таким образом, в настоящее время запрос на развитие научных исследований, посвященных вопросам национальной безопасности, весьма высок.

Национальная безопасность неразрывно связана с внешней политикой государства, поскольку политика национальной безопасности состоит из действий и решений, обязательных для защиты основных внутренних ценностей от внешних угроз. Критериями такой защиты выступает восприятие государством и народом природы внешней опасности и ее воздействие на национальную идентичность и жизненно важные интересы. В этой связи факторы, формирующие международную политику, являются предпосылками нормотворчества в сфере национальной безопасности.

В Соединенных Штатах Америки «нет более важного утверждения о валидности политики,

чем утверждение о национальной безопасности»³¹. В рамках существующего Закона о национальной безопасности (National Security Act of 1947) использование этой фразы влечет за собой и процедурные последствия, в частности «всеобъемлющую программу обеспечения будущей безопасности Соединенных Штатов»³². Это имеет очевидные последствия в конституционном климате, где президенты долгое время утверждали полномочия применять силу в качестве главнокомандующего без специального разрешения Конгресса и использовать инструменты разведки без законодательного или судебного контроля.

В Российской Федерации законодательство в сфере национальной безопасности, представленное только вышеуказанным Законом о безопасности, не является таким всеобъемлющим, однако его наличие уже дает возможность совершенствования и актуализации понятий и определений. Стоит также отметить, что общепризнанного международно-правового понятия жизненных (или национальных) интересов страны не существует, очевидно потому, что у всех государств они разные. Однако широкое понятие национальных интересов, предложенное в Стратегии национальной безопасности, на наш взгляд, применимо к любому государству, независимо от его внутренней организации и управления. В этой связи представляются своевременными и справедливыми положения нового отечественного Закона о гражданстве, так как умышленные действия вопреки заявленным ценностям должны быть порицаемы и уголовно наказуемы, а лицо, их совершившее после вступления в гражданство, должно нести дополнительную ответственность.

В науке российского уголовного права некоторыми учеными высказывались мнения о необходимости прекращения гражданства за совершение преступлений натурализованными гражданами еще до принятия нового Закона о

²⁷ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

²⁸ Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / Д. Р. Алимова, С. А. Афанасьева, Л. Т. Бакулина [и др.] ; под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2022.

²⁹ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

³⁰ Попова Н. Ф. Новые приоритеты обеспечения национальной безопасности РФ // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 16–18.

³¹ Baker J. E. The Meaning of National Security. In the Common Defense: National Security Law for Perilous Times. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 13–22.

³² 50 U.S. Code Chapter 15 — National Security § 401–442b.

гражданстве. Так, Ф. Н. Багаутдинов в 2016 г., не соглашаясь с существовавшей в тот период времени позицией Верховного Суда РФ, указывал, что необходим перечень составов преступлений, за совершение которых может быть применена дополнительная мера наказания в виде лишения российского гражданства за совершение особо тяжких и тяжких преступлений, когда они посягают на интересы российского государства в целом³³. Что, собственно, и было сделано законодателем в 2023 г.

В юридической литературе также высказывается мнение о том, что лишение гражданства может применяться только судом в качестве дополнительной уголовно-правовой меры (санкции) к основному виду наказания³⁴, то есть в данном случае авторы полагают, что такая санкция должна содержаться непосредственно в норме уголовного закона. Полагаем, что эта точка зрения является обоснованной, поскольку прямое указание в Уголовном кодексе на возможность применения судом наказания в виде лишения гражданства может являться сдерживающим фактором в условиях постоянного (нередко неконтролируемого) пополнения населения России за счет мигрантов и получения ими гражданства.

Можно с очевидностью утверждать, что отношение российского общества к уголовному закону более ответственное, нежели к иным нормативным правовым актам, о существовании которых многие могут и не знать. Соответственно, расширение перечня видов наказаний прекращением гражданства Российской Федерации будет обеспечивать в том числе и принципы предупреждения преступности.

Такой вывод ни в коем случае не является дискриминационным, так как приобретение гражданства Российской Федерации не может быть формализовано одним лишь получением паспорта, а должно предполагать абсолютную ответственность перед обществом и государством, верность законам и уважение к истории

России, а также к форме государственной власти и управления.

Тенденция к признанию института прекращения гражданства за совершение лицом действий, в глобальном смысле посягающих на национальные интересы государств, в некоторых странах СНГ налицо, и Россия, приняв новый Закон о гражданстве, лишь делает то же самое. Ключевым фактором в указанном контексте будет категоризация таких деяний в случае невозможности установить их подробные признаки или перечень.

Так или иначе, формирование направления политики российского государства на обеспечение приоритета национальных интересов над частными интересами натурализованных граждан в данный момент является закономерным. Обусловлен такой подход жизненно важными принципами сохранения суверенитета страны и традиционного общественного уклада.

При этом конкретный перечень деяний, за совершение которых законодатель предусмотрел такую меру принуждения, вызывает массу вопросов. Так, если речь идет о совершении преступления, предусмотренного частями 3–5 ст. 131 Уголовного кодекса РФ (изнасилование), то совершенно справедливо было бы включение в данный перечень частей 3–5 ст. 132 (совершение насильственных действий сексуального характера). Кроме того, квалифицированное убийство (например, двух и более лиц, малолетнего, совершенное с особой жестокостью, организованной группой, из хулиганских побуждений, по мотиву расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды и пр.) к основаниям прекращения гражданства вообще не отнесено при всей очевидной не менее, а то и более высокой общественной опасности³⁵.

В этой связи представляется необходимым продолжить модернизацию законодательства о гражданстве Российской Федерации, расширив перечень видов преступлений, за совершение

³³ Багаутдинов Ф. Н. Новый вид преступности и вопросы российского гражданства // Законность. 2016. № 12. С. 49–53.

³⁴ Семькина О. И. Суверенитет государства — правовая основа действия уголовного закона в пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 4. С. 37–47 ; Каширкина А. А., Морозов А. Н. Теоретические подходы Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) к оценке законодательства о противодействии терроризму: международно-правовой дискурс и проблемы имплементации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 413–416.

³⁵ Долгиева М. М., Долгиев М. М. Прекращение гражданства как вид уголовного наказания: практика и перспективы // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 4. С. 201–206.

которых лицо может быть лишено гражданства. Кроме того, надлежит включить в перечень дополнительных наказаний, предусмотренных уголовным законом, положения о прекращении гражданства за совершение указанных пре-

ступлений, а также регламентировать механизм учета вступивших в законную силу обвинительных приговоров и их направление в уполномоченный государственный орган для прекращения гражданства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багаутдинов Ф. Н. Новый вид преступности и вопросы российского гражданства // *Законность*. 2016. № 12. С. 49–53.
- Долгиева М. М., Долгиев М. М. Двойные стандарты Совета Европы // *Вестник Московского университета МВД России*. 2022. № 5. С. 108–112.
- Долгиева М. М., Долгиев М. М. Прекращение гражданства как вид уголовного наказания: практика и перспективы // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2023. № 4. С. 201–206.
- Каширкина А. А., Морозов А. Н. Теоретические подходы Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) к оценке законодательства о противодействии терроризму: международно-правовой дискурс и проблемы имплементации // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14. № 3. С. 413–416.
- Палант Б. Билль о правах. М. : Мысль, 2019. 244 с.
- Паулуссен К. Лишение иностранных боевиков их гражданства: соображения по международным правам человека и гуманитарному праву // *Международное обозрение Красного Креста*. 2021. Т. 103. № 916–917. С. 605–618.
- Попова Н. Ф. Новые приоритеты обеспечения национальной безопасности РФ // *Административное право и процесс*. 2022. № 5. С. 16–18.
- Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / Д. Р. Алимова, С. А. Афанасьева, Л. Т. Бакулина [и др.] ; под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2022. 472 с.
- Семыкина О. И. Суверенитет государства — правовая основа действия уголовного закона в пространстве // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2022. № 4. С. 37–47.
- Baker J. E. The Meaning of National Security. In the Common Defense: National Security Law for Perilous Times. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

REFERENCES

- Alimova DR, Afanasyeva SA, Bakulina LT, et al. Gaps in law in the context of digitalization: A collection of scientific papers. Pashentsev DA, Zaloilo MV (eds). Moscow: Infotropik Media Publ.; 2022. (In Russ.).
- Bagautdinov FN. A new type of crime and issues of Russian citizenship. *Zakonnost*. 2016;12:49-53. (In Russ.).
- Baker JE. The Meaning of National Security. In the Common Defense: National Security Law for Perilous Times. Cambridge: Cambridge University Press; 2007.
- Dolgieva MM, Dolgiev MM. Double standards of the Council of Europe. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2022;5:108-112. (In Russ.).
- Dolgieva MM, Dolgiev MM. Termination of citizenship as a type of criminal punishment: practice and prospects. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 2023;4:201-206. (In Russ.).
- Kashirkina AA, Morozov AN. Theoretical approaches of the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) to the assessment of legislation on countering terrorism: International legal discourse and problems of implementation. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2020;14(3):413-416. (In Russ.).
- Palant B. The Bill of Rights. Moscow: Mysl Publ.; 2019. (In Russ.).
- Paulussen K. Depriving foreign fighters of their citizenship: Considerations on international human rights and humanitarian law. *Mezhdunarodnoe obozrenie Krasnogo Kresta*. 2021;103(916-917):605-618. (In Russ.).
- Popova NF. New priorities for ensuring the national security of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2022;5:16-18. (In Russ.).

Semykina OI. The sovereignty of the State is the legal basis for the operation of criminal law in space. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2022;4:37-47. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Долгиев Магомед Муратбекович, кандидат экономических наук, член Ассоциации юристов России
д. 24/1, стр. 1, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
novator111@mail.ru

Долгиева Мадина Муссаевна, доктор юридических наук, советник юстиции, старший прокурор
Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
почетный работник прокуратуры Российской Федерации
д. 15а, стр. 1, ул. Большая Дмитровка, Москва 125993, Российская Федерация
novator111@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Magomed M. Dolgiev, Cand. Sci. (Economics), Member of the Association of Lawyers of Russia, Moscow,
Russian Federation
novator111@mail.ru

Madina M. Dolgieva, Dr. Sci. (Law), Adviser to Justice, Senior Prosecutor of the Main Criminal Judicial
Department of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Honorary Employee
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
novator111@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 16 ноября 2023 г.

Принята к печати 12 февраля 2024 г.

Received 15.11.2023.

Revised 16.11.2023.

Accepted 12.02.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.096-106

В. С. ЛатыповУфимский юридический институт МВД России
г. Уфа, Российская Федерация**Н. А. Моругина**Воронежский институт МВД России
г. Воронеж, Российская Федерация

Обеспечение прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве по законодательству отдельных зарубежных государств

Резюме. В статье рассмотрены процессуальный статус и особенности правового регулирования участия несовершеннолетних в уголовном процессе Республики Азербайджан, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Киргизской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Армении, Афганистана, Швейцарской Конфедерации. Проанализированы законодательно определенное понятие несовершеннолетнего участника уголовного процесса, институт представительства, а также наличие дополнительных процессуальных гарантий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. В ходе исследования установлено, что срок задержания несовершеннолетнего подозреваемого в совершении преступления не во всех странах равен 48 часам. В частности, уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан и Киргизской Республики регламентирует задержание данной категории лиц на срок не более 24 часов, что расценивается авторами как дополнительная гарантия государства, направленная на охрану психоэмоционального состояния несовершеннолетних лиц в ходе уголовного судопроизводства. Выявлены особенности производства следственных действий с участием данной категории лиц, особенности их представительства, а также вовлечения в уголовно-процессуальные отношения педагога, психолога и врача. В качестве усиленного варианта представительства авторами признана казахстанская модель уголовного процесса, в которой предусмотрено обязательное представительство несовершеннолетних потерпевших, гражданских истцов и частных обвинителей как законным представителем, так и представителем, которым может быть как адвокат, так и иное лицо. Исследование позволило сформировать обобщенное представление о правах и обязанностях несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, реализующих различные уголовно-процессуальные функции, а также выразить авторскую позицию относительно возможности внедрения в российское уголовно-процессуальное пространство наиболее успешной практики нормативного регулирования обеспечения прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, выявленной в зарубежном законодательстве.

Ключевые слова: уголовный процесс; правоотношения; процессуальный статус; несовершеннолетний участник процесса; права; обязанности; гарантии; содействие правосудию

Для цитирования: Латыпов В. С., Моругина Н. А. Обеспечение прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве по законодательству отдельных зарубежных государств. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 96–106. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.096-106

Ensuring the Rights of Minors in Criminal Proceedings under the Legislation of Certain Foreign Countries

Vadim S. Latypov

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Ufa, Russian Federation

Nadezhda A. Morugina

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Voronezh, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the procedural status, as well as the specifics of the legal regulation of the participation of minors in the criminal procedure of the Republic of Azerbaijan, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Belarus, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan, the Republic of Armenia, Afghanistan, and the Swiss Confederation. The authors analyze the legislatively defined concept of a minor participant in criminal proceedings, the institution of representation, as well as the availability of additional procedural guarantees provided for by criminal procedure legislation. The study found that the period of detention of a minor suspected of committing a crime is not equal to 48 hours in all countries. In particular, the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic regulates the detention of this category of persons for a period of no more than 24 hours, which is regarded by the authors as an additional guarantee of the state aimed at protecting the psycho-emotional state of minors during criminal proceedings. The peculiarities of the production of investigative actions involving this category of persons, the peculiarities of their representation, as well as the involvement of a teacher, psychologist and doctor in criminal procedural relations are revealed. The authors recognize the Kazakh model of criminal procedure as an enhanced version of representation, which provides for mandatory representation of minor victims, civil plaintiffs and private prosecutors by both a legal representative and a representative, which can be either a lawyer or another person. The study made it possible to form a generalized idea of the rights and obligations of juvenile participants in criminal proceedings implementing various criminal procedural functions, as well as to express the author's position on the possibility of introducing into the Russian criminal procedural space the most successful practice of legal regulation of ensuring the rights of minors in criminal proceedings, identified in foreign legislation.

Keywords: criminal proceedings; legal relations; procedural status; minor participant to the procedure; rights; obligations; guarantees; assistance to justice

Cite as: Latypov VS, Morugina NA. Ensuring the Rights of Minors in Criminal Proceedings under the Legislation of Certain Foreign Countries. *Lex russica*. 2024;77(3):96-106. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.096-106

Введение

Государственная уголовная политика, воплощенная в действующем уголовном судопроизводстве, направлена на решение ключевых для современного демократического правового государства задач частного и публичного характера. К задачам частного характера можно отнести охрану прав и свобод каждого отдельно взятого человека и гражданина. При этом совокупность частных интересов образует публичное право на охрану общественного порядка и общественной безопасности, предупреждение преступлений, мира и безопасности человечества.

В то же время официальные данные о количестве зарегистрированных преступлений, представленные правоохранительными органами, вызывают определенные опасения. Так, в Российской Федерации за 2022 г. зарегистрировано 1 966,8 тыс. преступлений, при этом значительные темпы прироста их числа отмечаются в ряде регионов: в Ярославской области — 14,3 %, в Томской области — 10,5 %, в Чукотском АО — 8,8 %, в Самарской области — 8,7 %¹. Кроме того, актуальные статистические данные за девять месяцев 2023 г. позволяют определить следующую тенденцию прироста числа зарегистрированных преступлений: в Не-

¹ Характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2022 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 02.01.2024).

нецом АО — 21,6 %, в Ямало-Ненецком АО — 20,4 %, в Белгородской области — 12,9 %², что также свидетельствует о существующих вопросах в реализации задач, стоящих перед государственными органами.

Между тем следует отметить, что в уголовно-процессуальные отношения, помимо взрослого совершеннолетнего населения, вовлекаются и лица, не достигшие 18 лет. Каждое 34-е преступление в стране (или 2,9 % от общего количества совершенных преступлений) совершается несовершеннолетними или с их участием. К регионам с наибольшим удельным весом несовершеннолетних, совершивших преступления, от общего числа выявленных лиц относятся Новгородская область — 6,2 %, Республика Тыва — 6,1 %, Забайкальский край — 5,9 %³.

Вместе с тем представленный ВНИИ МВД России аналитический прогноз развития криминальной ситуации в Российской Федерации на IV квартал 2023 г. свидетельствует об ожидаемом снижении количества несовершеннолетних лиц, совершивших преступление, — 22,8 тыс. (от 21,2 тыс. до 24,4 тыс.)⁴.

Справедливости ради следует отметить, что несовершеннолетними участниками уголовно-процессуальных отношений являются не только лица, совершившие преступления, — подозреваемые или обвиняемые. К числу таких категорий участников в силу возрастных особенностей могут быть отнесены и другие: потерпевшие и свидетели. Таким образом, несовершеннолет-

ними участниками уголовного судопроизводства могут быть реализованы как основные уголовно-процессуальные функции защиты и обвинения, так и нейтральная по отношению к основным уголовно-процессуальной функции содействия правосудию. Обоснованность ее существования, роль и место в современной системе уголовно-процессуальных функций, а также особенности реализации рассмотрены нами ранее⁵.

Основная часть

Несовершеннолетние лица, вовлекаемые в уголовно-процессуальные отношения, вне зависимости от их процессуального статуса всегда являлись объектом повышенного внимания как со стороны национального законодательства, так и со стороны международного сообщества. В подтверждение сказанного приведем некоторые нормативные акты, регламентирующие правовое положение несовершеннолетних, в том числе участников уголовного судопроизводства: Конвенция о правах ребенка⁶; Декларация прав ребенка⁷; Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в вопросах возвращения несовершеннолетних в государства их постоянного проживания⁸; постановление «О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступлений»⁹; Закон «Об основных гаран-

² Характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — сентябрь 2023 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/42989123/> (дата обращения: 02.01.2024).

³ Характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2022 г.

⁴ Прогноз развития криминальной ситуации в Российской Федерации на IV квартал 2023 г. : аналитический материал. М. : ВНИИ МВД России, 2023.

⁵ Латыпов В. С. Содействие правосудию как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 786–796 ; Он же. О теоретической модели содействия отправлению правосудия в уголовном процессе России // Евразийский юридический журнал. 2023. № 1 (176). С. 250–253.

⁶ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993.

⁷ Декларация прав ребенка (принята 20 ноября 1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. М. : Юридическая литература, 1990. С. 385–388.

⁸ Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в вопросах возвращения несовершеннолетних в государства их постоянного проживания (вместе с Перечнем транзитных учреждений, через которые устанавливается межгосударственная перевозка...) (заключено в г. Кишиневе 7 октября 2002 г.) (с изм. от 30.05.2014) // СЗ РФ. 2006. № 43. Ст. 4418.

⁹ Постановление № 51-28 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступлений» (принято в г. Санкт-Петербурге

тиях прав ребенка в Российской Федерации»¹⁰. Особенности осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних отражены в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹¹. В структуре указанного нормативного акта законодатель в отдельной главе выделил особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50). Кроме того, отдельных разрозненных норм в разных частях УПК РФ удостоились несовершеннолетние потерпевшие и свидетели (ст. 191, 280, 281 и др.). Особенности реализации норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства при осуществлении правосудия в отношении несовершеннолетних нашли свое отражение в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ¹².

Безусловно, выделение несовершеннолетнего участника в качестве особого субъекта уголовно-процессуальных отношений требует серьезной проработки его правового статуса, о чем достаточно аргументированно в последнее десятилетие заявляют процессуалисты, посвятившие свои диссертационные исследования различного уровня вопросам участия в уголовном процессе, реализации прав и свобод, привлечения к ответственности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства: З. Г. Гасанова, В. В. Храмцова, К. Р. Климина, А. С. Дежнев, И. С. Тройнина, Т. В. Наделяева, А. И. Терегулова, Н. А. Николаева, Т. В. Чеботарева, О. А. Тучина, Г. А. Миронова, А. Л. Санташов, Н. Ю. Скрипченко и др.

Однако следует отметить, что большинство исследований посвящено несовершеннолетним участникам уголовного процесса, реализующим лишь одну уголовно-процессуальную функцию (защиты, обвинения или содействия правосудию). Комплексные монографические исследования, посвященные анализу правового статуса несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, проводятся крайне редко.

При этом основу любого исследования составляет используемая автором методология.

Получение истинных данных, отражающих реальное положение исследуемых фактов, событий, явлений, возможно лишь путем подбора оптимальных способов и приемов проводимого исследования, а для обеспечения всесторонности и комплексности в этом вопросе как нельзя лучше подходит применение сравнительно-правового метода исследования.

Цель нашего исследования — изучение особенностей реализации правового статуса несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в различных моделях уголовного процесса зарубежных стран. Возможно, результаты проведенного анализа позволят обогатить теорию отечественного уголовно-процессуального права, будут востребованы в подготовке научных работ различного уровня по вопросам привлечения и участия несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства отдельных зарубежных стран, а также использованы в образовательном процессе при изучении учебной дисциплины «Уголовно-процессуальное право».

С целью обеспечения наиболее широкого охвата разнообразных по своему правовому регулированию моделей уголовного процесса зарубежных стран, а также систематизации полученной информации в рамках настоящего исследования предлагаем рассмотреть уголовно-процессуальное законодательство отдельных стран (Азербайджанской Республики, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Киргизской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Армении, Афганистана, Швейцарии) путем выделения ключевых, по мнению авторов, элементов правового регулирования производства в отношении несовершеннолетних. К таким элементам нами отнесены: вопрос определения возраста наступления совершеннолетия; срок задержания несовершеннолетних; наличие самостоятельной меры пресечения, избираемой в отношении несовершеннолетних; вопросы представительства; особенности производства отдельных следственных действий с участием

27 ноября 2020 г.) // Информационный бюллетень : документы заседания Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств : в 3 ч. 2021. № 73 (ч. 3).

¹⁰ Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

¹¹ СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 2011. № 29.

несовершеннолетних; отдельные вопросы реализации их процессуального статуса.

Возраст наступления совершеннолетия

Методически верным представляется определить саму категорию несовершеннолетних для различных моделей уголовного процесса, поскольку привычный для российского процессуалиста 18-летний возраст присущ не каждой стране. Так, согласно подготовленным Федеральной нотариальной палатой Методическим рекомендациям по удостоверению доверенностей, утвержденным решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 18.07.2016 (протокол № 07/16)¹³, совершеннолетие достигается в возрастном промежутке от 18 до 21 года. Указанное обстоятельство позволяет выделить четыре группы стран (территорий) в зависимости от возраста наступления совершеннолетия.

К первой, самой крупной группе, с 18-летним возрастным критерием, относятся: Австралия, Австрия, Азербайджан, Албания, Армения, Афганистан, Багамы, Беларусь, Бельгия, Бенин, Болгария, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Венесуэла, Вьетнам, Германия, Греция, Грузия, Дания, Джибути, Доминиканская Республика, Израиль, Йемен, Индия, Иордания, Ирак, Иран, Испания, Италия, Казахстан, Камбоджа, Кения, Кипр, Китай, Корея (Северная), Коста-Рика, Мальта, Марокко, Мексика, Молдавия, Монако, Монголия, Польша, Португалия, Россия, Саудовская Аравия и др.

Вторая группа (совершеннолетие наступает с 19 лет): Алжир, Британская Колумбия, Нью-Брансуик, Новая Шотландия, Терра Нова, Северо-Западные территории и Юкон.

С 20 лет: Буркина-Фасо, Корея (Южная), Новая Зеландия, Парагвай, Тунис, Япония.

И наконец, с 21-летнего возраста: Аргентина, Боливия, Ботсвана, Габон, Гамбия, Гана, Гондурас, Египет, Индонезия, Камерун, Кот-д'Ивуар, Кувейт, Либерия, Ливия, Мадагаскар, Мали, Нигер, Никарагуа, ОАЭ, Руанда, Сенегал, Сингапур, Того, Чад.

Традиционно понятие несовершеннолетнего в уголовно-процессуальном законодательстве не раскрывается, однако анализ имеющихся в распоряжении авторов уголовно-процессуальных кодексов отдельных зарубежных стран позволил установить наличие подобного опре-

деления в новом УПК Армении (2021 г.). Кроме того, следует отметить имеющуюся в казахстанском уголовно-процессуальном законодательстве дифференциацию участников, не достигших 18-летнего возраста, на несовершеннолетних и малолетних лиц. Последние отражены в следующих нормах: ст. 78, 209, 213, 475 УПК Республики Казахстан. Российский же законодатель упоминает о малолетних лицах в УПК РФ лишь в норме, предусматривающей возможность отсрочки наказания осужденной, имеющей малолетнего ребенка, не достигшего 14-летнего возраста (ст. 398).

Полагаем, что действующее законодательство России вполне рационально подходит к определению наступления совершеннолетия с 18-летнего возраста, поскольку возраст совершеннолетия является исключительно оценочной категорией, в основу которой положены степень осознания личностью собственных поступков и возможность нести за эти поступки ответственность. Субъективно у каждой отдельно взятой личности он может быть свой, но законодательное закрепление указанного возраста придает ему легитимность, влекущую за собой соответствующие права, обязанности и возможность наступления ответственности.

Срок задержания несовершеннолетних

Сложное эмоционально-психологическое процессуальное мероприятие, заключающееся в принудительном ограничении свободы передвижения несовершеннолетнего, действительно должно быть максимально сокращено по своей продолжительности, но без угрозы для проводимого расследования.

Так, в отдельных странах предусмотрен усеченный срок задержания несовершеннолетнего — не более 24 часов (ст. 14 УПК Республики Казахстан, ч. 2 ст. 102 УПК Киргизской Республики). Полагаем, что усеченное с позиции российского правоприменителя время задержания вписывается в общую тенденцию сокращения вдвое временного промежутка вовлечения несовершеннолетних участников уголовного процесса в процессуальные отношения, к примеру, при проведении допросов. Однако следует уточнить, что закон содержит исключения, согласно которым срок задержания, в том числе несовершеннолетних, может составлять не

¹³ Письмо ФНП от 22.07.2016 № 2668/03-16-3 «О Методических рекомендациях по удостоверению доверенностей» (вместе с Методическими рекомендациями по удостоверению доверенностей, утв. решением Правления ФНП от 18.07.2016, протокол № 07/16) // СПС «КонсультантПлюс».

более 72 часов, в зависимости от категории и вида совершенного преступления (ч. 4 ст. 131 УПК Республики Казахстан).

По общему правилу задержанный несовершеннолетний подозреваемый должен быть допрошен в течение 24 часов, однако часть 3 ст. 92 УПК Таджикистана предусматривает необходимость осуществления допроса данной категории лиц в течение 12 часов. Общая продолжительность задержания несовершеннолетнего в данной модели уголовного процесса не может превышать 48 часов, в то время как в отношении совершеннолетних установлен 72-часовой период. Сокращение установленного законом времени допроса несовершеннолетнего задержанного может доставить с позиции правоприменения достаточно много затруднений, которые выражаются в необходимости оповещения и обеспечения явки законных представителей, защитника, а для лиц, не достигших 16-летнего возраста, — педагога и психолога (ст. 430 УПК Таджикистана). Если допустить необходимость обеспечения участия переводчика, то представляется, что 12 часов может объективно не хватить.

Отметим, что считаем целесообразным внесение соответствующих изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство России, допускающих временное ограничение задержания несовершеннолетних лиц до 24 часов — по аналогии с законодательством Киргизской Республики. Указанное обстоятельство влечет необходимость внесения соответствующих изменений в гл. 12 УПК РФ, однако конкретные изменения могут быть озвучены лишь после детального самостоятельного доктринального исследования указанного вопроса.

Наличие самостоятельной меры пресечения, избираемой в отношении несовершеннолетних

В системе уголовно-процессуальных мер принуждения в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых предусмотрены самостоятельные меры пресечения: передача несовершеннолетнего под надзор (ст. 170 УПК Республики Азербайджан); отдача несовершеннолетнего под присмотр (ст. 144 УПК Республики Казахстан, ст. 123 УПК Республики Беларусь, ст. 108 УПК Республики Таджикистан); воспитательный надзор (ст. 129 УПК Армении); передача несовершеннолетнего под присмотр родителей или лиц и организаций, их

заменяющих (ст. 113 УПК Киргизской Республики, ст. 155 УПК Туркменистана). Не вдаваясь в детальный анализ предложенных зарубежными законодателями вариантов пресечения противоправных действий несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, а в некоторых случаях и подсудимых, отметим лишь тот факт, что данная категория участников уголовного процесса удостоена самостоятельного, отличного от остальных принудительного воздействия, характеризующегося возможностью работы с ними их близких лиц, с целью недопущения негативного воздействия на их несформировавшуюся личность третьих лиц.

В контексте избрания и применения мер процессуального принуждения в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых считаем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство России соответствует современным требованиям национального и международного законодательства и не нуждается во введении дополнительных мер пресечения в отношении указанной категории участников уголовного судопроизводства.

Вопросы представительства

Заслуживает внимания следующий любопытный факт, заключающийся в вопросах представительства несовершеннолетних участников (потерпевших, гражданского истца, частного обвинителя) в уголовном процессе Казахстана и Российской Федерации. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 45 УПК РФ защита прав и законных интересов указанной категории участников уголовного судопроизводства вариативно возложена на законного представителя или представителя. Аналогичная норма в УПК Республики Казахстан закрепляет обязательное представительство несовершеннолетних потерпевших, гражданских истцов и частных обвинителей как законным представителем, так и представителем, которым может быть как адвокат, так и иное лицо (ч. 2 ст. 76 УПК Республики Казахстан). Указанный вариант представительства следует рассматривать как усиленный, поскольку он безальтернативно предполагает наличие у несовершеннолетнего потерпевшего (гражданского истца, частного обвинителя) сразу нескольких представителей, позволяющих в качественно полном объеме обеспечить реализацию его прав и законных интересов. Отечественный законодатель не исключает двойного представительства, но и не обязывает к нему правоприменителей.

Допускаем возможность введения в российский уголовный процесс требования о двойном представительстве по аналогии с уголовно-процессуальной моделью Республики Казахстан, что, на наш взгляд, позволит усилить реализацию прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Особенности производства отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних

Наличие возможности депонирования показаний в рамках уголовного судопроизводства Республики Казахстан позволяет исключить необходимость допроса в ходе производства в суде несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, чьи показания депонированы следственным судьей в ходе досудебного производства (ст. 371 УПК Республики Казахстан)¹⁴.

К отличительным чертам уголовного судопроизводства Республики Казахстан по уголовным делам в отношении несовершеннолетних следует также отнести необходимость назначения и производства комплексной психолого-психиатрической экспертизы для определения особенностей их развития (ст. 539 УПК Республики Казахстан). Считаем, что предусмотренная законом необходимость назначения указанного вида судебной экспертизы, с одной стороны, позволяет сформировать значимую для принятия объективного судебного решения информацию о несовершеннолетнем подсудимом, с другой — может создать определенные сложности для экспертных учреждений, но в подобных вопросах мы должны исходить из единого процессуального стремления к принятию законного, обоснованного решения.

В свою очередь, перспективным с позиции реализации уголовно-процессуальной функции содействия правосудию является признание педагога и психолога, вовлекаемых в уголовно-процессуальные действия с участием несовершеннолетних, в качестве специалистов. В отличие от российского законодательства, зарубежное прямо определяет их специалистами (ч. 1 ст. 80 УПК Республики Казахстан, ст. 62 УПК Республики Беларусь), что позволяет исключить возникающие в российской доктрине научные споры о том, кем являются педагоги и психологи, вовлекаемые в уголовное судопроизводство,

какими правами и обязанностями должен наделять их закон. Аналогичная норма относительно признания педагога специалистом содержится и в УПК Республики Азербайджан (ст. 96.1).

Следует отметить предусмотренную УПК Армении процедуру осуществления допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Первая особенность заключается в том, что данное следственное действие проводится с обязательным участием психолога вне зависимости от возраста несовершеннолетнего. Вторая — следователю необходимо перед проведением указанного следственного действия согласовать с психологом вопросы, которые он планирует задать несовершеннолетнему участнику процесса (ст. 212 УПК Армении). Кроме того, в суде психолог с целью защиты интересов имеет право отказать в допросе несовершеннолетнего потерпевшего (ст. 329 УПК Армении). Выражая авторскую позицию относительно выявленных особенностей, отметим, что разделяем их лишь частично. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой лицу, осуществляющему предварительное расследование, должен быть отдан приоритет в выборе тактики и методики проводимого следственного действия, а наличие подобных согласительных процедур может вносить в них недопустимую в интересах следствия коррекцию.

Несколько отличной от указанной выше следует признать процедуру допроса несовершеннолетних участников в уголовном процессе Туркменистана. Согласно уголовно-процессуальному законодательству Туркменистана обязательность участия педагога в допросе несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля определена лишь для лиц, не достигших 14-летнего возраста, в остальных случаях — по усмотрению следователя, равно как и приглашение законного представителя или близких родственников (ст. 254 УПК Туркменистана). В свою очередь, видится несколько неоднозначной норма, регламентирующая порядок допроса несовершеннолетнего обвиняемого. В ней без возрастных ограничений отражена лишь возможность участия педагога (ст. 256, 512 УПК Туркменистана). Буквальное толкование указанных норм позволяет предположить, что участие педагога в допросе несовершеннолетних обвиняемых любого возраста не обязательно. Однако ста-

¹⁴ Терехов А. Ю., Латыпов В. С. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 1 (43). С. 115–121.

тя 514 УПК Туркменистана определяет участие педагога или психолога в производстве процессуальных действий с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми в возрасте до 16 лет в обязательном порядке.

Уголовный процесс Киргизии обязывает лиц, осуществляющих допрос несовершеннолетних, к применению технических средств фиксации (звуко- и видеозаписи) (ст. 193 УПК Киргизской Республики). Наличие видео- и аудиофиксации позволяет исключить ограничения прав и свобод допрашиваемых несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, а также способствует более тщательной подготовке должностных лиц к проводимому следственному действию.

В отдельных странах урегулирован вопрос не только продолжительности проведения допроса, но и времени. В частности, статья 453 УПК Киргизской Республики определяет возможность проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в период с 8:00 до 22:00, в то время как по общему правилу, установленному указанным законодательством, производство следственных действий допускается с 6:00 до 22:00. Представляется, что существующая временная привилегия начала производства допроса, предоставленная несовершеннолетним, является существенным проявлением заботы и охраны детства, осуществляемым в уголовном судопроизводстве государством.

Допускаем возможность введения дополнительного временного ограничения для производства следственных действий с участием несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства с 8:00 до 22:00, что потребует внесения соответствующих изменений в ч. 3 ст. 164 УПК РФ.

Вопросы реализации процессуального статуса несовершеннолетних

Отметим, что в структуру судебной системы отдельных стран, осуществляющей уголовное правосудие, помимо прочих, включены специа-

лизированные межрайонные суды по делам несовершеннолетних (ч. 3 ст. 51 УПК Республики Казахстан). Белорусский законодатель также предусмотрел необходимость рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних специальными судами по делам несовершеннолетних либо судьями, имеющими специальную подготовку (ст. 430 УПК Республики Беларусь).

Целесообразность рассмотрения вопроса о введении так называемых ювенальных судов в судебную систему Российской Федерации отмечается в большинстве научных исследований, посвященных производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних¹⁵.

Мы солидарны с исследователями в этом вопросе и считаем, что специализация судебной системы с акцентом на возрастные особенности лиц, привлекаемых к ответственности, видится весьма прогрессивным направлением, отвечающим современным реалиям и требованиям международного законодательства.

Небезынтересной с правоприменительной и научной точки зрения представляется норма, содержащаяся в УПК Армении, согласно которой запрещено продление сроков уголовного преследования по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (ст. 411). Наличие существующего ограничения видится излишним, поскольку обстоятельства исследуемого преступного события могут потребовать дополнительного времени для проведения расследования, а отсутствие возможности продления создает благоприятные условия для принятия поспешных, необоснованных процессуальных решений.

Не меньший интерес в рамках проводимого исследования представляет уголовно-процессуальное законодательство Республики Азербайджан. Так, в частности, Законом Азербайджанской Республики от 25.06.2020 № 140-VIQD в УПК Республики Азербайджан введена норма, предусматривающая возможность проведения уголовного судопроизводства с использованием системы видео-конференц-связи при

¹⁵ *Самолук Я. Е.* Необходимость создания ювенальных судов в России // *Право, общество, государство: проблемы теории и истории* : сборник материалов Международной научной студенческой конференции (Москва, 24–25 апреля 2020 г.). М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. С. 204–207 ; *Ермакова Т. Н., Попова П. Е.* К вопросу о введении в России ювенальных судов // *Вопросы современной науки и практики*. 2021. № 2 (5). С. 24–29 ; *Варламова А. В.* Ювенальные суды в России — миф или реальность // *Судебная система России на современном этапе общественного развития* : сборник научных трудов Всероссийской студенческой научной конференции (Ростов-на-Дону, 10 декабря 2021 г.). Ростов н/Д : ИП Беспамятов С. В., 2021. С. 390–394.

необходимости защиты интересов несовершеннолетнего (ст. 51-2). Наличие указанной нормы свидетельствует о совершенствовании азербайджанского уголовно-процессуального законодательства в соответствии с вызовами современности, особо следует отметить в положительном ключе тот факт, что государство рассматривает возможность применения достижений научно-технического прогресса в интересах обеспечения прав и свобод несовершеннолетних.

Анализируемая модель уголовного процесса содержит категорию уголовно-правовой дееспособности, позволяющую определить возможность и объем участия в уголовно-процессуальных отношениях различных категорий участников. Недееспособными признаются не достигшие возраста 14 лет потерпевший, гражданский истец, подозреваемый, обвиняемый и гражданский ответчик. При этом определение дееспособности несовершеннолетнего или достигшего 14-летнего возраста участника уголовного процесса возложено на орган, осуществляющий уголовный процесс (ст. 100 УПК Республики Азербайджан). В теории уголовно-процессуального права дееспособность принято рассматривать как один из элементов правового статуса участника уголовного процесса. Целесообразность выделения его в самостоятельную норму дискуссионна, в то же время в вопросах правового регулирования участия несовершеннолетних в уголовном процессе не может быть «лишних» норм. Считаем возможным имплементировать указанную норму в отечественное уголовно-процессуальное законодательство.

В отличие от анализируемых моделей уголовного процесса стран постсоветского пространства, в уголовном процессе Афганистана в несколько усеченном формате представлены права несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Так, определено, что лицо, не достигшее семилетнего возраста, освобождается от дачи показаний и не подлежит допросу в качестве свидетеля (ст. 26 УПК Афганистана). При этом важно отметить, что предусмотрено освобождение лица, не достигшего 14-летнего возраста, от процедуры приведения к присяге, но в ходе данного следственного действия обязательно присутствие законного представителя (ст. 39). Упоминание об иных лицах, участвующих в проведении до-

проса несовершеннолетних, в анализируемом нормативном акте не установлено.

Особый научный интерес представляет процессуальное законодательство континентальной Европы, рассмотренное нами на примере Швейцарии. Согласно швейцарскому законодательству в отношении несовершеннолетних обвиняемых следует применять Ювенальный УПК Швейцарии. Названный нормативный акт содержит специальные правила производства предварительного расследования и судебного разбирательства в отношении данной категории лиц; по безусловно точному утверждению А. А. Трефилова, Ювенальный кодекс, «не имеющий аналогов в других правовых порядках»¹⁶. Указанный автор провел детальное исследование швейцарского законодательства, мы же, воспользовавшись полученными им результатами, проанализируем особенности правового регулирования участия несовершеннолетних лиц в уголовно-процессуальных отношениях, выделив лишь наиболее значимые.

К государственным органам, осуществляющим правосудие в отношении несовершеннолетних лиц, совершивших преступление, помимо органов следствия, отнесены ювенальная прокуратура и ювенальный суд. Ювенальному правосудию оказывают содействие психологи, педагоги, органы опеки и попечительства.

Интересы несовершеннолетнего лица, обвиняемого в совершении преступления, традиционно реализует в уголовно-процессуальных отношениях законный представитель. Закон предусматривает право несовершеннолетнего лица на привлечение защитника, что является обязательным лишь в отдельных случаях, связанных со строгостью предусмотренных законом санкций. При этом следует отметить широкое применение альтернативных назначению наказания решений, связанных с примирительными процедурами (медиация, возмещение ущерба и др.).

Следующая особенность — исключительно коллегиальное судебное решение по существу привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних подсудимых (ч. 2 ст. 7 Ювенального УПК Швейцарии). Мы солидарны с А. А. Трефиловым в вопросе специфичности одного из оснований отказа от наказания несовершеннолетнего подсудимого, «если несовершеннолетний за его деяние уже достаточно наказан родителями» (п. 9 ч. 1

¹⁶ Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. М., 2018. Т. 2. С. 10.

ст. 21 Ювенального УК Швейцарии)¹⁷. Наличие указанного основания позволяет подменить предусмотренное государством наказание применяемыми родителями мерами воспитательного воздействия. При этом, видимо, эти меры по суровости должны быть сопоставимы с назначаемой судом изоляцией от общества в местах лишения свободы. Очень сложно смоделировать данное основание с переносом на современные реалии российского законодательства.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что по объективным причинам не представляется возможным отразить в рамках одного исследования все существующие особенности производства по уголовным делам с несовершеннолетними участниками уголовного судопроизводства в зарубежных моделях уголовного правосудия. Однако предпринятая

нами попытка компаративистского исследования позволяет несколько обогатить отечественную доктрину уголовно-процессуального права в вопросах зарубежного регулирования особенностей вовлечения и участия несовершеннолетних лиц в уголовно-процессуальных отношениях. Все анализируемые источники права представлены в актуальном варианте по состоянию на ноябрь 2023 г. В качестве обобщенного вывода следует признать, что каждая проанализированная модель зарубежного уголовно-процессуального законодательства в нормативном плане обособляет несовершеннолетних участников уголовного процесса, наделяя их совокупностью дополнительных прав и гарантий. Отдельные уголовно-процессуальные кодексы выделяют самостоятельные нормы, содержащие особенности производства с участием несовершеннолетних, в других имеются целые главы, третьи вводят целые ювенальные уголовно-процессуальные кодексы, но всё это подчеркивает особое отношение государств к вопросам охраны детства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варламова А. В. Ювенальные суды в России — миф или реальность // Судебная система России на современном этапе общественного развития : сборник научных трудов Всероссийской студенческой научной конференции (Ростов-на-Дону, 10 декабря 2021 г.). Ростов н/Д : ИП Беспамятных С. В., 2021. С. 390–394.

Ермакова Т. Н., Попова П. Е. К вопросу о введении в России ювенальных судов // Вопросы современной науки и практики. 2021. № 2 (5). С. 24–29.

Латыпов В. С. О теоретической модели содействия отправлению правосудия в уголовном процессе России // Евразийский юридический журнал. 2023. № 1 (176). С. 250–253.

Латыпов В. С. Содействие правосудию как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 786–796.

Самолук Я. Е. Необходимость создания ювенальных судов в России // Право, общество, государство: проблемы теории и истории : сборник материалов Международной научной студенческой конференции (Москва, 24–25 апреля 2020 г.). М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. С. 204–207.

Терехов А. Ю., Латыпов В. С. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 1 (43). С. 115–121.

Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 2. М., 2018. 1006 с.

REFERENCES

Ermakova TN, Popova PE. On the issue of the introduction of juvenile courts in Russia. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki*. 2021;2(5):24-29. (In Russ.).

Latypov VS. Assistance to justice as an independent criminal procedural function. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2021;15(6):786-796. (In Russ.).

¹⁷ Трефилов А. А. Указ. соч. С. 154.

Latypov VS. On the theoretical model of assistance to the administration of justice in the criminal process of Russia. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2023;1(176):250-253. (In Russ.).

Samolyuk YaE. The need to create juvenile courts in Russia. In: Law, society, state: Problems of theory and history. A collection of materials of the International Scientific Student Conference, Moscow, April 24–25, 2020. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN) Publ.; 2020. Pp. 204–207. (In Russ.).

Terekhov AYu, Latypov VS. The need to deposit testimony of witnesses and victims in complex criminal cases. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia]*. 2021;12-1(43):115-121. (In Russ.).

Trefilov AA. Criminal proceedings of foreign countries. Vol. 2. Moscow; 2018. (In Russ.).

Varlamova AV. Juvenile courts in Russia: A myth or reality. In: The judicial system of Russia at the present stage of social development: A collection of scientific papers of the All-Russian Student Scientific Conference, Rostov-on-Don, December 10, 2021. Rostov-on-Don: IP Bespamyatnov S.V. Publ.; 2021. Pp. 390–394. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Латыпов Вадим Сагитьянович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России
д. 2, Муксинова ул., г. Уфа 450103, Российская Федерация
Vadi-latypov@yandex.ru

Моругина Надежда Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России
д. 53, Патриотов пр., г. Воронеж 394065, Российская Федерация
moruginy@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vadim S. Latypov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Criminal Procedure Department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russian Federation
Vadi-latypov@yandex.ru

Nadezhda A. Morugina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russian Federation
moruginy@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25 ноября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 8 января 2024 г.

Принята к печати 12 февраля 2024 г.

Received 25.11.2023.

Revised 08.01.2024.

Accepted 12.02.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.107-115

С. В. Володина

Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Доверие в масштабе BRICS на примере Бразилии

Резюме. В статье приведены исторические, политические, правовые и экономические факты, взятые из открытых источников, сформировавшие специфику политического менталитета и общественного сознания в Бразилии. Они оказывают влияние на сложившуюся общность факторов, влияющих на доверие в этой стране. Бразилия является членом BRICS с высоким экономическим потенциалом роста, с одной стороны, и культурно-деловыми особенностями — с другой, что делает это государство привлекательным для исследования.

Автор комплексно подходит к проблематике доверия, рассматривая доверие электората к первому лицу, уровень внедрения искусственного интеллекта и доверия к нему бразильского общества, влияние СМИ на восприятие других государств и доверие к ним.

Разбирается взаимосвязь доверие — экономика — культура. Отмечается, что уровень образования населения поднимает уровень доверия в обществе. Происходит борьба за научно-технический прогресс между ведущими экономическими державами. Рассматривается применение soft and smart power как инструмента влияния или оружия массового воздействия. Анализируются предпосылки накопления потенциала доверия как необходимый элемент экономического роста.

Ключевые слова: доверие — экономика — культура; BRICS; международные отношения; soft and smart power; СМИ; ИИ; ChatGPT; цифровые платформы; рейтинги; COVID-19; президенты Бразилии; выборы; электронное голосование; общественные организации; фавелы

Для цитирования: Володина С. В. Доверие в масштабе BRICS на примере Бразилии. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 107–115. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.107-115

Trust on the BRICS Scale as in the Case of Brazil

Svetlana V. Volodina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper presents historical, political, legal and economic facts taken from open sources that have formed the specifics of the political mentality and public consciousness in Brazil. They have an impact on the established community of factors affecting trust in this country. Brazil is a BRICS member with high economic growth potential, on the one hand, and cultural and business characteristics, on the other, which makes this state attractive for research.

The author comprehensively approaches the issue of trust, considering the trust of the electorate in the first person, the level of implementation of artificial intelligence and trust in Brazilian society, the influence of the media on the perception of other states and trust in them.

The relationship of trust — economy — culture is being analyzed. It is noted that the level of education of the population raises the level of trust in society. There is a struggle for scientific and technological progress between the leading economic powers. The use of soft and smart power as a tool of influence or a weapon of mass influence is considered. The prerequisites for the accumulation of trust potential as a necessary element of economic growth are analyzed.

© Володина С. В., 2024

Keywords: trust — economy — culture; BRICS; international relations; soft and smart power; media; AI; ChatGPT; digital platforms; ratings; COVID 19; presidents of Brazil; elections; electronic voting; public organizations; favelas
Cite as: Volodina SV. Trust on the BRICS Scale as in the Case of Brazil. *Lex russica*. 2024;77(3):107-115. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.107-115

Введение

С 1 января 2024 г. пять приглашенных стран: Иран, Саудовская Аравия, Египет, Эфиопия и ОАЭ — стали полноправными членами BRICS. До основания содружества государств появилась аббревиатура BRIC. Бразилия, Россия, Индия, Китай — это четыре государства с самыми внушительными темпами роста экономики и формирования рынков. Помимо благозвучной очередности первых заглавных букв государств-членов, в названии также прослеживается явное сходство с английским словом brick (кирпич), что ассоциируется с ростом, строительством. В связи с расширением содружества возрастает и его роль в мире. Довольно много научных работ посвящено сравнению экономического потенциала и взаимодействию по вопросам экспорта и импорта стран, входящих в BRICS. Высокий потенциал роста в случае с странами — членами содружества говорит не о том, что они находятся в начале своего пути, а о том, что их потенциал велик и предел роста пока не прослеживается.

Бразилия сегодня пятая среди стран мира по площади и седьмая по численности населения, имеет девятую по величине номинального ВВП экономику в мире и седьмую по ВВП, рассчитанному по паритету покупательской способности, состоит в международных организациях: ООН, G20, ВТО, МЕРКОСУР, БРИКС.

На становление страны существенное влияние оказало колониальное прошлое. Бразилия была колонией Португалии с 1500 до 1822 г., когда была объявлена независимость Бразильской империи, лишь в 1889 г. Бразилия стала республикой. За всю историю страны было семь конституций. Действующая конституция 1988 г. определяет Бразилию как федеративную республику. От метрополии Бразилия заимствовала, помимо языка и религии, вектор движения и развития в духе стран Западной Европы, но со своим акцентом.

Бразильская модель федерализма — это проявления мягкой силы внутри страны ввиду разнородности экономического ландшафта. Исторический путь Бразилии давал ей возможность выбора или самоопределения, когда вставал вопрос о форме территориального устройства: изначально перевес был в сторону унитарного государства, вслед за метрополией, но определяющую роль сыграли разнородность общества, а также большие размеры страны. Не последнюю роль сыграл и сильный институт лоббизма, так как богатые регионы хотели сохранить свое экономическое превосходство и не допустить расточительства в пользу соседей.

По форме правления Бразилия — президентская республика. Главой государства и исполнительной власти и главнокомандующим является президент республики. Развитие государства, как и законодательства, регулировавшего избирательный процесс, двигалось по циклической траектории с поочередными сменами недемократических политических режимов демократическими. На определенном этапе важно было вывести выборы из статуса инструмента легитимации договоренностей политических элит штатов Сан-Паулу и Минас-Жерайс, имевших название «союз кофе с молоком»¹.

К выборам в Бразилии приковано особое внимание ввиду того фактора, что голосование является обязательным для лиц от 18 до 70 лет, а также из-за высокой плотности населения, компактного проживания и активного участия НПО и НКО в жизни граждан — всё это делает электорат Бразилии весомым и бурлящим. Для укрепления доверия и развития демократии был принят Избирательный кодекс, а затем появился орган электоральной юстиции для защиты избирательных прав граждан. Следующим шагом стал переход к системе электронного голосования, которое призвано подчеркнуть прозрачность и точность процесса подсчета голосов и тем самым неоспоримость итогов выборов.

¹ Do Prado Fonseca Lopes. A eleitoral no Brasil: do sistema eleitoral, da ao voto. Trabalho final — Curso de, Universidade do Legislativo Brasileiro (Unilegis) e Universidade Federal de Mato Grosso do Sul (UFMS), 2008. P. 23.

Доверие к первому лицу

«Единственный верный путь: “не очаровываться, дабы не разочаровываться”». Это имеет и прямое отношение к доверию, когда мы доверяем чрезвычайно, либо авансом в итоге мы пожинаем плоды исключительно собственной недалекости, но стараемся переложить ответственность на объект наших надежд, что неверно. Так можно ли управлять доверием, есть ли определенные закономерности, как это можно использовать, от чего это зависит — только ли от личности или от обстоятельств времени и места? Английский экономист Джон Мейнард Кейнс сказал: *«Вы не можете одновременно максимизировать свободу, справедливость и эффективность — вам придется выбирать»*. Исходя из этого, то, какая ценность на данный момент в приоритете у избирателя, и формирует будущую повестку правительства. Обращает на себя внимание интересная цикличность, которую можно проследить на примере избранных президентов Бразилии.

Луис Инасиу Лула да Силва является 35-м (2003–2011) и 39-м (с 2023 г. по н. в.) Президентом Бразилии от Партии трудящихся, его политической противоположностью можно назвать Жаира Болсонару, 38-го (2019–2023) Президента Бразилии, который за свою политическую карьеру успел сменить восемь политических партий. Болсонару смог привлечь к себе внимание, выступив громче всех за импичмент Дилмы Русеф, являвшейся на тот момент 37-м (2011–2016) президентом Бразилии.

Русеф, как и все президенты Бразилии, которые избирались после окончания военной диктатуры, смогла избраться на второй срок. Но допустила типичную ошибку политика: пообещала в ходе предвыборной гонки больше, чем планировала реализовывать, в связи с чем лишилась поддержки значительной части своего электората, так как после вступления в должность президента в условиях сложной экономической ситуации ей пришлось пересмотреть часть предвыборных обещаний.

Курс национальной валюты ушел в пике: за период с 1 января по 31 декабря 2015 г. «бразильский реал потерял 32,9 % своей стоимости по отношению к доллару США (в начале года за доллар давали 2,66 реала, в конце — 3,97 реала). Падение экономики по итогам 2015 г. составило 3,8 % ВВП. При этом в стране был отмечен значительный рост инфляции»².

Можно проследить определенную взаимосвязь между экономикой и доверием. Чем устойчивее экономический рост государства, тем более общество готово авансировать доверие, и наоборот. На фоне инфляции и нереализации заявленных намерений популярность Русеф пошла на спад.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному в октябре 2015 г., 70 % бразильцев назвали работу возглавляемого ею правительства «плохой или очень плохой». Личная деятельность Русеф на посту главы государства была удостоена еще более уничижительной оценки: ее охарактеризовали как неудовлетворительную 80,7 % граждан страны.

В итоге в течение 2015–2016 гг. Бразилию накрыла череда акций протеста с требованием импичмента президента. Собралось внушительное количество митингующих. По данным военной полиции, на улицы вышло более 3 млн человек. Эти протесты были самыми массовыми за всю историю бразильской демократической системы, после падения в 1985 г. военной диктатуры.

Импичмент Русеф породил также падение доверия к Партии трудящихся, членом которой она являлась. Эффект электоральной усталости простимулировал потребность в новом лидере с иной идеологией и повесткой, всё это оказалось благоприятной средой для появления политика популистского толка.

Болсонару в ходе своей кампании делал акцент на решении двух главных проблем бразильского общества: коррупции и криминала. Вместо ожидаемой консолидации общества поляризация стала чертой периода правления Болсонару. Президент так и не смог выстроить эффективный диалог на уровне губернаторов и мэров. И если данная ситуация может быть приемлемой в стабильный период и работать как принцип сдержек и противовесов, то в период потрясений является наилучшим способом управления, ввиду того что забирает много времени и внимания на дебаты, а для действительно важного остается не так много. Несовпадение позиций по кризисной ситуации, связанной с COVID-19 и принятием своевременных карантинных мер, выглядело как перетягивание каната. Постулат *«свобода важнее жизни»*, с которым выступил Болсонару, в итоге сделал Бразилию лидером антирейтинга по заболеваемости среди стран Латинской Америки. Существовали и объектив-

² URL: <https://www.rbc.ru/finances/22/09/2015/56015be99a794743867942c3> (дата обращения: 20.11.2023).

ные причины: концентрированность населения в крупных мегаполисах, недоступность медицины для жителей фавел³, но несвоевременность решений и внутренний разлад лишь усугубили ситуацию и раскололи общество пополам.

«По данным Бразильского института изучения общественного мнения и статистики, в декабре 2019 г. более половины опрошенных (53 %) не одобряли деятельность Болсонару на посту президента. Уровень доверия к нему упал с 55 до 49 %. В декабре 2019 г. лишь 29 % респондентов положительно оценили работу правительства Болсонару (в январе — 49 %), 31 % — удовлетворительно и 38 % — негативно. Наибольшее одобрение получила деятельность правительства в сфере общественной безопасности (50 %), самую негативную оценку — меры в сфере здравоохранения, регулирования процентных ставок и налогообложения»⁴.

Оптимистические ожидания того, что президент страны сможет добиться экономического подъема, к концу 2019 г. сошли на нет. «Темпы роста ВВП Бразилии в 2019 г. снизились до 1,1 % по сравнению с 1,3 % в 2017–2018 гг. Промышленное производство сократилось на 1,1 % на фоне максимального за десятилетие спада в горнодобывающей отрасли, составившего 9,7 %. Безработица достигла 11 % экономически активного населения, причем среди молодежи от 18 до 24 лет почти каждый третий не имел постоянного дохода. Инфляция выросла до 4,3 %»⁵.

Болсонару оказался единственным президентом, который не смог избраться на второй срок, маятник предпочтений стал неумолимо склоняться к Луле да Силва. Для бразильцев имеет большое значение личностный компонент, деловая репутация, безусловно, очень важна, это совокупность поступков и принятых решений в прошлом и настоящем, по которым мы прогнозируем будущее с этим человеком, понимаем, можем ли мы ему доверять. Например, в Бразилии с 2010 г. действует закон о «безупречной репутации», в котором гово-

рится: «...кандидат, который был ранее отстранен от должности, либо осужден коллективным органом, либо подал в отставку с целью уйти от отстранения, не имеет права выдвигаться на выборах в течение восьми лет»⁶.

На первый план этой предвыборной гонки обещаний вышла содержательная составляющая, назрела необходимость выработать альтернативные пути дальнейшего экономического и социального развития. «Я буду счастлив, если каждый бразилец будет питаться трижды в день», — этот лозунг привел Лулу к победе дважды: в 2002 г. и на последних выборах, что может свидетельствовать о том, что эта проблематика и спустя 20 лет остается для бразильского общества актуальной. Так же как коррупция и криминал, бедность и голод остаются традиционными темами на повестке, факторами, которые затормаживают дальнейшее развитие государства.

Феноменом политической культуры Бразилии является коррупция, которая имеет глубокие исторические корни. Единственный способ борьбы с этим негативным проявлением — развитие гражданского общества, слаженная работа демократических институтов. Именно эволюционным последовательным путем, а не с помощью заимствования чужих моделей.

Доверие рождается там, где есть прозрачность, соблюдение норм, правил и сроков, когда мы получаем в итоге то, что прогнозировалось ранее, — это отсутствие двойных стандартов. Так, для поддержания доверия среди гражданского общества к деятельности государственных органов работает «правительственный портал, направленный на поддержание прозрачности правительственных расходов Федерального правительства Бразилии. На этом портале публикуется список всех расходов и денежных переводов, сделанных Федеральным правительством»⁷.

Доступ общественности к информации о деятельности государственных структур и

³ Фавелы — трущобы в городах Бразилии с высоким уровнем преступности.

⁴ 38% consideram administração de Bolsonaro ruim ou pessima // URL: <https://www.ibopeinteligencia.com/noticias-e-pesquisas/38-consideram-administracao-de-bolsonaro-ruim-ou-pessima/> (дата обращения: 20.11.2023).

⁵ Brazil: Macroeconomic Monitor and Reform Agenda // Ministerio da Economia. 02.11.2020. URL: https://www.gov.br/economia/pt-br/centrais-de-conteudo/publicacoes/publicacoes-em-outros-idiommas/brazil-macroeconomic-monitor-and-reform-agenda/brazil-monitor_-feb-11-2020_-17h20m11s.pdf/view (дата обращения: 20.11.2023).

⁶ Кобец П. Н., Клименко А. И., Бражников Д. А. Борьба с коррупцией в Бразилии: опыт и проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 97–102.

⁷ Portal da Transparencia. URL: <http://www.portaltransparencia.gov.br> (дата обращения: 20.11.2023).

гражданский контроль осуществимы лишь в ситуации, когда гражданское общество является зрелым и использует данные возможности грамотно. В Бразилии довольно-таки трепетное отношение к демократии в связи с колониальным и впоследствии авторитарным прошлым. Президент Бразилии (1995–2003) Фернанду Энрики Кардозу назвал приверженность демократии частью бразильской цивилизации.

Предвыборная речь Лулы явила собой настоящую программу, самое интересное в ней то, что был сделан акцент на международной составляющей, а именно на создании условий для восстановления *доверия* к Бразилии как к деловому партнеру, как к культурному и туристическому центру притяжения. Подрыв доверия внутри страны заставляет граждан отделяться и отворачивает их от общественной жизни в сторону личных интересов, разобщенность не способствует продвижению государства на внешней арене, делает его слабым и уязвимым.

Мосты доверия

В бразильском обществе прослеживается склонность к образованию коалиций между политическими и деловыми сферами, основной целью которых является извлечение выгоды. Представители данных коалиций формируют элиты бразильского общества, доверие к ним в восприятии граждан довольно низкое, что затормаживает многие области деятельности. Элиты не хотят работать с теми, кому они не могут доверять, с одной стороны, с другой — общество не доверяет данного рода коалиционно-родственным формированиям во власти. Хотя на уровне граждан также поддерживается самый высокий уровень доверия именно к родственным отношениям и личным контактам.

Население Бразилии отличается разнообразием расового и этнического состава (полиэтническое государство). Основной проблемой остается диспропорция в уровне жизни. К сожалению, даже выбранный путь модернизации смог породить лишь процветание меньшинства на фоне маргинализированного большинства. Безусловно, многолетняя невозможность решить один из основополагающих вопросов социального неравенства не приводит к росту

доверия населения по отношению к избранной власти. Политика односторонней ориентации на привилегированные слои населения и автоматическое исключение из процессов производства и потребления широких масс привела к усугублению социальных контрастов.

В связи с этим «в центре внимания находится взаимодействие государства и организаций гражданского общества, констатируются угрозы “филантропизации” социальной сферы, отмечается растущая роль бразильских НКО и НПО в преодолении таких серьезных проблем, как бедность и социальное неравенство»⁸.

В Бразилии гражданское общество берет свои истоки в католической благотворительности, до сих пор влияние церкви в Бразилии велико, по вероисповеданию большинство являются католиками, что делает Бразилию страной с самым многочисленным католическим населением в мире. Именно представители католической церкви первыми приняли решение начать работать и оказывать точечную социальную помощь жителями фавел, чтобы не допустить распространения коммунистической идеологии.

Таким образом, появилась необходимая прослойка между государством и обществом — те, кому могли бы *доверять* и на кого могли бы опираться. Именно церковь на том этапе стала связующим звеном между органами власти и фавелами.

В течение 1980-х гг., в период демократического транзита, в гражданском обществе Бразилии окончательно формируются либерально-социальные ассоциации и фонды, которые берут на себя часть делегированного им функционала, становясь теми самыми активными участниками и партнерами государства по социальной проблематике.

Развитие современного государства определяется уровнем культуры граждан, очевидной становится взаимосвязь: культура — экономика — доверие. Скачок в экономическом развитии наступает после накопления доверия внутри общества, снижается сила трения, отходят на второй план дополнительные гарантии по взятым обязательствам, что ускоряет процессы экономической деятельности. Одним из первых описал взаимосвязь доверия и экономики американский экономист Мансур Олсон. Доверие порождает экономический рост, а что

⁸ Кузнецова В. А. Деятельность организаций гражданского общества Бразилии в социальной сфере // Общество XXI века. 2023. № 9. С. 83–97.

тогда порождает *доверие*? Много факторов способствует зарождению и укреплению доверия, в их числе культура и образование.

Действительно, в последнее время особое внимание уделяется образованию, это общий тренд во многих странах, в том числе в государствах содружества BRICS. Экономика Бразилии с трудом старается войти в прежнюю колею после мирового финансового кризиса 2014 г. и кризиса 2020–2021 гг., вызванного пандемией COVID-19. Опорными точками в этом движении становится образовательное, научно-техническое и гуманитарное сотрудничество через международные кооперации с развитыми странами. По состоянию на 2020 г. 89 159 бразильских студентов обучались в зарубежных высших учебных заведениях Германии, Франции, Испании и др.⁹ Не менее 10 лет может потребоваться для продвижения социального капитала, нужно помнить и о том, что он подвижен.

Влияние СМИ на формирование доверительных отношений между странами

«Четвертая власть» — этот термин впервые употребил Томас Карлейль, британский писатель, публицист. Сейчас мы используем этот термин в отношении СМИ, подчеркивая то, какой властью над созданием общественного мнения они обладают. Ввиду того что сейчас на первый план выходит международная повестка, влияние СМИ становится еще глобальнее. Теперь это не просто формирование общественного мнения по внутренним вопросам политики, экономики, безопасности и т.д., с помощью «четвертой власти» можно «программировать» общество другого государства против своего зарубежного соседа.

Особенно просто это сделать в том случае, если никакой иной информации нет, поэтому сейчас на первый план выходит политика открытости и продвижения *soft power* или *smart power*. Не принуждай, а вовлекай, не навязывай, а информируй — эти выражения могли бы стать девизом *soft and smart power*. Именно язык и культура страны — это и есть *soft power*, играющая знаковую роль в вопросах международных отношений, оказывая внушительное косвенное влияние на мировую политику и бизнес-сферу.

По этому пути первыми пошли страны англосаксонской группы, сейчас успешно к этой гонке присоединился Китай. Они работают по принципу: не жди, когда кто-то начнет говорить о тебе, начни сам: презентуй, рекламируй, приглашай, показывай, обучай, вовлекай! И это дает свои позитивные результаты.

Когда мы говорим о стратегическом партнерстве, мы подразумеваем «игру в долгую», а значит, хорошей деловой коммуникации между лидерами двух стран может оказаться недостаточно, необходимо сформировать образ государства в глазах граждан и делового сообщества обеих стран, ведь без взаимного интереса и *доверия* невозможно выстраивать деловой диалог и развиваться совместно.

Для анализа важно обратить внимание на информационную подачу и выбор тематик о России бразильскими СМИ. Очевидно, что больший процент информации во всех странах охватывают внутренние новости, раздел международных новостей у каждого государства формируется по принципу: о партнерах (с кем взаимодействуем), либо о конкурентах (на кого равняемся), либо о тех, с кем есть непреодолимые разногласия (вопросы безопасности, спорные территории).

В новостной ленте бразильских изданий не так часто фигурируют новости о России. Импульс к изменению этой ситуации был дан В. В. Путиным на «Валдае». После его выступления ведущие бразильские СМИ процитировали речь президента России.

Издание *Brasil de Fato* поместило в заголовок статьи выдержку из речи Путина: «Вес Бразилии при принятии решений в международной повестке должен возрасти».

Новостной интернет-портал *Opera Mundi* также привел фразу из выступления российского президента: «Бразилия в Латинской Америке — население огромное, рост влияния колоссальный».

Издание *Vermelho* начало статью о речи Путина предложением: «Бразилия обрела союзника, который разделяет наше убеждение в необходимости увеличения числа постоянных мест в Совете Безопасности ООН. Реформирование Совета Безопасности ООН является одной из наиболее важных задач, стоящих перед Президентом Бразилии Луисом Инасиу Лулой да Силвой, и в этом контексте внешне-

⁹ Global Flow of Tertiary-Level Students: Brazil // UNESCO Institute for Statistics. 2020. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 20.11.2023).

политические устремления Москвы и Бразилии созвучны»¹⁰.

В свою очередь, Президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва подверг критике практику односторонних санкций в отношении России, а также заявил о недееспособности ООН в процессе урегулирования международных конфликтов. Высказывания прозвучали в ходе выступления президента южноамериканской страны на Генеральной ассамблее ООН в Нью-Йорке.

Несмотря на то что отношения между нашими странами имеют продолжительную историю (например, дипломатические взаимоотношения России и Бразилии можно разделить на несколько этапов: с 1828 до 1917 г., с 1945 до 1947 г., с 1961 г. по настоящее время), мы пока не вышли на необходимый уровень доверительного взаимодействия.

Проанализировав материалы бразильских СМИ о России, можно заключить, что наше партнерство на данном этапе является не стратегическим, а ситуационным, т.е. только в случае совпадения позиций происходят толчкообразные движения навстречу друг другу, с последующим откатом назад. Подтверждением этому является экономическая сторона вопроса: так, основными торговыми партнерами Бразилии являются: «Китай — 25 %, США — 15 %, Аргентина — 5 %, Германия — 4 %, Нидерланды — 3 %, Япония — 2 %, Россия — 1 %, прочие страны — 45 %»¹¹. Примерно так же дело обстоит и с научно-техническим и образовательным обменом между нашими странами. Можно предположить, что всему виной логистика и территориальная удаленность, если бы не тот фактор, что Китай в торговых отношениях с Бразилией опередил США.

На первый план сейчас выходит на международном уровне не только правительственный диалог, а вовлеченность бизнес-сообщества, представителей культуры в кросскультурный обмен и совместные проекты. Без соинтересованности и созависимости ни о каком стратегическом партнерстве не может идти речь.

Прогресс как драйвер доверия

Сегодня государства, претендующие на мировое признание в качестве лидеров, допущенных к формированию международной повестки, не могут себе позволить оперировать очевидными фактами вроде размера территории или численности населения, на первый план выходит способность воспринимать и генерировать научно-технический прогресс. Ставшая крылатой фраза «Кто владеет информацией, владеет миром», произнесенная Натаном Ротшильдом во времена Наполеона, актуальна и по сей день, но если говорить об обозримом будущем, то лучше перефразировать: «Кто владеет технологией — владеет миром!»

С одной стороны, на технологии сейчас возлагаются большие надежды в вопросах помощи в обеспечении демократии, социального и экономического благополучия населения и безопасности, с другой стороны, есть ряд совершенно справедливых опасений. Общество и представители научного сообщества поделились на два фронта, но, пока между ними не утихает полемика, наука не должна стоять на месте!

«Растущее признание Интернета как главной инфраструктуры, обеспечивающей экономическую и социальную сторону жизни, в последние годы привлекло особое внимание к вопросам, связанным с его управлением»¹². Своевременное внимание к интернет-пространству обусловлено ежедневно растущим количеством активных пользователей: по состоянию на 2022 г. доступ в Интернет имели 70 % граждан Бразилии.

Цифровые платформы с их агрегаторами и рейтингами становятся новыми институтами, которым доверяют. Это новая форма доверия — доверие к неизвестному. Безусловно, период самоизоляции подтолкнул в цифровое пространство практически каждого, не делая существенных различий по возрасту и профессии. Но секрет доверия к цифровым платформам кроется не столько в распространенности, сколько в вовлеченности в процесс. Убежденность, что агрегатор сработал верно, базиру-

¹⁰ URL: <https://rg.ru/2023/10/06/smi-brazilii-otmetili-slova-putina-na-valdae-o-rastushchej-rol-i-strany-v-mire.html> (дата обращения: 20.11.2023).

¹¹ Brazil trade balance, exports and imports 2019 // World Integrated Trade Solution. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/BRA/Year/LTST/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country> (дата обращения: 20.11.2023).

¹² Косевич Е. Ю. Защита киберпространства в странах Латинской Америки // Polis. Political Studies. 2022. № 3. С. 108–123.

ется на том, что пользователь сам вносит свой активный вклад в его работу, являясь участником составления различных рейтингов. Правительства всего мира, наблюдая этот тренд, понимают, как важно сейчас не противостоять ему, а активно в него интегрироваться, создавать сервисы (сервисные ведомства) и делать всё возможное, дабы не утратить сферу влияния. Происходит вытеснение старых форм новыми.

В 2023 г. в Бразилии проведен интересный эксперимент: по запросу члена городского совета Рамиру Росариу был разработан первый в мире законопроект, полностью написанный с помощью искусственного интеллекта ChatGPT. Данный закон «позволяет муниципалитету не взимать с налогоплательщиков плату за замену счетчиков воды в случае их кражи. Документ одобрен советом и подписан мэром»¹³. Интересным фактом является то, что мэр, члены горсовета и граждане узнали, что законопроект разработан искусственным интеллектом, только после его принятия.

Росарио в интервью portalу G1 заявил: «стратегия заключалась в том, чтобы не говорить никому, что это сделал искусственный интеллект». По его словам, все стали свидетелями эксперимента, и в ближайшее время благодаря искусственному интеллекту общество ждет «революция в различных областях». При этом, отметил Росариу, «политики не могут оставаться в стороне от этих изменений»¹⁴.

Еще одним шагом к технологическому будущему стало то, что Бразилия первой перешла на полностью электронное голосование. Важно отметить, как был прокомментирован этот переход и почему он произошел. Ввиду большой территории и плотности населения и по причине полномасштабной явки подсчет голосов и подведение итогов надолго затягивались, что в процессуальном плане не вызывало у электората доверия к прозрачности и точности избирательной системы.

Но несмотря на все плюсы, есть и определенное недоверие к электронному голосованию, объективными причинами которого могут выступать фактор ошибки подсчета электрон-

ными машинами результатов выборов и возможность хакерских атак. Субъективный фактор можно рассмотреть на примере выборов президента Бразилии в 2018 г., «когда путем несложных манипуляций был вызван диссонанс воли избирателя и его волеизъявления на выборах»¹⁵. Использовался ложный ассоциативный ряд: в социальных сетях распространялись изображения кандидатов с не их номером, который сохранялся в памяти у избирателя. В процессе голосования оказывалось, что под этим номером его оппонент, и голос отдан ошибочно.

Заключение

Бразилия — государство с большим экономическим потенциалом ввиду большой территории (самая большая страна Латинской Америки), плотности населения, ресурсов и т.д. Но есть и ряд проблем, которые в силу исторических, политических, культурных особенностей очень тяжело искоренимы. Речь идет о коррупции, криминале, безработице и, как следствие, голоде. В предвыборной речи президента Бразилии сделан акцент на международную составляющую, а именно на создание условий для восстановления доверия к Бразилии как к деловому партнеру, как к культурному и туристическому центру притяжения. Тем самым происходит новое осмысление ценностей, продвижение культуры и языка страны позиционирует государство в международном пространстве, привлекаются не только туристы, но и потенциальные инвесторы. Осознание роли образования и работа над возвращением социального и человеческого капитала ведут к росту доверия внутри страны, накопленный потенциал доверия приводит к скачку экономического роста и развития. Подводя итоги, можно отметить, что доверие пронизывает все сферы государства и общества, является пусковым механизмом в ускоренном развитии экономики, поскольку способствует снятию напряжения и устранению трений между участниками экономических отношений. Одни из первых реализовали ресурс

¹³ URL: <https://rg.ru/v-brazilii-priniali-pervyj-v-mire-zakon-razrabotannyj-nejrosetiu.html> (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁴ URL: <https://rg.ru/v-brazilii-priniali-pervyj-v-mire-zakon-razrabotannyj-nejrosetiu.html> (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁵ Старостина И. А., Старостенко М. В. Выборы федерального Президента Бразилии 2018 года: новые технологии в действии // Избирательное законодательство и практика. 2018. № 4. С. 23–27.

доверия создатели цифровых платформ с агрегаторами и рейтингами. Используя инструмент вовлечения пользователя, они добились высоких результатов доверия, зачастую иллюзия участия дает ощущение справедливости, а значит, защищенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кобец П. Н., Клименко А. И., Бражников Д. А. Борьба с коррупцией в Бразилии: опыт и проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 97–102.
- Косевич Е. Ю. Защита киберпространства в странах Латинской Америки // Polis. Political Studies. 2022. № 3. С. 108–123.
- Кузнецова В. А. Деятельность организаций гражданского общества Бразилии в социальной сфере // Общество XXI века. 2023. № 9. С. 83–97.
- Старостина И. А., Старостенко М. В. Выборы федерального президента Бразилии 2018 года: новые технологии в действии // Избирательное законодательство и практика. 2018. № 4. С. 23–27.
- Do Prado Fonseca Lopes. A eleitoral no Brasil: do sistema eleitoral, da ao voto. Trabalho final — Curso de, Universidade do Legislativo Brasileiro (Unilegis) e Universidade Federal de Mato Grosso do Sul (UFMS), 2008.

REFERENCES

- Kobets PN, Klimenko AI, Brazhnikov DA. The fight against corruption in Brazil: Experience and challenges. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2020;5:97-102. (In Russ.).
- Kosevich EYu. Protection of cyberspace in Latin America. *Polis. Political Studies*. 2022;3:108-123. (In Russ.).
- Kuznetsova VA. The activities of Brazilian civil society organizations in the social sphere. *Obshchestvo XXI veka*. 2023;9:83-97. (In Russ.).
- Starostina IA, Starostenko MV. Brazilian Federal Presidential Election 2018: New technologies in action. *Izбирательное zakonodatelstvo i praktika*. 2018;4:23-27. (In Russ.).
- Do Prado Fonseca Lopes. A eleitoral no Brasil: do sistema eleitoral, da ao voto. Trabalho final — Curso de, Universidade do Legislativo Brasileiro (Unilegis) e Universidade Federal de Mato Grosso do Sul (UFMS); 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Володина Светлана Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
volodina_sv@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Volodina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
volodina_sv@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 10 октября 2023 г.
Статья получена после рецензирования 28 декабря 2023 г.
Принята к печати 12 февраля 2024 г.

Received 10.10.2023.
Revised 28.12.2023.
Accepted 12.02.2024.

Е. В. Холодная

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

г. Москва, Российская Федерация

О правовой концепции метавселенных

Резюме. В статье предлагается развернутая модель правовой концепции метавселенных. Научным стимулом для настоящего дискурса послужила зарубежная практика развития метавселенных, ставших национальными приоритетами для ряда государств. Согласно авторской позиции, метавселенная — это направление (область) развития цифровых технологий по формированию цифрового пространства для различного вида социальной и публичной деятельности с имитацией личного присутствия пользователя. Компоненты метавселенной взаимодействуют друг с другом, состоят в динамическом балансе, создавая цифровую индустрию. Индустрия метавселенной находится на стадии непрерывной эволюции и развития. Она состоит из пяти основных систем, включая технологическую систему, систему стандартов, систему цифровых продуктов, систему обслуживания и гарантии. Основываясь на этом выводе, автор систематизирует подходы к развитию правового регулирования отношений в метавселенных с целью закрепления технологического лидерства страны в данном перспективном направлении. По мере эволюции метавселенная может стать перспективным пространством для оборота цифровых данных и реализации иных амбициозных проектов цифровой экономики. Однако появление новых угроз и рисков в искусственных виртуальных мирах требует выработки и принятия концепции правового понимания метавселенных, а также опережающей проработки российского законодательства, гарантирующего права и свободы человека в метавселенных.

Ключевые слова: информационные технологии; цифровые технологии; метавселенная; цифровые миры; право метавселенных; виртуальная реальность; цифровые данные; технологический суверенитет

Для цитирования: Холодная Е. В. О правовой концепции метавселенных. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 116–128. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.116-128

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

On the Legal Concept of Metaverses

Elena V. Kholodnaya

Kutaфин Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper offers a detailed model of the legal concept of metaverses. The scientific impetus for this discourse was the foreign practice of developing metaverses, which have become national priorities for a number of states. According to the author's position, the metaverse is a direction (area) of digital technology development for the formation of a digital space for various types of social and public activities with imitation of the personal presence of the user. The components of the metaverse interact with each other, are in dynamic balance, creating a digital industry. The industry of the metaverse is at a stage of continuous evolution and development. It consists of five main systems, including a technological system, a system of standards, a system of digital products, a service and warranty system. Based on this conclusion, the author systematizes approaches to the development of legal regulation of relations in the metaverses in order to consolidate the country's technological leadership

in this promising direction. As the metaverse evolves, it may become a promising space for the circulation of digital data and the implementation of other ambitious projects of the digital economy. However, the emergence of new threats and risks in artificial virtual worlds requires the development and adoption of a concept of legal understanding of metaverses, as well as the advanced study of Russian legislation guaranteeing human rights and freedoms in metaverses.

Keywords: information technologies; digital technologies; metaverse; digital worlds; metaverse law; virtual reality; digital data; technological sovereignty

Cite as: Kholodnaya EV. On the Legal Concept of Metaverses. *Lex russica*. 2024;77(3):116-128. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.116-128

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Цифровизация всех сфер социальной жизни привела к формированию искусственных цифровых миров и созданию виртуальных форм осуществления социальной деятельности с имитацией личного присутствия. Следующим поколением цифрового мира и глобальной сети становятся разрабатываемые технологии метавселенных. Метавселенная представляет собой новый шаг в построении цифровой эпохи, прошедшей экспериментальный путь от игрового атрибута до идеи трансграничной интеграции технологических платформ виртуальной реальности, объединяющих искусственные многопользовательские миры. Метавселенная — это цифровой мир, построенный на синергии сквозных технологий. Метавселенная обозначает также пространство, в котором виртуальные объекты объединяются с физическими вещами и событиями в рамках единой технологической платформы.

Объекты, направления, проблемы, подходы и методы правового регулирования отношений в сфере метавселенных. В юридической науке цифровые миры уже начали воспринимать как сложносоставные объекты права. Так, К. С. Евсиков определяет метавселенную через призму информационной системы, выделяя ее технологические составляющие¹; Э. И. Лескина расставляет акценты в пользу социальной значимости виртуального пространства²; Н. Н. Ковалева, сочетая гуманитарный и техно-

логический подходы к определению метавселенной, делает упор на экономическую значимость нового цифрового мира для государства и бизнеса³. Популярна точка зрения, что метавселенная — это иммерсивное взаимосвязанное пространство для интеграции цифрового и физического миров.

На наш взгляд, метавселенная — это направление (область) развития цифровых технологий по формированию цифрового пространства для различного вида социальной и публичной деятельности с имитацией личного присутствия пользователя.

Компоненты метавселенной взаимодействуют друг с другом, состоят в динамическом балансе, создавая цифровую индустрию. Индустрия метавселенной находится на стадии непрерывной эволюции и развития. Она состоит из пяти основных систем, включая технологическую систему, систему стандартов, систему цифровых продуктов, систему обслуживания и гарантии. Выделяют важнейшие признаки метавселенной: бесконечность и непрерывность (метавселенная не приостанавливает работу в реальном времени и не заканчивается); независимость от внешних факторов с возможностью создавать и планировать события и действия в цифровом пространстве; неограниченный круг аудитории и количества одновременных пользователей (равенство аватаров в осуществлении различных видов деятельности, при этом аватар человека в метавселенной может быть кем угодно и владеть чем угодно, а ци-

¹ Евсиков К. С. Метавселенные как новый объект регулирования для информационного права // Труды по интеллектуальной собственности = Works on Intellectual Property. 2023. Т. 44. № 1. С. 47–57.

² Лескина Э. И. Метавселенная и задачи в области правового регулирования данных // Юрист. 2023. № 3. С. 2–7.

³ Ковалева Н. Н. Правовые аспекты цифрового совершенствования метавселенных // Право.by. 2022. № 5 (79). С. 81–84. EDN: EVJOCI.

фровая смерть не означает смерть в реальном мире⁴); единство цифрового пространства в форме цифрового искусственного мира (метавселенная объединяет физический и цифровой миры, открытые и закрытые технологические платформы, частные и общедоступные сети); функционирующая цифровая экономика (деятельность в метавселенной должна приносить доход и иное вознаграждение с возможностью дальнейшего инвестирования); совместимость цифровых платформ, данных и других активов, передаваемых в цифровых мирах, и др.

В настоящий момент усилия IT-монополий направлены на создание информационно-телекоммуникационных сетей и иных технологических платформ, обладающих указанными признаками. Наиболее активно продвигается идея создания «метавселенной рабочего места» с возможностями для совместной телепортации аватаров, но при этом ощущение связи с камерой и удаленного доступа стирается. Тем не менее сегодня отсутствуют условия и общие приложения для создания единой метавселенной. Современные цифровые миры независимы и не связаны между собой. Взаимодействие цифровых миров происходит лишь по мере необходимости. Однако метавселенная не обязательно должна носить глобальный трансграничный характер, не исключается создание цифрового продукта для внутригосударственного использования.

Метавселенная — это сложное категориальное понятие, которое может быть рассмотрено с позиции права как многослойное виртуальное пространство, социальная общность, информационно-телекоммуникационная сеть, многопользовательская компьютерная игра, Интернет вещей и др. Объектом правового регулирования метавселенных могут выступать отношения как в сфере индустрии метавселенных, так и в области (сфере) ее применения.

Анализ мирового опыта выявил наличие двух основных моделей регулирования развития индустрии метавселенных: планирование и (или) принятие законов. Для стран Юго-Восточной Азии характерно принятие долгосрочных и краткосрочных планов развития технологий метавселенных. Лидерами по практическому внедрению технологий метавселенных на сегодняшний день выступают Китай и Южная Корея.

В Китае большая часть индустрии метавселенной рассматривается как точка роста и этап эволюции цифровой экономики. Основные направления применения метавселенных: социальные направления, сектор публичных услуг, торговля и электронная коммерция. Китай в 2023 г. обнародовал трехлетний план действий по содействию инновационному развитию индустрии метавселенных для внутригосударственных нужд. План ориентирован на развитие к 2025 г. пяти промышленных кластеров метавселенных, поддерживаемых государством, бизнесом и наукой⁵.

Согласно планам развития индустрии метавселенных в Южной Корее технология метавселенной является национальным приоритетом, государственное инвестирование нацелено на рост цифровой городской инфраструктуры с упором на развитие взаимодействия граждан с публичной властью, создание экономических, социальных и культурных ценностей. Южная Корея обозначила индустрию метавселенной как инструмент для преодоления разрыва в образовании, повышения социальной мобильности граждан, получения публичных услуг, развития виртуального городского туризма. Полная реализация внедрения проекта индустрии метавселенной Южной Кореи ориентирована на 2026 г.⁶

Объединенные Арабские Эмираты также анонсировали стратегию развития метавселенной в целях модернизации цифровой и

⁴ Минбалеев А. В. Цифровые двойники и цифровые аватары как новое явление в праве // Юридический мир. 2022. № 2. С. 27–32.

⁵ Например: Трехлетний план действий по инновациям и развитию промышленного юаня Universe (2022–2025) // URL: https://swt.fujian.gov.cn/xxgk/flfg/qtx/202211/t20221110_6043878.htm (дата обращения: 04.11.2023) ; План действий по инновациям и развитию метавселенной подцентра города Пекина (2022–2024) // URL: https://www.ncsti.gov.cn/zcfg/zcwj/202208/t20220824_94894.html (дата обращения: 04.11.2023).

⁶ Seoul opens city's Metaverse Seoul project to the public // URL: <https://www.forbesindia.com/article/cryptocurrency/seoul-opens-citys-metaverse-seoul-project-to-the-public/82637/1> (дата обращения: 04.11.2023) ; South Korea launches online metaverse replica of capital city Seoul to improve public services // URL: <https://forkast.news/south-korea-metaverse-capital-city-seoul/> (дата обращения: 05.11.2023).

реальной экономики на основе технологий дополненной реальности, технологий цифровых двойников и технологии блокчейн. Однако бизнес ОАЭ уже выводит свою деятельность в виртуальный мир: началось строительство виртуальных городов, разворачивается виртуальный медицинский сервис и др.⁷

Страны Европы и Северной Америки полагаются на расширение существующих правовых норм и саморегулирование метавселенных. В странах ЕС наращивание стратегического цифрового потенциала носит программный характер, предусматривающий фундамент для развития 12 информационных пространств в областях, представляющих общественный интерес⁸. Кроме того, принят пакет законов и директив ЕС, основанных на пересмотре политики оборота цифровых данных и доступа к ним, цифровых услугах и цифровом рынке⁹. В Евросоюзе преследуются общие цели: безопасное цифровое пространство и продвижение инноваций, рост и конкурентоспособность. Подобной модели придерживается и Великобритания, сочетая программное и законодательное регулирование деятельности в Интернете. В США также существует ряд законодательных инициатив для соблюдения конфиденциальности данных и принятия антимонопольных мер для контроля за технологическими компаниями-гигантами. Особое внимание уделяется таким направлениям, как 1) регулирование криптовалют, 2) применение технологии блокчейн и 3) цифровая валюта центрального банка (CBDC).

Цели и задачи правового регулирования отношений в индустрии метавселенных. В Российской Федерации отсутствует специальное законодательное регулирование, учитывающее специфику использования цифровых технологий и уровень развития цифровых миров.

На правовом уровне в отношении метавселенных необходимо проанализировать такие проблемные вопросы, как определение правовых категорий в регулировании метавселенных (проблема формирования юридической тер-

минологии); определение правовой природы и положения метавселенной (содержание, принципы, правовой режим в системе объектов права); определение предмета и границ правового регулирования индустрии метавселенных (проблема правовой неопределенности в условиях отсутствия опыта использования технологий метавселенных); задачи этического регулирования как принципа метавселенной; обеспечение информационной безопасности при использовании сервисов метавселенных; обеспечение и защита интеллектуальных прав и прав собственности на объекты, созданные с использованием метавселенных; стандартизация технологий метавселенных; использование метавселенных в государственном управлении и иной социальной деятельности; влияние метавселенных на развитие отраслевого законодательства (трудового, гражданского и др.); ответственность за причинение вреда при использовании сервисов метавселенных (проблема многосубъектности сервисов метавселенных).

Формирующиеся общественные отношения в индустрии метавселенных осложнены рядом факторов:

— наличием конкурентного мирового рынка технологий метавселенных с отнесением ряда информационных технологий к санкционным изъятиям из оборота на территории Российской Федерации;

— формированием конкурентного национального рынка технологий метавселенных с наличием национальных ограничений гражданского оборота отдельных видов товаров.

Указанные факторы формируют особенности правового регулирования метавселенных по объектам, субъектному составу, информационной инфраструктуре как условиям реализации отношений в сфере метавселенных, способам защиты и выступают основными ориентирами при создании комплексной системы правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и внедрением технологий метавселенных. Учитывая специ-

⁷ Dubai's Metaverse Plan Targets 40,000 Virtual Jobs in Five Years // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-07-19/dubai-s-metaverse-plan-targets-40-000-virtual-jobs-in-five-years?srnd=premium-europe> (дата обращения: 05.11.2023).

⁸ Digital Europe Programme: Commission opens calls to invest in data spaces for tourism and cultural heritage // URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/digital-europe-programme-commission-opens-calls-invest-data-spaces-tourism-and-cultural-heritage> (дата обращения: 30.10.2023).

⁹ The Digital Services Act package // URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act-package> (дата обращения: 30.10.2023); The strengthened Code of Practice on Disinformation // URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/code-practice-disinformation> (дата обращения: 30.10.2023).

фику метавселенных и обеспечивающих их информационных технологий, их регулирование не должно ограничиваться нормативными правовыми актами, а должно сопровождаться официальными актами рекомендательного характера и актами неофициального нормативного характера, принятыми в рамках саморегулирования. Не должно допускаться применение технологий метавселенных, представляющих явную угрозу обороне страны и безопасности государства, правам и свободам личности и противоречащих интересам общества. Данный подход требует сочетания административного метода (государственное управление) с диспозитивным (саморегулирование) в отношении метавселенных.

Формирование правового регулирования метавселенных должно опираться на комбинацию традиционного технического регулирования и саморегулирования для создания эффективной правовой среды развития искусственного цифрового мира. Необходимо также активное вовлечение представителей компаний — разработчиков технологий метавселенных, научно-исследовательских организаций в процесс экспертной проработки соответствующих нормативных правовых актов.

На наш взгляд, на первом этапе для определения основных подходов к формированию системы нормативного регулирования индустрии метавселенных необходимо принять правовую концепцию метавселенных в целях обеспечения глобальной технологической конкурентоспособности и лидерства государства, создания условий для развития новой интегрированной модели цифровой экономики и реальной экономики, экономики данных на платформах метавселенных. Одновременно целями концепции должны являться создание правовых средств устранения угрозы информационной безопасности, в том числе в отношении персональных и иных данных, оборот которых обеспечивает индустрия метавселенных. Приоритетная цель регулирования отношений в сфере метавселенных — стимулирование разработки, внедрения и использования информационных технологий, которое будет способствовать достижению высокого уровня информационной безопасности государства, граждан и организаций, обеспечению национальной безопасности и правопорядка, достижению устойчивой конкурентоспособности российской экономики, в том числе лидирующих позиций в сфере метавселенных.

С учетом заявленных целей можно выделить следующие задачи, на решение которых должно быть направлено регулирование отношений в сфере метавселенных: формирование механизма правового регулирования общественных отношений в индустрии метавселенных; преодоление правовых барьеров, затрудняющих разработку и использование технологий метавселенных в различных отраслях экономики и социальной сфере; формирование рынка технологий метавселенных, включающего национальную систему стандартизации и оценки соответствия технологий метавселенных; правовое равновесие интересов государства и бизнеса для их эффективного взаимодействия в области создания и использования технологий метавселенных; нормативная поддержка технологического суверенитета в условиях метавселенных; наращивание темпов проведения передовых научных исследований в сфере цифровых миров для обеспечения научного и экономического превосходства.

Принципы регулирования отношений в сфере метавселенных. Достижение целей и решение задач регулирования отношений, складывающихся в связи с разработкой и применением технологий метавселенных, должно осуществляться с учетом следующих принципов:

— приоритет прав и свобод человека. Данный подход гарантирует на основе российского и международного законодательства эффективную реализацию и защиту прав и свобод человека, а также повышение благосостояния и качества жизни граждан;

— право на защиту данных множеством способов. Предусматривает право каждого использовать любые методы защиты информации и данных, кроме способов, использование которых запрещено законодательством РФ;

— стимулирование саморегулирования. Правовое регулирование технологий метавселенных стимулирует применение инструментов саморегулирования, саморегулирования, формирование кодексов (сводов) этических правил разработки, внедрения и использования технологий метавселенных;

— научная обоснованность. Внедрение технологий метавселенных допускается только после обязательной научной экспертизы их воздействия на информационную безопасность и иные социальные сферы;

— обеспечение баланса интересов субъектов правоотношений. Правовое регулирование метавселенных должно обеспечивать соблюде-

ние интересов собственников технологий метавселенных, потребителей сервисов метавселенных и иных лиц, участвующих в индустрии метавселенных;

— разграничение ответственности субъектов правоотношений. Правовое регулирование метавселенных должно строиться на четком разграничении ответственности между всеми участниками правоотношений и предусматривать возможность привлечения к разным видам ответственности юридических и физических лиц за возможные негативные последствия использования технологий метавселенных;

— технологический суверенитет. Правовое регулирование метавселенных и обеспечивающих их технологий должно обеспечивать достижение необходимого уровня независимости страны в данной сфере;

— поддержка конкуренции. Правовое регулирование метавселенных должно быть направлено на обеспечение равных для всех, включая предприятия малого и среднего бизнеса, возможностей разработки технологий метавселенных и доступа к сервисам метавселенных;

— открытое сотрудничество. Предусматривает укрепление международного сотрудничества в целях развития индустрии технологий метавселенных между промышленностью, университетами и исследованиями в целях наращивания и консолидации технологий метавселенных.

Формирование оборота цифровых данных в индустрии метавселенных. В основном правовом фокусе актуально формирование цифрового оборота данных в индустрии метавселенных. Метавселенная становится перспективной площадкой для оборота данных в цифровом формате. В настоящий момент инвариантность терминов «информация», «сообщения», «данные» подвергается объективной дивергенции в силу воздействия цифровизации и признания новых качеств и признаков, ранее не проявлявшихся. В Конституции РФ значительное количество норм посвящено информации как объекту правового регулирования и заложены основы публично-правовых режимов информации. Однако в связи с переходом к цифровой экономике и подготовкой к реализации национального проекта «Экономика данных» определена и высокая экономическая цен-

ность цифровых данных и их оборота. В 2020 г. в Конституцию РФ были внесены поправки, в том числе в п. «м» ст. 71 добавлено положение, согласно которому в ведении Российской Федерации находится «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных». В связи с этим понятие «цифровые данные» и условия их включения в оборот нуждаются в уточнении на уровне федерального закона. Конституционными положениями задан новый вектор развития правового законодательства, в которое должны быть гармонично встроены новые объекты правового регулирования. Данные — это поддающееся многократной интерпретации представление информации в формализованном виде, пригодном для передачи, связи или обработки¹⁰.

Оцифровка данных представляет собой их унификацию, приведение к числовому значению, выражение данных в цифрах (перевод в цифровой универсальный формат, создание цифровых данных и т.п.) с помощью вида информационных технологий, именуемых, соответственно, цифровыми. Метавселенные имеют дело с машиночитаемыми (цифровыми) данными, которые в момент их интерпретации человеком преобразовываются в информацию. Иными словами, цифровые данные — это совокупность сведений, зафиксированных на носителе в форме, пригодной для автоматизированного хранения, передачи и обработки с помощью цифровых технологий.

Для метавселенной характерны масштабность и детализированность цифровых данных. С одной стороны, метавселенная требует управления потоками больших данных, с другой стороны, будет иметь место сбор детализированных данных, касающихся внешних особенностей пользователей, их окружающего пространства, эмоциональных реакций, нейронных импульсов и др., что приведет к появлению угроз и рисков в отношении нового типа данных. Компрометация личных (биометрических) данных как основная угроза носит характер невосполнимый, так как может привести к краже и созданию имитации цифровой личности и поддельного аватара. Поэтому в центре внимания должно быть создание организационных, технических и правовых норм по обеспечению безопасности цифровых данных

¹⁰ Холодная Е. В. О некоторых элементах технологий цифрового профилирования // Право и цифровая экономика. 2022. № 3 (17). С. 22–27.

в метавселенной. Задачи правового обеспечения безопасности при профилировании, анализе больших данных должны быть решены путем установления правового режима оборота данных. Правовой режим оборота данных будет зависеть от типа данных, и возможен ввод предварительного правового эксперимента, по результатам которого требуется оценить его эффективность. На международном уровне необходима выработка единого подхода к решению вопросов обеспечения эффективной и безопасной трансграничной передачи данных, конфиденциальности в связи с рисками и угрозами, связанными с переходом в период метавселенной.

Цифровые данные рассматриваются как ключевой актив цифровой экономики, и их значимость в данный момент подкреплена конституционными положениями, внедрившими на самом высоком правовом уровне новую для права категорию. Включение цифровых данных в Конституцию РФ означает необходимость их скорейшего встраивания в законодательство с учетом уже существующих категорий и определения места в системе законодательства.

Очевидно, что наступил период, требующий правовых уточнений в отношении терминов «информация» и «данные», уже введенных в правовое поле как различные категории, но имеющих значение синонимов с позиции Закона об информации¹¹. Для разрешения указанного противоречия требуется на законодательном уровне ввести определение данных и определение правовых режимов оборота разных типов данных. Центральным компонентом оборота цифровых данных в условиях метавселенных должны стать правовые нормы, т.е. сочетание законодательных и подзаконных актов с техническими нормами (стандарты, регламенты и др.), локальными актами, в том числе в рамках технологических платформ на базе правил (соглашений) применения цифровых технологий и систем.

Создание механизмов регулирования правовых режимов метавселенных. Концептуальный подход предполагает создание ориентиров механизма регулирования правовых режимов метавселенных. На первоначальном этапе правовым средством создания такого механизма являются экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций («регулятор-

ные песочницы»), а применительно к промышленности — также правовой режим полигона общего доступа. Такая модель актуальна в отношении тестирования, опытной эксплуатации и реализации решений в сфере индустрии метавселенных для государственного управления, что, с одной стороны, позволит своевременно и эффективно внедрять новые разработки без избыточных административных процедур, корректировки значительного объема законодательства, а с другой — обеспечит необходимый уровень безопасности и контролируемости со стороны государственных органов. Применение экспериментальных правовых режимов предполагается использовать для регулирования технологий метавселенных в сфере Интернета вещей, в государственном управлении, образовании, медицине, киберспорте, для применения отдельных инструментов стимулирования развития метавселенных в целом и отдельных элементов, входящих в состав индустрии метавселенных.

По результатам анализа правоприменительной практики функционирования метавселенных в «регуляторных песочницах» будет осуществляться принятие нормативных правовых актов, обеспечивающих регламентацию: информационно-телекоммуникационных систем Web 3.0; системы стандартов индустрии метавселенной; сертификации технологий метавселенных; расширения сценария применения технологий метавселенных в ключевые отрасли, такие как промышленное производство, цифровой культурный туризм, образование, медицинское обслуживание, энергетика, строительство, медиа, сельское и лесное хозяйство, транспорт, городское управление, общественные услуги, бизнес, безопасное производство, логистика, складирование и дистрибуция, а также создания цифровых произведений искусства.

Правовые статусы и юридическая ответственность субъектов правоотношений в индустрии метавселенных. Особое внимание при разработке специального правового регулирования должно быть уделено правовым статусам и юридической ответственности субъектов правоотношений в индустрии метавселенных. Не только реальные лица могут быть субъектами прав и обязанностей: государство, юридические лица и другие образования, не обладающие волей, сознанием и самостоятель-

¹¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

ным от человека существованием, выступают полноправными субъектами правоотношений. Развитие индустрии метавселенных привело к появлению новых нестандартных участников общественных отношений в цифровых мирах и формированию специфических цифровых правомочий¹².

Электронные лица, цифровые личности в форме цифровых аватаров, цифровых двойников и других форм электронной жизни преследуют общую цель создания цифрового воплощения реального лица (физического или юридического) или объекта, функционирующего в искусственной цифровой среде. При этом у цифровых форм жизни проявляются признаки социально-правовой ценности. В искусственных мирах, как отмечает А. В. Минбалеев, «формируются свои обычаи, система организационных норм, разрабатываемых на уровне платформенного права, стимулы и ограничения. Искусственные цифровые личности имеют свою специфику функционирования, что предполагает создание специальных нормативных требований к развертыванию инфраструктуры цифрового аватара и других форм цифровой жизни»¹³.

Во многих странах развивается практика правового регулирования отношений с участием электронных лиц, закрепление цифровых прав и обязанностей субъектов в искусственном цифровом мире. Однако цифровая личность может быть незаконно скопирована и использована в противоправных целях. Поэтому необходимо не только закрепление правового статуса лиц, действующих в цифровой форме, но и обеспечение деятельности субъектов метавселенных институтами юридической ответственности: должно быть предусмотрено совершенствование механизмов гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности в случае причинения вреда информационной безопасности субъектами, участвующими в правоотношениях в сфере метавселенных, а также создание правовых механизмов предупреждения правонарушений в индустрии метавселенных, включая превентивные средства правовой защиты прав физических и юридических лиц.

Учитывая юридические свойства информации и данных, предполагается также созда-

ние в индустрии метавселенных механизмов, обеспечивающих компенсацию материального ущерба информационной безопасности, направленных на эффективное и справедливое функционирование институтов распределения ответственности в случае причинения вреда органам публичной власти, юридическим и физическим лицам.

Обеспечение информационной безопасности в индустрии метавселенных. Ключевым условием функционирования индустрии метавселенных является обеспечение должного уровня информационной безопасности. Метавселенная с ее безграничным потенциалом и возможностями быстро становится ареной, на которой государства борются за доминирование. Стремление ряда стран к исключительному лидерству в индустрии метавселенной с возможностью влиять на международные стандарты в области информационных технологий и связи может привести к нарушению равновесия по вопросам глобального влияния и технологического суверенитета. Законодательство РФ содержит требования к безопасности информационных технологий, однако технологии метавселенных этим требованиям в ряде случаев могут не удовлетворять. Учитывая данный фактор, не стоит исходить из необходимости отказа от использования технологий метавселенных или необходимости снижения требований к уровню защиты информации и данных. Однако предполагается установление обязательных требований к технологиям метавселенных, которые должны быть определены до их проектирования и ввода в эксплуатацию. Требования должны содержать правила обеспечения физической безопасности инфраструктуры метавселенной.

Совершенствование режима экспорта и импорта технологий и услуг в индустрии метавселенных. Развитие технологий метавселенных в зарубежных странах по ряду номенклатурных единиц превосходит уровень развития аналогичных технологий в Российской Федерации. Концептуальный подход к развитию метавселенных должен исходить из приоритетности достижения технологического лидерства страны в данной сфере. В целях развития российских разработок технологий метавселенных необходимо сформировать благоприятный режим

¹² Чубукова С. Г. Квасисубъекты в киберправе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 53–61.

¹³ Минбалеев А. В. Указ. соч. С. 27–32.

их импорта и экспорта. Меры, ограничивающие импорт и экспорт, должны применяться только для технологий, затрагивающих интересы национальной безопасности. Для развития индустрии метавселенных допускается создание специального правового режима, позволяющего отдельным иностранным государствам финансировать разработки технологий метавселенных отечественных компаний с возможностью последующего приобретения созданного отечественного оборудования при сохранении патентных прав у отечественных юридических лиц. Необходимо предусмотреть возможность отечественных компаний вносить технические изменения в созданное оборудование, включая осуществление улучшений, а также продавать его на территории страны, в том числе органам государственной власти.

Разработка и уточнение терминов и определений для индустрии метавселенных. Учитывая уровень развития технологий метавселенных, концепция должна исходить из потребности разрешить терминологические коллизии языка правового регулирования метавселенных, основываясь на целесообразности поэтапного внедрения понятийного аппарата в индустрию метавселенных. Предполагается отражение в нормативно-технических документах всех терминов, уже используемых в актах стратегического характера, а также определение их взаимосвязи и соотношения. В дальнейшем осуществится перенос ключевых терминов в акты высшего органа исполнительной власти и информационное законодательство.

Разработка нормативных правовых актов в сфере метавселенных на международном уровне. Концептуальный подход ориентирован на содействие объединению и развитию индустрии метавселенных. Поэтому предполагается активное участие российских специалистов в деятельности международных организаций для обеспечения защиты национальных интересов страны, ее граждан, представителей отечественных компаний при формировании международного регулирования метавселенных. Вовлечение представителей Российской Федерации в разработку международных документов в сфере метавселенных должно быть спланировано в рамках ЕврАзЭС, СНГ, БРИКС и других организаций для развития безопасного оборота данных в индустрии метавселенных на межгосударственном уровне. Вместе с тем предполагается активное содействие Российской Федерации развитию индустрии мета-

вселенных через участие в Международном союзе электросвязи (МСЭ), учреждении ООН, ответственном за установление международных стандартов электросвязи, для формирования глобальных стандартов и международного сотрудничества.

Совершенствование системы технического регулирования и оценки соответствия. Развитие индустрии метавселенных должно быть реализовано на основе инструментов рыночной экономики (стандартизация, тестирование, сертификация). Центральным элементом правового регулирования индустрии метавселенных выступит сертификация технологий метавселенных, а следовательно, правовая регламентация данного института должна быть обязательным условием.

Обеспечение импортозамещения в индустрии метавселенных в условиях недружественных действий в отношении России, российских компаний и граждан. Для развития отечественного программного обеспечения и промышленного производства в России установлены списки товаров и услуг иностранного происхождения, запрещенных к закупке за счет бюджетных средств. В целях реализации импортозамещения мы исходим из необходимости регламентации субсидирования отдельных затрат отечественных компаний, специализирующихся в индустрии метавселенных. Применительно к технологиям метавселенных правила могут устанавливать цели, условия и порядок предоставления субсидий из федерального бюджета в целях разработки отдельных технологий метавселенных и их компонентов. В условиях недружественных действий в отношении России, российских компаний и граждан на сегодняшний день определен перечень мер поддержки для аккредитованных организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий. Поэтому компании, занимающиеся исследованиями и производством в индустрии метавселенных, должны быть отнесены к аккредитованным организациям.

Отраслевые направления совершенствования регулирования метавселенных. Необходимо предусмотреть и отраслевые направления совершенствования регулирования метавселенных, включая сферу образования и науки, исходя из трех ключевых мероприятий, требующих регулирования в данной сфере:

— создания образовательных стандартов высшего образования для подготовки специалистов в индустрии метавселенных;

— поддержки создания и продвижения образовательных программ для разных категорий граждан, способствующих формированию базовых компетенций цифровой грамотности, включая понимание основ технологий метавселенных;

— обеспечения доступа к передовым знаниям индустрии метавселенных на территории России.

Применение технологий метавселенных может быть ориентировано на создание «умных школ», проведение преподавания в классах на основе интеллектуальных сред в режиме онлайн на различных этапах образования, таких как профессиональное образование и базовое образование, на поддержку создания новых виртуальных симуляционных учебных баз и интеллектуальных облачных платформ для интеграции промышленности и образования в целях продвижения популярной науки, профессиональной подготовки и преподавания. На платформах научно-исследовательских организаций необходимо создание «умных лабораторий» для продвижения теоретических и прикладных фундаментальных исследований индустрии метавселенных, преодоления общих теоретических проблем, укрепления технологического фундамента индустрии метавселенных и др.

Если проектировать изменения трудового законодательства, то следует отметить, что основным способом реализации задачи по организации виртуального режима труда является использование современных информационных технологий, средств связи и информационно-телекоммуникационных сетей. Социальные сети и другие приложения уже в настоящем времени создали виртуальные формы осуществления трудовой деятельности. Во время пандемии COVID-19 было проведено массовое внедрение виртуальных рабочих мест¹⁴. В настоящий момент решается задача удаленной работы с идеей виртуального присутствия. Направлены усилия на создание «метавселенной рабочего места» с возможностями для совместной телепортации аватаров. Виртуальные рабочие пространства могут позволить организациям улучшить возможности взаимодействия и установления связей для сотрудников. Виртуальные совещания, основанные на технологиях мета-

вселенной, уже являются неотъемлемой частью гибридной работы.

В сложившихся условиях в мировой практике начался активный процесс законодательного закрепления различных аспектов виртуальной работы: обязанность работодателя проверять условия труда работника за пределами производственного объекта работодателя, право работника на отключение от всех видов связи и технических устройств после окончания рабочего дня, право работника работать определенный период в «домашнем офисе» и др.

Трудовое законодательство РФ уже усилило правовой статус виртуального работника дополнительными гарантиями и обязанностями работодателя по соблюдению права на труд в условиях виртуальной работы. Но развитие метавселенных создает возможности для применения многовариативных способов организации труда. Широкое распространение получил формат «виртуального присутствия работника» (на совещании, заседании и т.д.) как способ реализации функциональных обязанностей.

Виртуальное присутствие означает замену присутствия в очном формате на удаленную работу с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, технического инструментария и средств связи, однако в действующем законодательстве отсутствует данное определение, что выявлено как пробел правового регулирования. Кроме того, требуется развитие трудового законодательства в связи с изменениями условий и форм трудовой деятельности по направлениям: закрепление «права на отключение» от всех видов связи и технических устройств после окончания рабочего дня как гарантии права на отдых; закрепление обязанности работодателя проверять условия труда работника за пределами производственного объекта работодателя; закрепление такой формы деятельности, как виртуальное присутствие работника, что означает замену поездки и присутствия на стационарном рабочем месте, территории или объекте работодателя на присутствие работника в целях выполнения трудовых функций в информационно-телекоммуникационных сетях¹⁵, и др. При формировании стратегических документов, регулирующих отношения в сфере занятости населения, учи-

¹⁴ Роль и значение права в условиях пандемии : монография по итогам международного онлайн-симпозиума / М. А. Егорова, А. П. Алексеенко, А. В. Алтухов [и др.]. М. : Проспект, 2021. 288 с.

¹⁵ Холодная Е. В. Особенности правового регулирования дистанционного труда работника в России и за рубежом // Информационное право. 2021. № 1. С. 33–35.

тывается влияние технологий метавселенных на рынок труда, включая изменение в востребованности отдельных профессий.

Совершенствование законодательства в сфере публичного управления при внедрении технологий метавселенных целесообразно осуществлять поэтапно, начиная со сфер применения, которые не предполагают принятия критически значимых решений. С учетом зарубежного опыта к таким сферам применения технологий метавселенных можно отнести: оказание публичных услуг по выдаче документов, подтверждающих гражданство (цифровой паспорт), консультирование по налоговым и иным вопросам; интеграцию технологий метавселенных в управление инфраструктурой города (создание виртуальных городов); организацию публичных и иных слушаний в режиме форсайт-сессий; иное взаимодействие с гражданами по созданию экономических, социальных и культурных ценностей и др. Одним из перспективных направлений является развитие метавселенных «умный город», позволяющих в виртуальных мирах моделировать и решать задачи, связанные с реагированием на чрезвычайные ситуации в городах, профилактикой эпидемий и осуществлением контроля над ними, обнаружением углеродного следа, управлением городским подземным пространством и управлением жизненным циклом городского планирования с опорой на преимущества пространственного анализа и расчетов, динамического моделирования и дедукции, машинного обучения и т.д.

Приоритетной целью внедрения индустрии метавселенных в промышленность и энергетику выступает укрепление технологического суверенитета Российской Федерации. На основе индустрии метавселенных возможно ускорение интеллектуальной трансформации энергетических и промышленных объектов с созданием «умной» энергетической инфраструктуры, включая интеллектуальные электросети, интеллектуальные сети нефте- и газопроводов и энергетические центры обработки больших данных на основе интеграции таких технологий, как смешанная реальность, технологии распределенных реестров и Интернет вещей, в единую цифровую энергетическую систему («умные» сети, «умное» распределение энергии и новые хранилища энергии). Создание энергетической метавселенной ориентировано на полный охват производственных связей в целях организации безопасной и прозрачной циркуляции элементов энергетической сети на

протяжении всего производственного процесса, повышение эффективности эксплуатации и обслуживания энергетической сети и содействие эффективному и точному распределению всех производственных факторов в энергетической системе. Создание промышленных метавселенных ориентировано на повышение эффективности автоматизированных систем управления предприятиями и процессами в различных областях, моделирования сценариев промышленного развития.

Для противостояния угрозе утраты национальной и культурной идентичности российских граждан индустрия метавселенной может способствовать развитию культурного туризма путем воссоздания в виртуальном мире цифровых копий музеев, центров искусств, тематических парков и онлайн-сцен. Концепция должна содействовать распространению культурного наследия народов Российской Федерации и расширению цифровых коллекций произведений литературы, изобразительного, музыкального и иного искусства на русском языке и языках народов Российской Федерации.

Создание спортивной метавселенной принесет новое устойчивое развитие в растущую индустрию киберспорта, позволит выстроить экосистему и отделить киберспорт от обычных видеоигр. Зарубежный опыт показывает заинтересованность государств в развитии киберспорта и признании его в качестве спортивной дисциплины. Следует отметить, что Россия стала первой страной, которая официально признала в 2001 г., что компьютерные игры могут считаться спортивной дисциплиной, однако на сегодня лидерство позиций утрачено. Поддержка развития спортивных метавселенных возможна через реализацию следующих направлений: поддержка российских киберспортсменов, в том числе путем создания социальных лифтов (с помощью спортивных стипендий для молодых талантов или выделением бюджетных квот на обучение); разработка киберспортивной этики и правил гейминга; сделать доступнее киберспортивную инфраструктуру; построить самодостаточную российскую киберспортивную экосистему; принять правовые регуляторы киберспорта как спортивной дисциплины.

Индустрия метавселенной может предоставить самые передовые технологии для сохранения здоровья, чтобы каждый, независимо от места проживания, социального статуса и финансовых возможностей, мог контролиро-

вать свое здоровье и жизнь. Здравоохранение будущего заключается не в лечении, а в профилактике заболеваний. Цифровые технологии могут заметить малейшие отклонения от нормы и предупредить об этом. Проникновение технологий метавселенных в медицину связано с проблемами в диагностике и лечении заболеваний, нехваткой врачей общей практики при лечении хронических неинфекционных заболеваний (сердечно-сосудистые заболевания, астма и др.). Телемедицина метавселенных ориентирована на решение указанных проблем. Медицинские метавселенные обладают потенциалом в сфере медицинского образования и специализации персонала. Средства визуализации дополненной реальности могут быть использованы для консультаций пациентов с помощью 3D-визуализации и др. Однако требования к безопасности метамедицины должны быть повышены, в том числе в отношении разработки и внедрения систем защиты конфиденциальности, в том числе при создании копий некоторых частей виртуального мира и копий цифровых двойников пациентов, невидимых для всех, кроме лечащего врача, и др. Развитие направлений метамедицины приведет к появлению новых концепций и методов диагностики и лечения.

Индустрия метавселенной может стать платформой для развития национальной цифровой валюты и укрепления российской цифровой экономики и финансового сектора. С другой стороны, анонимность, ликвидность и безграничный характер виртуальных активов делают их весьма привлекательными для незаконных транзакций, поэтому предполагается разработка правил регулирования виртуальных активов, созданных в индустрии метавселенной.

Регуляторные меры для финансового стимулирования развития индустрии метавселенных. В Российской Федерации уже предусмотрен ряд мер поддержки компаний, специализирующихся на разработке цифровых технологий. Необходимо оценить целесообразность таких мер и по итогам такой оценки проработать вопрос о дополнительных мерах

поддержки по трем направлениям: стимулирование предложения, стимулирование спроса, развитие государственно-частного партнерства.

Предлагаемая концептуальная модель правового развития метавселенных может выступить в качестве целевого ориентира при подготовке нормативных правовых актов и документов стратегического планирования в различных сферах (концепций, стратегий, «дорожных карт» и др.) по следующим направлениям: расширение регуляторных мер для финансового стимулирования развития технологий метавселенных; создание механизмов упрощенного внедрения технологий метавселенных; решение общепромышленных задач развития законодательства Российской Федерации, включая обеспечение безопасности технологий метавселенных; снятие отраслевых барьеров для внедрения технологий метавселенных; совершенствование режима оборота данных для целей развития технологий метавселенных; совершенствование системы технического регулирования технологий метавселенных; участие в разработке актов в индустрии метавселенных на международном уровне и др.

Заключение

Таким образом, исследование правовых признаков и свойств метавселенной позволяет рассматривать ее как направление (область) развития цифровых технологий по формированию цифрового пространства для различного вида социальной и публичной деятельности с имитацией личного присутствия пользователя. По мере эволюции метавселенная может стать перспективным пространством для оборота цифровых данных и реализации иных амбициозных проектов цифровой экономики. Однако появление новых угроз и рисков в искусственных виртуальных мирах требует выработки и принятия концепции правового понимания метавселенных, а также опережающей проработки российского законодательства, гарантирующего права и свободы человека в метавселенных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Евсиков К. С. Метавселенные как новый объект регулирования для информационного права // Труды по интеллектуальной собственности = Works on Intellectual Property. 2023. Т. 44. № 1. С. 47–57.
- Ковалева Н. Н. Правовые аспекты цифрового совершенствования метавселенных // Право.by. 2022. № 5 (79). С. 81–84. EDN: EVJOCI.

Лескина Э. И. Метавселенная и задачи в области правового регулирования данных // Юрист. 2023. № 3. С. 2–7.

Минбалеев А. В. Цифровые двойники и цифровые аватары как новое явление в праве // Юридический мир. 2022. № 2. С. 27–32.

Роль и значение права в условиях пандемии : монография по итогам международного онлайн-симпозиума / М. А. Егорова, А. П. Алексеенко, А. В. Алтухов [и др.]. М. : Проспект, 2021. 288 с.

Холодная Е. В. О некоторых элементах технологий цифрового профилирования // Право и цифровая экономика. 2022. № 3 (17). С. 22–27.

Холодная Е. В. Особенности правового регулирования дистанционного труда работника в России и за рубежом // Информационное право. 2021. № 1. С. 33–35.

Чубукова С. Г. Квазисубъекты в киберправе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 53–61.

REFERENCES

Chubukova SG. Quasi-subjects in cyber law. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2023;2(102):53-61. (In Russ.).

Egorova MA, Alekseenko AP, Altukhov AV, et al. The role and importance of law in the context of a pandemic: A monograph based on the results of an international online symposium. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).

Evsikov KS. Metaverses as a new object of regulation for information law. *Trudy po intellektualnoy sobstvennosti = Works on Intellectual Property*. 2023;44(1):47-57. (In Russ.).

Kholodnaya EV. About some elements of digital profiling technologies. *Pravo i tsifrovaya ekonomika*. 2022;3(17):22-27. (In Russ.).

Kholodnaya EV. Features of the legal regulation of remote labor of an employee in Russia and abroad. *Informatsionnoe pravo*. 2021;1:33-35. (In Russ.).

Kovaleva NN. Legal aspects of digital improvement of metaverses. *Pravo.by*. 2022;5(79):81-84. (In Russ.). EDN: EVJOCI.

Leskina EI. Metaverse and tasks in the field of legal regulation of data. *Yurist [Jurist]*. 2023;3:2-7. (In Russ.).

Minbaleev AV. Digital doubles and digital avatars as a new phenomenon in law. *Yuridicheskiy mir [Juridical World]*. 2022;2:27-32. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Холодная Елена Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
elena-kholodnaya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Kholodnaya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Information Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
elena-kholodnaya@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 12 ноября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 21 декабря 2023 г.

Принята к печати 12 февраля 2024 г.

Received 12.11.2023.

Revised 21.12.2023.

Accepted 12.02.2024.

М. В. Некотенева

Д. В. Пономарёва

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Обеспечение геномной безопасности: оценка особенностей национального регулирования через призму биологической безопасности

Резюме. В статье анализируются основы обеспечения геномной безопасности на национальном и над-национальном уровне. Биобезопасность — один из основных аспектов глобальной безопасности, охватывающий такие сферы, как здравоохранение, сельское хозяйство, наука и технологии, образование и оборона. Угрозы биобезопасности характеризуются скрытостью, внезапностью распространения, непредсказуемыми последствиями, причинением значительного ущерба. Борьба с такими угрозами — неотъемлемая часть национальной безопасности. Сегодня геномную безопасность следует рассматривать как часть биологической безопасности. В статье осуществлена попытка выявить особенности и основные направления развития регулирования обеспечения безопасности геномных исследований в национальном законодательстве некоторых государств (в том числе Российской Федерации) во взаимосвязи со сложившимися на универсальном и региональном уровнях тенденциями регулирования биологической безопасности. Авторами проанализировано законодательство зарубежных государств в исследуемой области, выделены позитивные свойства такого законодательства. Выявляются различные схемы регулирования обеспечения безопасности генетических исследований. Можно выделить некоторые государства, использующие «жесткие» схемы регулирования, которые предполагают законодательное закрепление запретов одних или значительное ограничение осуществления других видов генетических исследований. В ряде государств, наоборот, закрепляется саморегулирование или минимальное регулирование со стороны государства обеспечения безопасности генетических исследований. Особое внимание в статье уделено аналитическому обзору международных договоров, затрагивающих те или иные аспекты биологической, в том числе геномной, безопасности. В заключение представлены рекомендации авторов относительно совершенствования нормативного регулирования Российской Федерации в области биобезопасности, в том числе рамочного федерального законодательства в рассматриваемой сфере. Материалы статьи могут представлять интерес для различных специалистов, деятельность которых связана с проведением геномных исследований (сферы биомедицины, биоинформатики, репродукции человека и т.д.).

Ключевые слова: биологическая безопасность; биозащищенность; международное право; биологическое оружие; право интеграционных объединений; геномная безопасность; безопасность генетических исследований; ДНК; генетическая информация; принципы геномной безопасности; международные стандарты; прозрачность

Для цитирования: Некотенева М. В., Пономарёва Д. В. Обеспечение геномной безопасности: оценка особенностей национального регулирования через призму биологической безопасности. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 129–139. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.129-139

Ensuring Genomic Safety: Assessment of the Peculiarities of National Regulation through the Prism of Biological Safety

Maria V. Nekoteneva

Daria V. Ponomareva

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the basics of ensuring genomic security at the national and supranational levels. Biosafety is one of the main aspects of global security, covering such areas as health, agriculture, science and technology, education and defense. Threats to biosafety are characterized by secrecy, sudden spread, unpredictable consequences, and significant damage. Combating such threats is an integral part of national security. Today, genomic safety should be considered as part of biosafety. The paper attempts to identify the features and main directions of the development of regulation of the safety of genomic research in the national legislation of some states (including the Russian Federation) in connection with the trends of regulation of biological safety at the universal and regional levels. The authors analyze the legislation of foreign countries in the field under study, highlight the positive properties of such legislation. Various schemes for regulating the safety of genetic research are being identified. It is possible to identify some states that use «strict» regulatory schemes, which involve the legislative consolidation of prohibitions of some or significant restrictions on the implementation of other types of genetic research. In a number of states, on the contrary, self-regulation or minimal regulation by the State of ensuring the safety of genetic research is being consolidated. Special attention is given to an analytical review of international treaties affecting various aspects of biological, including genomic, safety. In conclusion, the authors' recommendations on improving the regulatory regulation of the Russian Federation in the field of biosafety, including the framework federal legislation in this area, are presented. The paper may be of interest to various specialists whose activities are related to genomic research (biomedicine, bioinformatics, human reproduction, etc.).

Keywords: biological safety; biosecurity; international law; biological weapons; law of integration associations; genomic security; safety of genetic research; DNA; genetic information; principles of genomic security; international standards; transparency

Cite as: Nekoteneva MV, Ponomareva DV. Ensuring Genomic Safety: Assessment of the Peculiarities of National Regulation through the Prism of Biological Safety. *Lex russica*. 2024;77(3):129-139. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.129-139

Забота о безопасности будущих поколений, обеспечение прав ныне живущих поколений, предотвращение различного рода инцидентов, которые способны привести к последствиям, угрожающим здоровью людей, затронуть их основные права, выживаемость растений и животных, нанести ущерб состоянию окружающей природной среды, — вот те вопросы, которые беспокоят не только ученых — представителей естественных наук (среди них биомедицина, генетика и др.), но и других специалистов.

Что же подразумевается под выражением «генетическая безопасность»? В различных актах оно используется во множестве значений, начиная от разработки и внедрения правил осуществления генетических исследований и

заканчивая особенностями сбора, хранения и обработки генетической информации.

Как неоднократно подчеркивалось, правовое регулирование, в том числе и в сфере генетической безопасности, основывается на положениях международных актов о правах человека. Следовательно, в таких документах отсутствуют нормы, направленные непосредственно на обеспечение геномной безопасности. Данный тезис всецело относится и к специальным положениям актов универсального характера, непосредственно посвященным проведению исследований и осуществлению разработок в области человеческого генома¹.

В свою очередь, специальные положения актов универсального характера лежат в ос-

¹ Калиниченко П. А., Некотенева М. В. Особенности правового регулирования геномных исследований на международном и европейском уровне // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 4. С. 68.

нове подготовки и разработки правового регулирования в области обеспечения геномной безопасности и безопасности исследований в области человеческого генома.

Интерес представляет существующий международный опыт регулирования иных сфер (мониторинга и защиты окружающей среды от антропогенного и других видов воздействия, стандартизации защиты от воздействия радиации), разработка пока декларативных принципов осуществления генетических исследований (активно формирующихся в настоящее время на уровне обсуждения в рамках международных неправительственных организаций и профессиональных ассоциаций (как международных, так и национальных)).

Биобезопасность — один из основных аспектов глобальной безопасности, охватывающий такие сферы, как здравоохранение, сельское хозяйство, наука и технологии, образование и оборона. Угрозы биобезопасности характеризуются скрытостью, внезапностью распространения, непредсказуемыми последствиями, причинением значительного ущерба. Борьба с такими угрозами является неотъемлемой частью национальной безопасности. Сегодня следует рассматривать геномную безопасность как часть биологической безопасности.

Необходимо разграничивать понятия «биозащищенность» (biosafety) и «биобезопасность» (biosecurity)². Обеспечение биозащищенности предполагает применение технологий, принципов, методов и способов, направленных на предотвращение непреднамеренного воздействия, в частности, на сотрудников лабораторий и иных лиц. Такое непреднамеренное воздействие может произойти по причине неисправности оборудования, нарушения порядка проведения исследований, применения ненадлежащей процедуры утилизации отходов и т.п. Для предотвращения указанных воздействий проводится работа по аккумулированию, обобщению и распространению информации о надлежащих методиках и способах. Такая деятельность осуществляется

в том числе в рамках Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)³.

Под обеспечением биобезопасности понимают систему мер (как технического характера, так и организационного), которые направлены на защиту государства, общества, личности, окружающей среды от реальных и потенциальных биологических угроз и предотвращение ущерба в случае их возникновения. Наиболее часто встречающимися являются риски, связанные с проявлением биоагрессии (в случае применения достижений фундаментальной науки в качестве биологического оружия и средств биотерроризма), аварийными ситуациями и диверсиями на объектах, где проводятся работы с патогенными агентами; возникновением полирезистентных форм микроорганизмов; воссозданием ранее побежденных вирусов, а также риски, связанные с разработкой и созданием новых вирусов, которые являются в значительной степени устойчивыми к лекарственным препаратам или от которых не разработаны вакцины; активизацией инфекций после длительного периода эпидемиологического благополучия и др.

Следует отметить, что Конвенция 1975 г. «О запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении»⁴ возлагает обязанности на государства-участники: «никогда, ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять: 1) микробиологические или другие биологические агенты или токсины, которые не предназначены для профилактических, защитных или других мирных целей; 2) оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах».

В тексте Конвенции не содержится понятие «биологическое и токсинное оружие», что может вызвать сложности при квалификации

² Biosafety and biosecurity / Dongsheng Zhou, Hongbin Song, Jianwei Wang, Zhenjun Li, Shuai Xu // Journal of Biosafety and Biosecurity. 2019. No. 1. P. 15–18.

³ Всемирная организация здравоохранения периодически выпускает обновленные практические руководства. Например: Практическое руководство по биологической безопасности в лабораторных условиях // URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/Biosafetyandbiosecurityhandle/10665/42981/9241546506_rus.pdf?jsessionid=1477E83931EB6DB50B55B5F5843E9C31?sequence=5 (дата обращения: 15.03.2023).

⁴ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения: 15.03.2023).

нарушений положений Конвенции, например в связи с возможностью применять микробиологические агенты по различным назначениям. Следует подчеркнуть, что ряд государств, в частности Российская Федерация, выступали с предложениями по совершенствованию механизмов Конвенции (в том числе связанных с реализацией ее положений на национальном уровне), так необходимых для ее эффективного применения. К таким предложениям относятся: разработка механизмов осуществления расследования в случае возникновения подозрения в применении биологического оружия; осуществление наблюдения за осуществлением различного рода исследований, в том числе в сфере микробиологии, применение результатов которых может угрожать биологической безопасности; помощь нуждающимся государствам в разработке и применении результатов фундаментальных исследований в области микробиологии для предотвращения болезней или в иных мирных целях.

Кроме того, были предложены меры, направленные на устранение недостатков Конвенции, в том числе связанных с давностью ее принятия и недостаточной проработанностью ряда положений: принятие конкретных мер по обзору научно-технических достижений и создание соответствующих баз данных; конкретизация порядка обращения за помощью в случае, если государство столкнулось с нарушением Конвенции; разработка классификатора видов помощи, предоставляемой пострадавшему государству, и др. Однако активное противостояние США и Великобритании свело на нет все предпринятые другими государствами-участниками действия, направленные на совершенствование положений Конвенции.

Проблеме обеспечения биобезопасности, в том числе в связи с применением биотехнологий, уделено внимание и в рамках Конвенции о биологическом разнообразии⁵. Так, статья 8 (пп. g) содержит указания на обязанности государств-участников: «...разрабатывать или

совершенствовать средства мониторинга, контроля или ограничения риска, связанного с использованием и выпуском живых модифицированных организмов, являющихся результатом применения современных биотехнологий и способных оказывать негативное воздействие на сохранение биологического разнообразия»; пунктом 4 ст. 19 закрепляется обязанность предоставлять любую информацию, доступную государствам, о правилах использования и потенциально вредном воздействии конкретных живых измененных организмов, ввозимых в государство, такому государству.

Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии⁶ имеет особое значение. В статье 3 указанный акт закрепил такие термины, как «живой измененный организм» и «современная биотехнология», определив основные признаки живых измененных организмов, позволяющие отличать их от неизмененных организмов, а также методы, используемые при разработке и использовании современных биологических технологий.

Статьей 1 закрепляется основная цель Протокола, которая заключается в следующем: «содействие обеспечению соответствующего уровня защиты в сфере безопасной передачи, взаимодействия и непосредственного использования живых организмов, измененных в результате применения современных биотехнологий и способных оказать негативное воздействие на сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия. Особое внимание должно быть уделено потенциальным рискам для здоровья человека и трансграничному перемещению»⁷. Безусловно преобладающим определяется один из основных принципов обеспечения биологической безопасности — принцип предосторожности⁸, имеющий равное значение для обеспечения биологической, в том числе и геномной, безопасности.

Любое вероятно неблагоприятное воздействие должно быть предупреждено, так как устранение последствий такого воздействия может не

⁵ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 15.03.2023).

⁶ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cartagena.pdf (дата обращения: 15.03.2023).

⁷ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cartagena.pdf (дата обращения: 15.03.2023).

⁸ Некотенева М. В. Международные принципы обеспечения геномной безопасности // «Цивилизация знаний: российские реалии». Стратегическая панель «Цивилизационная роль права в современных интеграционных процессах» (г. Москва, 10 апреля 2020 г.) : XXI Международная научная конференция. М. : Мир науки, 2020. С. 573.

представляться возможным или влечь чрезмерные затраты ресурсов, необходимых для такого устранения. Следует отметить, что само по себе применение современных биотехнологий не относится к угрозам для здоровья человека и окружающей среды. Но при отставании правового регулирования от темпов развития таких технологий, неизученности последствий их применения особое значение приобретает разработка и эффективное функционирование информационных систем, а также подготовка специалистов в сфере обеспечения биобезопасности, регламентация генно-инженерной деятельности на региональном и национальном уровнях.

В рамках Международной конференции «Окружающая среда для Европы» 1998 г. была принята Орхусская конвенция — Конвенция о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды 1998 г.⁹. Как следует из наименования, объектом ее регулирования является любая доступная информация о деятельности (планируемой или уже осуществляемой), которая может оказывать значительное воздействие на окружающую природную среду, включая информацию о генетически измененных организмах. В соответствии с указанной Конвенцией общественность наделяется правом запрашивать, а соответствующие государственные органы —

обязанностью предоставлять информацию, касающуюся окружающей среды.

Положения Орхусской конвенции и ряда других документов получили развитие в законодательстве региональных интеграционных объединений. Так, Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2001/18/ЕС от 12.03.2001 о преднамеренном выпуске в окружающую среду генетически модифицированных организмов и об отмене Директивы Совета ЕС 90/220/ЕЭС¹⁰, Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 1829/2003 от 22.09.2003 о генетически модифицированных продуктах питания и кормах¹¹, Директива 2008/27/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 11.03.2008, вносящая поправки в Директиву 2001/18/ЕС о преднамеренном высвобождении в окружающую среду генетически модифицированных организмов¹² и другие акты также содержат требования о предоставлении необходимой информации и прогнозировании рисков негативного воздействия.

Кроме того, для регулирования вопросов, связанных с безопасностью генетических исследований в целом и генома человека в частности, важную роль играет практика Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ)¹³, а также Суда Европейского Союза¹⁴ и национальных судов государств — членов ЕС. Практика ЕСПЧ, Суда ЕС, как и судебная практика национальных

⁹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 15.03.2021).

¹⁰ Directive 2001/18/EC of the European Parliament and of the Council of 12 March 2001 on the deliberate release into the environment of genetically modified organisms and repealing Council Directive 90/220/EEC // OJ L 106. 17.04.2001. P. 1–39.

¹¹ Regulation (EC) No. 1829/2003 of the European Parliament and of the Council of 22 September 2003 on genetically modified food and feed (Text with EEA relevance) // OJ L 268. 18.10.2003. P. 1–23.

¹² Directive 2008/27/EC of the European Parliament and of the Council of 11 March 2008 amending Directive 2001/18/EC on the deliberate release into the environment of genetically modified organisms, as regards the implementing powers conferred on the Commission // OJ L 81. 20.03.2008. P. 45–47.

¹³ Например, см.: Application No. 58757/00, Jaggi v. Switzerland, ECHR Judgment of 13 July 2006 ; Application No. 11449/02, Tavli v. Turkey, ECHR Judgment of 9 November 2006 ; Application No. 6339/05, Evans v. United Kingdom, ECHR Judgment of 10 April 2007 ; Application No. 54270/10, Costa and Pavan v. Italy, ECHR Judgment of 28 August 2012 ; Application No. 33011/08, A.K. v. Latvia, ECHR Judgment of 24 September 2014 ; Application No. 46470/11, Parrillo v. Italy, ECHR Judgment of 27 August 2015 ; Application No. 27617/04, R. v. Poland, ECHR Judgment of 26 May 2011 ; Application No. 29514/05, Van der Velden v. the Netherlands, ECHR Judgment of 7 December 2005 ; Application No. 47447/08, Deceuninck v. France, ECHR Judgment of 13 December 2011 ; Applications No. 30562/04 and 30566/04, S. and Marper v. the United Kingdom, ECHR Judgment of 4 December 2008 ; Establishing best practice for forensic DNA databases. A report by the Forensic Genetics Policy Initiative // Forensic Genetics Policy Initiative. London. September 2017. P. 8 ; Applications No. 7841/08 and 57900/12, Peruzzo and Martens v. Germany, ECHR Judgment of 4 June 2013 ; Application No. 28475/14, Bagniewski v. Poland, ECHR Judgment of 31 May 2018.

¹⁴ Case C-34/10, Oliver Brüstle v. Greenpeace eV // European Court Reports, 2011, I-09821 ; Ткачук В. В. Последствия решения Суда ЕС по делу «Оливер Брюстле против Гринпис» для регулирования геномных

судов, отражает уровень потребностей и необходимые направления регулирования релевантных общественных отношений.

В связи с этим интерес представляет развитие положений международных актов в национальном праве государств и формирование соответствующей судебной практики национальными судебными органами. Факторы, определяющие развитие этих направлений, отличаются разнообразием. Можно выделить факторы, обусловленные политической ситуацией, проблемами нехватки продовольствия или степенью влияния религиозных догматов и др.

Необходимо отметить, что правовое регулирование обеспечения безопасности генетических исследований в зависимости от особенностей в каждом государстве выстраивается по определенным схемам. Некоторые государства используют так называемое жесткое регулирование. При использовании такого рода схем устанавливаются запреты на осуществление одних и (или) значительное ограничение осуществления и использования результатов других видов геномных исследований. В некоторых государствах закрепляется саморегулирование или минимальное государственное регулирование осуществления определенных видов генетических исследований.

Например, в 2002 г. Закон о сельском хозяйстве Китайской Народной Республики был дополнен положениями, касающимися мер безопасности исследований, испытаний, производства, переработки и других видов применения сельскохозяйственных ГМО¹⁵. Основные положения, регулирующие обеспечение безопасности генетически модифицированных организмов в сельском хозяйстве, содержатся в Положении об управлении безопасностью¹⁶.

Следует отметить и иные подходы, сформировавшиеся на национальном уровне в отношении регулирования обеспечения безопасности генетических исследований.

При одном из таких подходов в основе регулирования лежат законы, затрагивающие лишь отдельные сферы осуществления генетических

исследований, при другом — более гибкие инструкции, руководства и правила (которые могут изменяться в упрощенном порядке и быстрее подстраиваться под регулирование динамично изменяющихся отношений в сфере осуществления генетических исследований). Примерами могут послужить акты, разрабатываемые в Японии, Сингапуре и других государствах. К ним относятся в том числе инструкции по регулированию осуществления и использованию результатов исследований в рассматриваемой области.

Еще одной особенностью актов национального права в рассматриваемой сфере является то, что в большинстве своем акты национального законодательства устанавливают осуществление контроля в отношении результатов генетических исследований или регулируют обеспечение безопасности таких исследований.

Во многих государствах положения, регулирующие безопасность генетических исследований, включаются в акты о биологической безопасности. А в некоторых государствах такие положения закрепляются в отдельных специализированных актах или актах, относящихся к смежным областям правового регулирования.

Безусловно, проблемы обеспечения безопасности биотехнологий затрагивают и геномные исследования. Положения обозначенных выше Конвенций могли быть использованы и для разработки национальных документов, регулирующих безопасность геномных исследований, однако на сегодняшний день указанные акты являются в значительной степени устаревшими и требуют доработки в соответствии с существующими реалиями.

В настоящее время основные тенденции регулирования отдельных сфер общественных отношений отражаются в документах под названием «стратегии». Великобританией, США и государствами, входящими в состав Европейского Союза, выражается обеспокоенность по поводу ненадлежащего уровня биологической защиты.

В Великобритании в июне 2023 г. была выпущена обновленная Стратегия биологической

исследований в Европейском Союзе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 138.

¹⁵ Закон о качестве и безопасности сельскохозяйственной продукции от 29.04.2006 // URL: https://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/china/files/china_law_quality.pdf (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁶ Положение по обеспечению безопасности генетически модифицированных организмов в сельском хозяйстве от 23.05.2001 // URL: http://english.agri.gov.cn/hottopics/bt/201301/t20130115_9551.htm (дата обращения: 15.03.2023).

безопасности. Будучи документом политического характера, Стратегия формулирует цель — обеспечить к 2030 г. устойчивость Великобритании к целому ряду биологических угроз и мировое лидерство в области ответственных инноваций. Положения Стратегии затрагивают следующие вопросы: создание специальной системы реагирования на биологические угрозы и национальной сети бионаблюдения для обнаружения и мониторинга возникающих биологических угроз; учреждение Руководящего совета Великобритании по обеспечению биобезопасности, в состав которого планируется включить исследователей и лидеров отрасли; разработка инновационных инструментов микробиологической экспертизы, результаты которой будут использованы для установления причин биоинцидентов и в целях сдерживания распространения и использования биологического оружия; тесное взаимодействие с промышленным сектором в части достижения цели снижения уровня негативного воздействия от будущих пандемий и эпидемий за счет разработки вакцин, терапевтических и диагностических средств. Не секрет, что данный документ был ответом на те угрозы и вызовы, с которыми столкнулось государство в 2020 г. в связи с возникновением пандемии COVID-19.

На уровне Европейского Союза вопросы обеспечения биобезопасности затрагивались в Стратегии ЕС по биоэкономике (Bioeconomy Strategy, 2012–2018¹⁷). В документе отмечалась необходимость изыскания новых способов производства и потребления, учитывающих обеспечение надлежащего уровня экологической безопасности в сложных условиях изменения климата, нехватки ресурсов, увеличения численности населения. При этом, помимо документов стратегического характера, в Европейском Союзе разрабатываются акты, содержащие юридически обязывающие

нормы, посвященные вопросам обеспечения биобезопасности¹⁸. Союз довольно длительное время поддерживает политику постоянного повышения уровня биологической безопасности, а также демонстрирует приверженность к многосторонним подходам в отношении контроля над вооружениями и их нераспространения. Европейский Союз реализует программы по обеспечению биобезопасности, оказывает финансовую поддержку субъектам в рамках развития таких мероприятий. При этом большое значение имеют положения Конвенции «О запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении» 1972 г. и Резолюции Совета Безопасности ООН 1540¹⁹.

Интерес представляет Национальная стратегия биологической защиты США (National Biodefense Strategy)²⁰. Основными задачами, закрепленными Стратегией, являются: защита государства от различных биологических угроз, предотвращение возможных биологических инцидентов и оперативное устранение их последствий, создание системы мониторинга рисков, связанных как со случайными, так и с преднамеренными биологическими угрозами для человека, животных, окружающей природной среды и экономики государства. Ответственность за руководство усилиями федерального правительства в области биозащиты Стратегией возложена на Министерство здравоохранения и социальные службы США.

Обновленная в 2022 г. Стратегия включает следующие амбициозные цели: обеспечить осведомленность о рисках и их обнаружение для принятия обоснованных решений в рамках достижения цели биобезопасности; скоординировать усилия в сфере исследований в целях выявления естественных, случайных и преднамеренных биологических рисков; про-

¹⁷ URL: https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/research-area/environment/bioeconomy/bioeconomy-strategy_en (дата обращения: 25.06.2023).

¹⁸ В числе таких документов стоит назвать Решение Совета ЕС (ОВПБ) 2021/2072 от 25.11.2021 в поддержку повышения устойчивости в области биобезопасности и биозащиты в соответствии с Конвенцией о биологическом оружии 1972 г.

¹⁹ Принята единогласно 28 апреля 2004 г. в отношении нераспространения оружия массового уничтожения. Резолюция устанавливает обязательства в соответствии с гл. VII Устава ООН для всех государств-членов по разработке и применению надлежащих правовых и нормативных мер против распространения химического, биологического, радиологического и ядерного оружия и средств его доставки, в частности для предотвращения распространения оружия массового уничтожения среди негосударственных субъектов.

²⁰ URL: <https://www.phe.gov/Preparedness/biodefense-strategy/Pages/default.aspx> (дата обращения: 15.03.2023).

водить мероприятия по обнаружению и идентификации биологических угроз и прогнозированию биологических инцидентов; обеспечить оперативное реагирование на возникающие биоинциденты; содействовать восстановлению человеческого сообщества, экономики и окружающей среды после возникшего биоинцидента. Как видим, указанные цели, пусть и сформулированные максимально обобщенно, включают и аспекты обеспечения геномной безопасности как разновидности биологической безопасности.

Во многих государствах положения, касающиеся обеспечения безопасности геномных исследований, содержатся в законах о биологической безопасности. Так, законы о биологической безопасности приняты в Бразилии, Кении и ряде других государств. Закон о биобезопасности Бразилии²¹ № 11.105 от 24.03.2005 содержит ряд общих правил осуществления исследований в области биотехнологий, формулирует основополагающие принципы и закрепляет стандарты биобезопасности и основные механизмы контроля исследований и использования результатов, связанных с генетически модифицированными организмами и продуктами их жизнедеятельности. К таким принципам указанный акт относит: принцип предосторожности; принцип защиты жизни, здоровья человека и сохранения животных и растений, окружающей природной среды; принцип признания научных достижений в области биобезопасности и биотехнологии.

Закон № 8078 от 11.09.1990 дополняет положения Указа № 4680 от 24.04.2003 и предусматривает политику в отношении потребителей, включающую распространение права на информацию и в отношении пищевых продуктов и их составляющих, а также кормов для животных, содержащих генетически модифицированные организмы или производимые из них²².

Представляет интерес и законодательство Кении. Так, Закон о биобезопасности № 2 от 2009 г.²³ отменяет запреты на производство генетически модифицированных организмов и вводит разрешение на проведение испытаний в открытом поле. Данный Закон направлен на поддержку развития сельского хозяйства Кении, а также на защиту прав и интересов фермеров и потребителей, чему способствует механизм для мониторинга применения ГМ-технологий. Указанный документ учредил Национальный орган по биобезопасности, выступающий в качестве компетентного учреждения для общего надзора и контроля за передачей, обращением и использованием генетически модифицированных организмов (ГМО) с целью обеспечения безопасности человека и животных, общественного здоровья, а также надлежащего уровня защиты окружающей среды. Полномочия органа затрагивают получение, рассмотрение и принятие решений об утверждении или отклонении заявок на внедрение биотехнологических продуктов в исследовательских или коммерческих целях на территории государства с учетом оценки имеющихся рисков.

В Новой Зеландии законодательство, регулирующее вопросы обеспечения биобезопасности, действует с 1993 г. Закон о биобезопасности²⁴ создает правовую основу, обеспечивающую эффективное функционирование системы биозащиты, предусматривающую: обеспечение лидерства государства в системе гарантий биобезопасности; механизмы финансирования и возмещения затрат в случае причинения ущерба в связи с нарушением требований биобезопасности; своевременное реагирование и борьбу с вредителями и заболеваниями. В 2012 г. были приняты поправки к указанному Закону (Biosecurity Law Reform Act 2012²⁵). Одной из основных задач поправок

²¹ URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2004-2006/2005/Lei/L11105.htm#art42 (дата обращения: 15.03.2023).

²² Закон о потребителях // URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Leis/L8078.htm (дата обращения: 15.03.2023) ; Указ от 24.04.2003 № 4.680 // URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto/2003/D4680.htm#art8 (дата обращения: 22.03.2023).

²³ Laws of Kenya. Biosafety Act No. 2 of 2009 // URL: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/ken89675.pdf> (дата обращения: 22.03.2023).

²⁴ Biosecurity Act of 1993 // URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1993/0095/latest/DLM314623.html> (дата обращения: 22.03.2023).

²⁵ Biosecurity Law Reform Act 2012 // URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2012/0073/latest/DLM3388104.html> (дата обращения: 22.03.2023).

является предотвращение проникновения вредителей и иных организмов, способных нанести вред уникальной природной среде государства. Указанный документ регулирует также создание и использование базы данных по биобезопасности.

В Австралии Закон о биобезопасности принят в 2015 г. (Biosecurity Act 2015²⁶). В перечень рисков данный акт включает проникновение опасных болезней на территорию страны, заражение такими болезнями, а также загрязнение подземных вод и другие чрезвычайные ситуации в биосфере. Его положения основаны в том числе на принятых на себя Австралией обязательствах в соответствии с Соглашением ВТО по применению санитарных и фитосанитарных мер²⁷, Международными медико-санитарными правилами²⁸ и Конвенцией о биологическом разнообразии.

В 2020 г. в указанные документы также были внесены существенные дополнения в связи с пандемией COVID-19. Нововведения затрагивали регламентацию порядка введения чрезвычайного положения в связи с возникновением биологической угрозы.

Примечателен в данном контексте опыт Китайской Народной Республики, в которой в 2020 г. был принят Закон о биобезопасности²⁹ (вступил в силу в 2021 г.). Поводом для скорейшего принятия этого акта послужила пандемия COVID-19. Особенностью документа справедливо можно назвать включение расширенной формулировки понятия «биобезопасность», которое отражает следующие аспекты: контроль за распространением инфекционных болезней человека, карантин животных и растений; исследование, разработку и применение биотехнологий; учреждение и обеспечение биобезопасности лабораторий патогенных микроорганизмов; управление генетическими и биологическими ресурсами человека; пред-

отвращение биологического терроризма и защиту от угрозы применения биологического оружия. Указанный Закон акцентирует внимание в первую очередь на управлении генетическими ресурсами человека как важнейшем аспекте обеспечения биологической, в том числе геномной, безопасности. Законом устанавливается суверенитет над генетическими ресурсами Китая, предусматривается детальное регулирование сбора, хранения, использования и предоставления доступа к генетическим ресурсам человека. Кроме того, актом вводится запрет для иностранных лиц на осуществление сбора и хранения генетических ресурсов в рамках юрисдикции КНР, а также запрет на передачу генетических ресурсов за границу. Вместе с тем за иностранными лицами закреплены ограниченные права на проведение научно-исследовательской деятельности в сотрудничестве с китайской стороной. При этом подчеркивается, что китайская сторона должна принимать участие на всех этапах проведения научного исследования и ее вовлечение в научно-исследовательскую деятельность должно быть существенным.

В отношении Российской Федерации в рамках реализации Основ государственной политики РФ в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу³⁰ 30 декабря 2020 г. был принят Федеральный закон № 492-ФЗ «О биологической безопасности Российской Федерации»³¹. При подготовке законопроекта высказывалось большое количество предложений и замечаний, направленных на его совершенствование. К сожалению, большинство предложений и замечаний приняты во внимание не были.

Следует отметить, что указанный акт определяет понятие «биологическая безопасность» через состояние защищенности населения и

²⁶ URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2020C00127> (дата обращения: 22.03.2023).

²⁷ Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measures // URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/sps_e/spsagr_e.htm (дата обращения: 22.03.2023).

²⁸ International Health Regulations 2005 // URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241580496> (дата обращения: 22.03.2023).

²⁹ Standing Committee of the 13th National People's Congress of the People's Republic of China. Biosecurity Law of the People's Republic of China (EB/OL) // URL: http://m.xinhuanet.com/2020-10/18/c_1126624481.htm. 17.10.2020 (дата обращения: 22.03.2023).

³⁰ Указ Президента РФ от 11.03.2019 № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» // СЗ РФ. 2019. № 11. Ст. 1106.

³¹ СЗ РФ. 2021. № 1. Ст. 31.

окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов с учетом обеспечения допустимого уровня биологического риска.

Закон о биологической безопасности закрепляет перечень биологических угроз, с которыми связываются биологические риски. При этом риски определяются как вероятность причинения вреда здоровью человека, животным, растениям и (или) окружающей природной среде в результате воздействия опасных биологических факторов (учитывается при этом тяжесть такого вреда).

Представленный подход к понятию «биологическая безопасность» нельзя признать соответствующим современным реалиям. Обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве стратегий и специализированных актов национального права зарубежных государств биологическая безопасность связана с необходимостью изыскания новых подходов и способов производства и потребления, учитывающих современные проблемы и особенности, в том числе экономического развития конкретных государств, а также необходимость преодоления глобальных угроз, таких как недостаток ресурсов, негативные изменения климата, деградация почв, значительное увеличение численности населения и др.

Следует четко сформулировать и классифицировать опасные биологические факторы, разработать понятные методики выявления и инструкции, содержащие конкретные действия, с четким указанием полномочий и обязанностей всех заинтересованных субъектов, включая полномочия и обязанности представителей органов власти. При неотъемлемости использования современных медиатехнологий и наличии возможностей оперативного распространения информации необходимо четко определить порядок, формы и сроки раскры-

тия информации, предусмотреть обязанность информирования общественности.

Закон о биологической безопасности регулирует критически важные общественные отношения, что не позволяет ему содержать лишь описательные положения и бланкетные нормы. От четкости формулировок, доступности для понимания его положений не только соответствующими специалистами, разработанности порядка осуществления действий, финансирования, сбора, хранения и передачи информации зависит эффективность предпринимаемых мер, а также жизнь и здоровье населения, сохранность животных и растений, состояние окружающей природной среды.

Пандемия COVID-19 позволила выявить еще одно важное направление регулирования — установление возможности и пределов ограничения прав и свобод человека при обеспечении биологической безопасности. Такие положения необходимо сформулировать предельно четко, не допуская двоякого трактования, а ограничения должны быть минимальными, соответствующими подходам, принятым в международном праве.

Стоит отметить, что значительная часть приведенных в статье актов затрагивает регулирование генетических исследований, а также вопросы создания, обработки, транспортировки, использования и утилизации генетически модифицированных организмов и продуктов из них. Это лишь часть вопросов, относящихся к геномным исследованиям и биологической безопасности. Обеспечение биобезопасности, в том числе безопасности геномных исследований, является одной из важнейших проблем в современных условиях, когда различного рода инфекционные заболевания и угрозы биотерроризма вызывают озабоченность. Особенно в сложившейся геополитической обстановке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генетические технологии и право в период становления биоэкономики : монография / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2020. 648 с.

Калиниченко П. А., Нечаева Е. К. Правовое регулирование исследований и разработок в области человеческого генома и их практического использования: опыт России на основе международных стандартов // Международный правовой курьер. 2019. № 2 (19). С. 25–28.

Кубышкин А. В., Косилкин С. В., Астрелина Т. А. Международно-правовое регулирование генетических исследований, биобанкинга, биоинформатики и репродукции человека: анализ основных международно-правовых актов // Международный правовой курьер. 2019. № 2 (19). С. 29–34.

Мохов А. А. Концепция четырех «био» в праве и законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8 (117). С. 146–154.

Biosafety and biosecurity / Dongsheng Zhou, Hongbin Song, Jianwei Wang, Zhenjun Li, Shuai Xu // Journal of Biosafety and Biosecurity. 2019. № 1. P. 15–18.

REFERENCES

Dongsheng Zhou, Hongbin Song, Jianwei Wang, Zhenjun Li, Shuai Xu. Biosafety and biosecurity. *Journal of Biosafety and Biosecurity*. 2019;1:15-18.

Kalinichenko PA, Nechaeva EK. Legal regulation of research and development in the field of the human genome and their practical use: Russian experience based on international standards. *Mezhdunarodnyy pravovoy kurer*. 2019;2(19):25-28. (In Russ.).

Kubyshkin AV, Kosilkin SV, Astrelina TA. International legal regulation of genetic research, biobanking, bioinformatics and human reproduction: Analysis of the main international legal acts. *Mezhdunarodnyy pravovoy kurer*. 2019;2(19):29-34. (In Russ.).

Mokhov AA, Sushkova OV (eds). Genetic technologies and law in the period of formation of bioeconomics. A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).

Mokhov AA. The concept of four «bio» in law and legislation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;8(117):146-154. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Некотенева Мария Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
mvneketeneva@msal.ru

Пономарёва Дарья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры практической юриспруденции Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
dvponomareva@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria V. Nekoteneva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Integration and European Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
mvneketeneva@msal.ru

Darya V. Ponomareva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Practical Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
dvponomareva@msal.ru

Материал поступил в редакцию 21 июля 2023 г.
Статья получена после рецензирования 23 июля 2023 г.
Принята к печати 12 февраля 2024 г.

Received 21.07.2023.
Revised 23.07.2023.
Accepted 12.02.2024.

Б. В. Назмутдинов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Вклад истории понятий в критическое осмысление государства

Резюме. Статья развивает проблематику критического осмысления феномена государства. Автор осмысляет вклад немецкой истории понятий (Begriffsgeschichte) и британской conceptual history в критическое осмысление возникновения государства как понятия и социального явления в Новое время. Представители этих направлений мысли возводят появление английского State и французского État к XVII в., немецкого Staat — ко второй половине XVIII в. Российские последователи этих традиций исследуют историко-идейный контекст появления государства в XV–XVIII вв. Исследователи подчеркивают, что в Германии понятие государства формируется на два века позже, чем во Франции, однако оно сразу же становится политическим и подчиняет себе остальные значения слова, создавая теоретическую базу для развития государствоведения и публичного права, в то время как французское état и английское state в значении состояния еще долго использовались по отношению к негосударственным политическим и даже неполитическим явлениям. Важным вкладом истории понятий стал поиск идейно-социальных оснований современных государственно-правовых терминов и моделей — государственного суверенитета, гражданства, правового и социального государства, — наделяемых смыслом прежде всего в континентальной традиции. Автор продолжает исследование проблематики критического осмысления государства, начатое в статье «Критические концепции государства и их значение для российской юриспруденции: введение в проблематику» (Lex russica. 2020. № 6. С. 122–138).

Ключевые слова: история понятий; интеллектуальная история права; критические теории государства; правовое государство; политическая философия; понятие государства; происхождение государства; социальное государство; суверенитет; теория государства

Для цитирования: Назмутдинов Б. В. Вклад истории понятий в критическое осмысление государства. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 140–157. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.140-157

The Contribution of the History of Concepts to the Critical Understanding of the State

Bulat V. Nazmutdinov

Associate Professor, the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper develops the problems of critical understanding of the phenomenon of the state. The author comprehends the contribution of the German history of concepts (Begriffsgeschichte) and the British Conceptual History to the critical understanding of the emergence of the state as a concept and social phenomenon in Modern times. Representatives of these lines of thought trace the appearance of the English State and the French État to the 17th century, the German Staat to the second half of the 18th century. Russian followers of these traditions explore the historical and ideological context of the emergence of the state in the 15th–

18th centuries. The researchers emphasize that in Germany the concept of the state is formed two centuries later than that in France, but it immediately becomes political and subordinates the rest of the meanings of the word, creating a theoretical basis for the development of state studies and public law, while the French *état* and English state in the meaning of the state have long been used in relation to non-state political and even non-political phenomena. An important contribution of the history of concepts was the search for the ideological and social foundations of modern state legal terms and models — state sovereignty, citizenship, legal and social state, endowed with meaning primarily in the continental tradition. The author continues the study of the problems of critical understanding of the state, which began in the article «Critical Concepts of the State and their Significance for Russian Jurisprudence: Introduction to the Problem» (*Lex russica*. 2020;6:122-138).

Keywords: history of concepts; intellectual history of law; critical theories of the state; rule of law; political philosophy; concept of the state; origin of the state; social state; sovereignty; theory of the state

Cite as: Nazmutdinov BV. The Contribution of the History of Concepts to the Critical Understanding of the State. *Lex russica*. 2024;77(3):140-157. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.140-157

Государство и право существуют в историческом измерении, поэтому история как наука играет предельно важную роль в развитии юриспруденции и политической теории. Она способствует осмыслению происхождения и эволюции основных государственно-правовых понятий. Немецкая история понятий (*Begriffsgeschichte*) и британская *conceptual history* внесли весомый вклад в историческую контекстуализацию государства, исследование его конкретно-исторических основ, выявление контекста его появления. Это особенно важно, поскольку современное догматико-апологетическое описание государства¹ нуждается в проблематизации, критической истории государства, которую можно увидеть сквозь призму истории понятий.

Догматизм в изучении государства выражается в том, что марксистская по происхождению схема изучения государства (догосударственный строй — рабовладельческое — феодальное — буржуазное государство), лишившись своего критического тезиса об отмирании классов и государственного строя, становится апологией государства, чье происхождение ищут на берегах Нила. Логическим исходом политической эволюции становится не упразднение государства и классового насилия, а укрепление

некоего неолиберального государства², легализующего классовое деление и управляющего людьми на основе принципов верховенства права и представительной демократии.

Важность критической проблематики подчеркивает современный исследователь *conceptual history* Ричард Уотмор: «Если смысл концептов, подобных “демократии”, прослеживается с античных времен и ясен современным носителям языка, то понятие “государство” настолько изменило свое значение, что лишь ученые в состоянии уловить все нюансы и проследить их трансформацию»³. Именно история понятий способна внести большой вклад в расколдование современных воззрений на государство. «Государство» не появляется на берегах великих рек за несколько тысячелетий до нашей эры, как утверждает гидравлическая теория, возраст его сравнительно невелик. Важно узнать, как появилось подобное наблюдение, какая исследовательская методология могла к нему привести.

Две основные традиции

В рамках истории понятий можно выделить две основные ветви: британскую и немецкую⁴. Ключ-

¹ См., например, такое типичное мнение: «Однажды начавшись, этот процесс объединения продолжался со всё возрастающей скоростью и привел к формированию примерно за 4 000 лет до н. э. первых в истории государств (говоря о государстве, я подразумеваю автономную политическую единицу, включающую многие общины в рамках своей территории и имеющую централизованное правительство с полномочиями сбора налогов, призыва людей на работу или войну, а также издания и исполнения законов)» (*Карнейро Р.* Теория происхождения государства // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград, 2006. С. 55).

² См. коллективную монографию: *Что остается от государства в эпоху неолиберализма?* / под ред. К. Беше-Головки, М.-Э. Бодуен, К. В. Карпенко. М., 2023.

³ Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история. М., 2023. С. 52.

⁴ История понятий в нескольких иных вариациях также существует в рамках французской, российской, финской исторической науки. См.: *Понятие государства в четырех языках : сборник статей* / под ред.

чевое основание, объединяющее эти традиции концептуальной истории, — сфокусированность на понятиях, связи слов и явлений, тщательная работа с текстом и историко-лингвистическим контекстом. Однако подходы к тому, что есть понятие, разнятся⁵.

Британская *conceptual history* отказывается от эссенциализации понятий, подчеркивая вариативный, темпоральный, коррелятивный характер их содержания, подход немецкой истории понятий для нее слишком метафизичен. «Понятие» для британской традиции — слово, наделенное временным, контекстуальным значением, а не идея, существующая сама по себе, или же нечто, существующее как таковое в истории. Это есть лишь орудие, единица авторского высказывания, переменная в общей системе языковых координат, отражающая авторскую интенцию.

Ключевое влияние на становление британской традиции *conceptual history* оказали историки Питер Ласлетт (1915–2001) и Робин Джордж Коллингвуд (1889–1943). Благодаря тщательному изучению контекста Ласлетт установил, что знаменитая работа Роберта Фильмера «Патриархия, или Естественное право королей» написана раньше, чем предполагалось. Соответственно, с датировкой меняется контекстуальный статус работы и интенции Филь-

мера, смысл его высказывания. Нечто похожее утверждал Джон Данн, работая с ключевым трудом Джона Локка «Два трактата о правлении». Последний, по мнению Данна, был написан не как ответ на Славную революцию, а до нее — в начале 1680 гг.⁶

Британский ученый Робин Коллингвуд в «Идее истории» (опубликована в 1946 г.) подчеркивал, что для историка наиболее важно понять, какие вопросы при написании текста ставил перед собой изучаемый автор, не навязывая ему собственные⁷. Важно отметить также влияние на формирование традиции *conceptual history* теории речевых актов философа Джона Остина (1911–1960) и в целом аналитической традиции, в частности ключевого суждения Людвиг Витгенштейна (1889–1951), что значение понятия определяется его использованием. Понятие как инструмент, орудие, способ (*concept as a tool*), а не платоновская идея — именно это воззрение предложил классик *conceptual history* Квентин Скиннер (род. в 1940 г.). Следуя сходным путем, его старший современник Джон Агард Покок (1924–2023) исследовал политические языки, политические тексты в конкретной исторической ситуации⁸.

Изучение контекстов, языковых конвенций, существующих в конкретный исторический момент, интенций тех авторов, которые,

О. Хархордина. СПб. ; М., 2002 ; История понятий, история дискурса, история менталитета : сборник статей / под ред. Х. Э. Бёдекера. М., 2010 ; *Копосов Н. Е.* История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб., 2006. С. 9–32.

⁵ «Заслуга объединения германских проектов по истории понятий с англо-американскими принадлежит М. Рихтеру. Его вышедшая в 1995 г. книга «История политических и социальных понятий. Критическое введение» положила начало рецепции и обсуждению немецких работ по истории понятий в англоязычном мире. В 1996 г. Рихтер опубликовал вместе с Хартмутом Леманом сборник докладов конференции, проходившей в Германском историческом институте в Вашингтоне, в которой приняли участие и Козеллек, и Покок. Между самими Козеллеком, Скиннером и Пококом интенсивных дискуссий не состоялось. Козеллек однозначно отверг тезис Покока, согласно которому история понятий представляет собой «вспомогательную дисциплину», и подчеркнул равноправие представляемых ими подходов: «По этой причине я не считаю, что история понятий и история дискурсов могут рассматриваться как несовместимые и противоположные друг другу. Они неизбежно зависят друг от друга. Дискурс нуждается в фундаментальных понятиях, чтобы выразить то, о чем он говорит. А анализ понятий требует владения лингвистическими и экстралингвистическими контекстами, включая те, которые создаются дискурсами»» (*Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И.* «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода : в 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 27).

⁶ См.: *Уотмор Р.* Указ. соч. С. 65 ; *Атнашев Т., Велижев М.* Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 9–10.

⁷ *Коллингвуд Р.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 287–288, 338–346.

См. также: *Скиннер К.* Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (66). С. 55–66.

⁸ См.: *Поккок Дж. Гр. А.* Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М., 2020.

пытаясь написать текст, отвечают кому-либо из современников или классиков, — именно этот метод отстаивали сторонники *conceptual history*⁹, пытаясь понять, *что сделал автор, пытаясь написать тот или иной текст*, кому и по какому поводу он отвечал содержанием своего текста¹⁰.

Классики *conceptual history* отказываются признавать наличие вечных вопросов в истории политической мысли. История политической и правовой мысли перестает быть хрестоматийной генеалогией: от Платона, Аристотеля и Цицерона до Фомы Аквинского, Гоббса и Канта, которые якобы давали ответы на ключевые вопросы¹¹. Интеллектуальная эволюция становится сложной, многоуровневой структурой, где фигуры второго ряда заслуживают в ряде моментов (например, для прояснения причинных связей в части заимствования и развития идей) даже большего внимания, чем классики¹².

Подобный подход нашел свое отражение в трудах не только Покока и Скиннера, но и Джона Данна, Джеймса Талли и других авторов, объединенных в рамках так называемой Кембриджской школы¹³, которую интересовали прежде всего политические идеи раннего Нового времени. «Начиная с 1970-х сторонники лингвистического контекстуализма захватили главенство в интеллектуальной истории»¹⁴. Золотой век истории идей, по мнению Марка Бевира, наступил в конце 1990 гг., чья «Логика истории идей» (1999) вышла в свет под самый конец золотого века методологических разысканий¹⁵.

Подход немецкой истории понятий имеет свои особенности, укорененные в немецкой гуманитарной науке. Это направление подчеркивало связь текстов не только между собой, как это было в рамках *conceptual history*, но с социальным контекстом. На немецкую историю

⁹ Исследователи различают *конвенционализм* Кв. Скиннера и *контекстуализм* Дж. Покока, говоря также об их последователях: «...в то время как контекстуалисты стремятся поместить тексты в языковые парадигмы, понимаемые как дискурсы, составленные из других высказываний и вмещающие в себя сходные послышки, конвенционалисты сосредотачивают внимание на полемике, состоящей из других высказываний на сходные темы» (*Бивир М.* Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010. С. 116). Кажущееся сходство методов не помешало Скиннеру и Пококу прийти к разным выводам об исторических основаниях европейских политических идей. «В частности, Скиннер указывает, что Покок переоценивает значение “Политики” Аристотеля как источника ренессансных представлений о том, что означала для граждан жизнь в качестве равноправных суверенных субъектов в республике с верховенством законов. По мнению Скиннера, в истории становления гражданского гуманизма более серьезную роль сыграл Цицерон, превозносивший гражданские добродетели, республиканское гражданство, возможные при свободном правительстве. Напротив, в случае Покока Цицерон — это в большей мере моральный философ, ставивший во главу угла правосудие, наслаждение благами человеческого общества и их справедливое распределение» (*Уотмор Р.* Указ. соч. С. 100).

¹⁰ Подобный подход встречается прежде всего у Кв. Скиннера. Большинство его работ посвящены идеям XVI–XVII вв., когда количество текстов для осмысления было несравнимо меньше, чем сегодня. Можно ли применить эту методологию к современной ситуации, когда часто невозможно эмпирически проверить, кому и по какому поводу мог ответить автор, пытаясь написать тот или иной текст?

¹¹ *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. С. 54–63.

¹² *Skinner Q.* The Ideological Context of Hobbes’s Political Thought // *The Historical Journal*. 1966. Vol. 9. No. 3. P. 286–317.

¹³ «С точки зрения [англо-венгерского историка Иштвана] Хонта, происходившее в Кембридже в 1970-х гг. может быть названо формированием “антишколы”, объединявшей самых разных по своим воззрениям ученых, разделявших скептицизм в отношении либерального, марксистского, штраусианского и постмодернистского подходов к прошлому» (*Уотмор Р.* Указ. соч. С. 123). О важном значении работ Джона Данна для Кембриджской школы, особенно в части восприятия теории речевых актов в рамках исторического исследования и использования понятия «интенция», см.: *Павлов А. В.* Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // *Логос*. 2018. № 4. С. 268–269. Последняя статья в целом важна для характеристики общего развития методологии в рамках этого направления.

¹⁴ *Уотмор Р.* Указ. соч. С. 69.

¹⁵ *Уотмор Р.* Указ. соч. С. 25.

понятий повлияла герменевтика Ганса-Георга Гадамера (1900–2002) и учение о конкретных социальных порядках Карла Шмитта (1888–1985). При этом история понятий фиксировала своеобразный разрыв с немецкой традицией политической истории XIX в., фокусировавшейся на фигурах первого ряда и основных исторических событиях.

Представители истории понятий (и одновременно редакторы немецкого «Словаря основных исторических понятий»¹⁶) подчеркивали, что под основными историческими понятиями (*geschichtliche Grundbegriffe*) они подразумевали «не термины исторических наук, которые описываются в специальных справочниках и пособиях по методологии, а понятия, имевшие важнейшее значение в ходе исторического процесса, который составляет предмет исследования историков»¹⁷. Такие понятия будто бы схватывают суть ключевых социальных явлений — реальных или предполагаемых: «Каждое понятие, с одной стороны, обобщает некоторый опыт, описывает наличное бытие, а с другой — предполагает некоторую нормативность, своего рода проект будущего»¹⁸. В этом *понятии* можно выделить два ключевых момента — «пространство опыта» (*Erfahrungsraum*) и «горизонт ожидания» (*Erwartungshorizont*), соотношение которых может меняться, что и произошло в Новое время: прежде превалировала «область опыта», теперь горизонт ожиданий существенно опережает опыт.

Ключевое внимание Райнхарт Козеллек (1923–2006) и другие редакторы Словаря уделили так называемому «переломному времени» (*die Sattelzeit*, 1750–1850), когда под влиянием Просвещения стремительно разрушалось сословное общество и ускорялись многие общественные процессы. Именно в этот период появляется немецкое понятие государства (*der Staat*), в определенной степени бывшее не только данностью, но и проектом.

Основными признаками социальных понятий этого периода Козеллек считал темпорализацию, демократизацию, идеологизацию и политизацию. Под демократизацией понималось широкое распространение понятий, ранее используемых только определенными, образованными социальными группами («честь», «достоинство»). Темпорализацией обозначались устремленность понятий в будущее («прогресс», «развитие», а также различные «измы»: «коммунизм», «патриотизм»...) и их потенциальная реактуализация в различные эпохи. Под идеологизацией¹⁹ понималось возрастание абстрактности слова (вместо сословных «свобод» — «свобода» вообще). Политизация связывалась с использованием понятий людьми с противоположными интересами: в рамках политической борьбы меняется смысл этих понятий, появляются слова-лозунги²⁰.

Козеллек подчеркивал, что в основу отбора «легли четыре категории понятий: 1) базовые, связанные с универсальными структурами и со-

¹⁶ Всего вышло восемь томов, «общим объемом около 9 000 страниц, которые включали 122 статьи и подробный указатель» (Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий : избранные статьи : в 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 7). Словарь издавался с 1972 по 2004 г.

¹⁷ Козеллек Р. Введение. С. 24.

¹⁸ Копосов Н. Е. Указ. соч. С. 17–18.

¹⁹ Критика подходов истории понятий показывает границы применимости ее подходов, она полезна прежде всего при разоблачении идеологий: «История понятий, как мне хотелось бы сказать вслед за Хансом Ульрихом Гумбрехтом, уже утратила сегодня свою великую убедительную силу, которую она имела в специфической ситуации Западной Германии послевоенного времени. Лишь тот исторический контекст позволил методу стать дисциплиной. Дополнительное значение, которое было в ней тогда заключено, — ее обещание сберечь нас (посредством критической историзации идеологизированных понятий) от того, чтобы светская утопия еще раз захватила власть над людьми в Европе, — заставило многих историков поверить, что имеет смысл из бесчисленных маленьких камушков строить монументальные «пирамиды духа». Сегодня вызывают страх уже не идеологии, а религии, которые, как известно, ссылаются на Бога, а не на историю. Несомненно, история понятий может выявить определенные аспекты. Эта способность у нее общая со всеми другими оптиками, при помощи которых историки, как они полагают, могут истолковывать прошлое. Однако те свободы, к которым она нас приводит, сегодня нас уже не удовлетворяют» (Шперлинг В. «Спящая красавица»: что делать? Империя как понятие, метафора и сеть взаимодействий // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 2. С. 97).

²⁰ Козеллек Р. Введение. С. 11.

бытийными комплексами (например, “народ”, “нация”); 2) ключевые, необходимые для описания политической и социальной организации (например, “гражданин”); 3) упорядочивающие и классифицирующие (например, “сословие”); 4) важнейшие понятия политических движений и слова-лозунги (например, “коммунизм”)²¹.

Одним из таких важных понятий становится «государство», которое мы более подробно рассмотрим в рамках conceptual history и немецкой истории понятий.

Понятие государства

Постмарксистская типология государств построена на их делении на «рабовладельческое — феодальное — капиталистическое» с устранением социалистического государства и негосударственной стадии коммунизма. Conceptual history влияет на критическое переосмысление этой стадильности. Квентин Скиннер пытается увидеть основу «государства» не в Древнем Египте или Междуречье, а в Западной Европе XVI–XVII вв.

В статье «Государство» (The State, 1989), опубликованной в сборнике под редакцией авторов, представляющих направление critical conceptual history, Скиннер связал возникновение «государства» в европейском политико-правовом дискурсе с мыслителями раннего Нового времени, особо подчеркнув значение Томаса Гоббса в этой политической инновации²².

Исследователи подчеркивают, что Скиннер чуть раньше «пытался предложить образец (своего) подхода в изданной в 1978 г. двухтом-

ной работе “Истоки современной политической мысли”, посвященной эпохам Ренессанса и Реформации. В этом труде он описывает процесс постепенного отождествления государства с искусственной личностью, стоящей над неуправляемыми элементами политического сообщества, что создавали возможность для разрешения повсеместного религиозного конфликта»²³.

Хотя слово *lo stato* использовал Никколо Макиавелли в трактате «Государь» (1513), именно Гоббс, по мнению Скиннера, стал тем, кто назвал словом *state* ту самую искусственную политическую личность, что отлична как от поданных (отпечаток монархической традиции), так и от правящих (влияние республиканских идей).

По Скиннеру, предложенное Макиавелли итальянское понятие *lo stato*, характеризовавшее какое-либо «правление», происходило от римского *status*, обозначавшего не только статус самоуправляемых сообществ, состояние народа, *status rei publicae*, но и *status regis* — статус правящего, короля, монарха²⁴. Однако, введя *lo stato* в широкий политический лексикон, Макиавелли не сформулировал понятия государства. Русскоязычная версия перевода названия его трактата «Государь» более чем условна. На итальянском это звучало как *Il principe* («принц», «принцепс»). В русской традиции последние два слова чаще используются в другом значении («наследник престола», «первый в сенате»), поэтому название трактата переводили как «Князь» или «Государь». Полноценного «государства» здесь еще не было: *lo stato* у Макиавелли обозначало правление, престол, область властвования²⁵.

²¹ Козеллек Р. Введение. С. 8.

Автор подчеркивал: «В действительности можно утверждать, что все современные “-измы” образованы напряжением между опытом (обобщенным в них наличным бытием) и ожиданием (проектом будущего). Эти самые “-измы” являются индикаторами истории понятий. Медленное и постепенное исчезновение сословных структур общества в Европе сопровождалось появлением множества подобных понятий: “патриотизм”, “республиканизм”, “демократизм”, “либерализм”... <...> Эти понятия появились прежде, чем соответствующие им реалии. Так, например, термин либерализм был создан около 1810 года; социализм в его современном понимании, — само слово было значительно старше, — утвердился в 20–30-е годы XIX века. То же самое можно сказать и о коммунизме» (Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010. С. 26).

²² Skinner Q. The State // Political Innovation and Conceptual Change / ed. by T. Ball, J. Farr and R. L. Hanson. Cambridge, 1989. P. 90–131.

²³ Уотмор Р. Указ. соч. С. 94.

²⁴ Скиннер Кв. The State // Понятие государства в четырех языках. С. 14.

²⁵ Скиннер Кв. Указ. соч. С. 23.

По мнению Олега Хархордина, основанному на высказывании Джона Хекстера, *lo stato* у Макиавелли — еще не субъект, а скорее объект власти²⁶. Его приобретают, удерживают, теряют: *mantenero lo stato* означает «сохранять правление».

Государство, по Скиннеру, появляется благодаря изобретению Томаса Гоббса, которому после английской революции XVII в. было важно обосновать абсолютную власть правителя, имеющего не божественное, а народное происхождение. Государство постепенно становится безличным аппаратом, отличным от личности правящего, что ближе к республиканской традиции, но при этом не совпадающим с самим народом, что говорит о влиянии монархистских идей. Нововременное понятие государства (*state*) будто бы становится следствием, побочным эффектом политической инновации — народного обоснования абсолютной власти. При этом *state* у Гоббса еще не полностью отделяется от *commonwealth* (английской кальки *res publica*, «общего дела» или «общей вещи»). В подзаголовке «Левиафана...» упоминается именно *commonwealth*, на русский язык переводимое как государство. Кроме того, английское *state* сохраняет не государственные, но политические значения состояния: например, *state of nature* («естественное состояние»).

Дискуссия о возникновении понятия государства в немецкой традиции испытала влияние Карла Шмитта²⁷, для которого государство не абстрактное социальное понятие, пригодное для описания политических сообществ Шумера, Древней Греции или Германии, а конкретный социальный порядок, связанный с определенной эпохой и конкретным пространством — прежде всего европейским. «Государ-

ство» возникло лишь в раннее Новое время, его образцом (королевского государства, а затем государства-нации) долгое время была Франция. Уже позже юриспруденция и политическая теория придали понятию государства обратную силу и распространили его на всю мировую историю²⁸.

Замечания Шмитта, с которым Козеллек был знаком, вдохновили классиков истории понятий в их исследованиях феномена государства: немецкая история понятий в определенном смысле началась с рассмотрения понятия государства. Различные статьи «Словаря основных исторических понятий» отсылают к проблематике понятия государства. В некоторых из них («Политика», «Гражданское общество») подчеркивается, что «гражданское общество» становится «неполитическим» и «невоенным» примерно в середине XVIII в. До этого периода гражданское общество могло обозначать как политическое общество («государство»), так и множество людей, объединенных в единое целое посредством общественного договора (тем самым отождествляясь с государством)²⁹.

Автор статьи о гражданском обществе Манфред Ридель считает, что немецкое понятие «государство» — неологизм XVIII в.³⁰, что в целом созвучно общему тезису истории понятий. В отличие от Франции или Англии, политические понятия кристаллизовались в Германии значительно позже, переломное время для этой культуры — вторая половина XVIII в. Козеллек объясняет это тем, что различные социально-языковые контексты создают различия и во времени появления самих понятий, привязанных к языку³¹. Так, «термины “история” (*Geschichte*) и “государство” (*Staat*) имели в Германии долгую историю постепенного раз-

²⁶ Хархордин О. Основные понятия российской политики. М., 2011. С. 11.

²⁷ Р. Козеллек был знаком с К. Шмиттом и воспринял его идеи (см.: Горобий А. В. История понятий Карла Шмитта и Райнхарта Козеллека // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2013. Вып. 4. С. 159–170). Р. Уотмор подчеркивает, что «представление Козеллека о политике как о перманентной войне свидетельствует о несомненном влиянии на него Карла Шмитта, хотя он и не разделял стремления последнего к прояснению понятий с целью подтверждения приверженности господствующей идеологии» (Уотмор Р. Указ. соч. С. 54–55).

²⁸ Шмитт К. Государство как историческое понятие, связанное с конкретной эпохой // Логос. 2012. № 5 (89). С. 205–215.

Статья, опубликованная в 1958 г., изначально представляла собой доклад, прочитанный в 1941 г.

²⁹ Ридель М. Общество, гражданское (*Gesellschaft, bürgerliche*) // Словарь основных исторических понятий : избранные статьи : в 2 т. М., 2014. Т. 2. С. 131–135.

³⁰ Ридель М. Указ. соч. С. 171.

³¹ «...Семантика не является всеобщей категорией, а самым тесным образом связана с каждым конкретным языком в отдельности. <...> В настоящий момент мы исследуем в Билефельде сравнительную исто-

вития, за которой последовала быстрая и неожиданная перемена их значения. Сегодняшнее свое значение они получили в Германии в короткий временной промежуток между 1770 и 1800 годами. Интересен пример Франции, где, в противоположность Германии, слово “государство” существовало в своем современном понимании уже в XVII веке»³².

Во введении к словарной статье «Государство и суверенитет» (Staat und Souveränität) Козеллек подчеркивает, что уже в «XIII в. “Status” как “состояние, порядок, положение, ситуация” было офранцузено до “Estat”. Уже в XII в. во французском языке появляются слова “souverain” и “sovrainetez”, образованные от “superanus”»³³. Германизация же римского status произошла только в XV в., заимствование «суверенитета» из французского языка — в XVII в. Причем «Империя [Reich] так и не стала государством во французском понимании этого понятия. Этому соответствует и немецкоязычная история понятия “Staat”. Вплоть до XVIII в. наиболее распространенные коннотации относились к сословиям, обозначая “статус”, “состояние”, “образ жизни”, “достоинство”, “расходы”, “пышность” и “великолепие”, “положение”, “славу” — и всё чаще “правление”, осуществляемое дворянством, особенно князьями в “княжеском государстве”»³⁴.

Таким образом, понятие суверенного государства возникло в Германии в XIX в., на два века позже, чем во Франции. Причем почти сразу это повлекло за собой формирование понятийного аппарата немецкой теории государства, в значительной степени повлиявшее на идейный сдвиг в государственном праве континентальной Европы: «Из государства разума концептуально выводятся: “правовое государство”, “культурное государство”, “священное государство”, реже “христианское государство” или “сословное государство”, “конституционное государство”, “государство власти”, “нацио-

нальное государство”, “народное государство”, “социальное государство”, наконец, “тотальное государство” и государство, которое упраздняет само себя, — прообразы, в той или иной степени ставшие реальностью»³⁵.

Логика, используемая теоретиками немецкой истории понятий, намекает на то, что реальность текстуальных понятий может вызвать к жизни социальные явления; в этом немецкая традиция созвучна англоязычной. Предложенное Макиавелли *lo stato* не предзадало, но способствовало появлению феномена современного государства. Для полноценного рождения государства три знаменитые грани (слово — понятие — социальное явление) должны образовать нечто единое. Социальные понятия не могут быть полноценны вне общественных явлений, если явление как таковое не кристаллизовалось, не возникло из точного определения «государства». Без Вестфальского мира 1648 г., победы суверенных королевств над империей и католическим духовенством государство бы не стало всеобщим политическим понятием. Однако без слова «государство» социального явления, обозначаемого им, также нет. Ни римская республика, ни римская империя, ни средневековые политические образования, по мнению представителей этой традиции, государствами в строгом смысле не являлись.

История понятий и conceptual history считают государством как таковым только то, что возникает в Новое время. Этот тезис историчностью своего подхода предвосхитил Карл Маркс: «Абстракция государства как такового характерна лишь для Нового времени, так как только для Нового времени характерна абстракция частной жизни. <...> В Средние века политический строй есть строй частной собственности, но лишь потому, что строй частной собственности является политическим строем. В Средние века народная жизнь и государственная жизнь тождественны»³⁶.

рию понятий “citizens”, “citoyens” и “Bürger”. Я не хотел бы сейчас углубляться в детали результатов этого проекта, но они недвусмысленно показали, что дебаты XIX века о гражданстве (citizenship) были семантически заданы в Великобритании, Франции и Германии различным образом» (Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии. С. 28).

³² Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии. С. 31.

³³ Staat und Souveränität / Boldt H, Conze W, Haverkate G, Klippel D, Koselleck R. // Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. 6 / Red.: R. Koselleck. Stuttgart, 1990. S. 1.

³⁴ Staat und Souveränität. S. 1.

³⁵ Staat und Souveränität. S. 3.

³⁶ Цит. по: Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2019. С. 91–92.

Рассматривая проблематику смежных с государством понятий, классики истории понятий ссылались на немецких романистов Рудольфа Штарка и Ханса Дрекслера³⁷. Для Штарка римская *res publica* — это не государство: «...у римлян было слово *res publica*, которое часто переводят как “государство”, однако уже фон Виламовиц предупреждал: “Такая холодная абстракция, как государство, слабо соотносится с реальной жизнью; у римлян не было соответствующего термина, а мы пользуемся латинским словом, лишенным его первоначального смысла”. И действительно, изначально *res publica*, “общественное дело”, не могло быть термином для обозначения государственного сообщества <...> [*Res Publica*] никогда не воспринимали как действующее лицо, как носителя государственно-правовых функций; например, *res publica p. R. Qu.* никогда не заключает договоров, а всегда только *senatus populusque Romanus...*»³⁸.

Современный историк римского публичного права Л. Л. Кофанов придерживается иного мнения: «Следует, однако, возразить тем авторам, которые полагают, что римская *res publica* — это принципиально иное понятие, нежели современное понятие “государство”, определяемое как “абстрактная сущность, наделенная некоей собственной юридической субъектностью, отличной от граждан, которые ее составляют”»³⁹. В подтверждение своих слов он приводит ряд словосочетаний (*administratio rei publicae*, *debitor rei publicae*, *agros rei publicae*, etc.) и ссылается на Цицерона, однако аргументация сводится к утверждениям об общенародном характере государства («государство — это достояние народа»), что бьет мимо тезиса о государстве как отдельной юридической личности, отличной от коллективного народного целого.

Важным вкладом истории понятий в теорию государства становится исследование появления таких важных современных политико-правовых конструкций, как правовое и социальное государство (*Rechtsstaat*, *Sozialstaat*), появившихся в Германии в XIX в. Эквивалентов этим понятиям в англо-американской традиции не

было, аналогичные или сходные понятия (*Rule of Law*, *Welfare State*) формировались в иной философско-языковой ситуации.

Манфред Ридель обнажает истоки идеи социального государства, которое в немецком идейном контексте представляет собой преодоление левыми гегельянцами и Лоренцом фон Штейном экономико-эгоистического характера гражданского общества у Гегеля: «Вместо того, что искал Гегель (и не нашел молодой Маркс), а именно возведения гражданского общества в ранг “политического государства”, необходим между государством и обществом (который тогдашним политикам еще нигде не удалось реализовать). Тот “общественный строй взаимного интереса”, который, как считал Штейн накануне революции 1848 г., восходит на горизонте современности как надежда и выход из социального кризиса, нуждался не в “политическом”, а в “социальном” государстве — “социальной демократии”»⁴⁰.

Линия социального государства в Германии постоянно пересекалась с траекторией правового государства. Манфред Ридель подчеркивает, что если «Рудольф фон Гнейст надеялся преодолеть социальный кризис эпохи с помощью “правового государства”, которое вместо дуализма государства и общества имело бы своим содержанием “взаимоотношения” между ними, то в вильгельмовскую эпоху наблюдается всё большее расхождение терминологических концепций обеих партий, что соответствовало социальной реальности гражданского общества как классовой формации. Соединение концепций “правового государства” и “социального государства”, которое в 1860-х гг. еще казалось возможным и отвечало бы логике исторической эмансипации современных буржуазии и рабочего класса, не состоялось. Государство гражданского общества стало — как правильно отмечали теоретики германской социал-демократии и Ленин — “буржуазным государством” (*bürgerliche Staat*), которое только после потрясений двух мировых войн и последовавших за ними социальных революций вновь вступило в процесс европейского социально-освободительного движения»⁴¹.

³⁷ См. об этом: Хархордин О. В. Предисловие // *Res Publica: история понятия*. СПб., 2009. С. 6.

³⁸ Штарк Р. *Res Publica* // *Res Publica: история понятия*. СПб., 2009. С. 7, 46–47.

³⁹ Кофанов Л. Л. Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата. М., 2020. С. 164–165.

⁴⁰ Ридель М. Указ. соч. С. 198.

⁴¹ Ридель М. Указ. соч. С. 217.

Разумеется, история политико-правовых понятий существовала не в безвоздушном пространстве. Большую понятийную работу в этой области проделала немецкая юридическая наука, в том числе в сфере публичного права. Современный юрист и историк права Михаэль Штолляйс со ссылкой на Р. Вольфа подчеркивает, что формула «социальное правовое государство» впервые была использована в работе Р. Пилоти и Ф. Шнайдера об административном праве Баварии и всей Германии, датированной 1921 г.⁴² Тем не менее Ридель подчеркивает идейную пропасть между двумя понятиями, которую нельзя снять словосочетанием «социальное и правовое». При этом общие выводы, касающиеся государственного суверенитета как компромиссного понятия XIX в. (между суверенитетом правителя и народным суверенитетом) и постепенного расхождения понятий «суверенитет» и «государство», в традициях истории понятий и истории публичного права совпадают.

Таким образом, ключевой вклад представителей истории понятий и *conceptual history* — в новом восприятии государства как идеи и социального института, возникших в Новое время. Английское *State* и французское *État* возводят к XVII в., немецкое *der Staat* — ко второй половине XVIII в. Ключевая работа Квентина Скиннера о понятии государства и словарная статья Козеллека и его коллег, посвященная сходной теме, написаны примерно в то же время — на рубеже 1980–1990 гг. В них содержатся созвучные тезисы, причастные к разным языковым контекстам. Государство перестают искать в Междуречье и Древней Греции, государство — европейский феномен Нового времени.

При этом в европейских языках процессы шли асинхронно. Немецкоязычный контекст

развития понятия государства Козеллек сравнивает с узким местом песочных часов: германское понятие государства формируется на два века позднее, чем во Франции, однако оно сразу становится политическим и подчиняет себе остальные значения слова⁴³, создавая теоретическую базу для развития государствоведения и публичного права, в то время как французское *état* и английское *state* еще долго относятся к негосударственным политическим и даже неполитическим явлениям.

«Государство» в русской истории

Проблематике появления «государства» в русской истории посвящены работы петербургского историка М. М. Крома. Автор выступает последователем подхода Козеллека и его единомышленников, которых он именует «билефельдской школой истории понятий»⁴⁴.

Основываясь на подобном подходе, Кром отвергает этимологические спекуляции Ричарда Пайпса, полагавшего, что сущность и происхождение «государства» в России неразрывно связаны с «государем» (*dominus*). По мнению Пайпса, западноевропейские понятия государства происходят от римского *status*, положения общества, а вовсе не личности правителя, русское же понятие вырастает из княжеской вотчины, власти-собственности правителя⁴⁵.

Кром опровергает тезисы Пайпса, опираясь на общий подход Людвиг Витгенштейна и кембриджской школы. Значение понятия определяется практиками его использования, а не первичным родством корней слов: «Словам свойственно с течением времени менять свое значение. Как убедительно показал Кв. Скиннер, “state” и другие производные от техниче-

⁴² Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. М., 2017. С. 195.

⁴³ Staat und Souveränität. S. 2–3.

⁴⁴ «Мысль Козеллека о понятии как одновременно индикаторе и факторе происходящих в обществе перемен хорошо иллюстрирует история понятия “государство”» (Кром М. М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю? М., 2013. С. 119).

⁴⁵ Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятие и политические идеи в России XVI–XX веков. Вып. 5. СПб., 2006. С. 55–56.

Популяризатором мнения Пайпса в российской теории государства стал В. А. Четвернин: «Следовательно, юридическое понятие государства должно строиться на различении государственности как феномена правовой культуры (феномен типа *res publica* или *state*) и как феномена потестарной культуры (государство в буквальном смысле, “государь-ство”). В принципе такое различение вполне уместно, но по форме оно невыразимо на русском языке. Поскольку в российской культуре так и не сложился

ского термина римского права “status” долгое время сохраняли смысловой оттенок личной власти короля, и отнюдь не сразу за ними закрепилось современное значение государственного аппарата, системы управления. Поэтому этимология может самое большее указать начальную точку эволюции понятия, но она никак не может заменить кропотливую работу по выявлению разных случаев словоупотребления...»⁴⁶. В противном случае, по Крому, может возникнуть эффект ложного сходства: несмотря на то, что русского и литовского правителей называли «господарями» («государями»), второго вовсе не именовали самодержцем, и его власть, полномочия были иными.

Следуя за Козеллеком, Кром опирается на Макса Вебера и его идею различения бюрократического аппарата государства и личности правящих, свойственного периоду рационально-легальной легитимности, «безлично ориентированного бюрократического господства». Такого господства в древнерусский период еще не было, кристаллизация «государства» началась лишь в конце XV в.

Кром подчеркивает, что «государство» в письме Ивана III 1478 г. побежденным новгородцам обозначало его свойство быть «государем»⁴⁷, «государство» — атрибут власти великого князя, в том числе над Новгородской землей⁴⁸. Иван III называет себя «государем», объявляя, что отныне посаднику, вечу и колоко-

лу в Новгороде «не быти»⁴⁹. «Государь» выступает тем самым как публично-правовой субъект, ранее же это слово обозначало хозяина земли, на которой трудились зависимые крестьяне, то есть, выражаясь современным языком, он был субъектом частного права.

В середине XVI в. «государство», по Крому, уже могло обозначать правление, «государствование», престол, власть государя над подданными, территорию, подвластную государю⁵⁰, но, вопреки мнению Пайпса, совсем не вотчину: «Царь-собственник, царь-вотчинник — такой образ совершенно чужд русскому политическому дискурсу XVI в.»⁵¹.

В законодательном памятнике, по мнению М. М. Крома, государство впервые появляется в 1550 г. «Здесь государство» упоминается в Судебнике Ивана IV, «причем сразу — в обобщающем смысле всей страны»⁵². Смутное время и отсутствие легитимного правителя способствовали постепенному растождествлению государя и государства: «за период с конца XV по начало XVII в. понятие государства в России пережило значительную эволюцию: от полного отождествления его с личностью государя до осознания множеством провинциальных дворян и горожан своей политической общности через причастность к некоему целому, называемому “Московским государством” или “царством”»⁵³.

Подобный процесс, по Крому, аналогичен эволюции, произошедшей в Европе: Франция

феномен типа *res publica* или *state* и для обозначения публично-властных институтов, мы пользуемся терминами “государство” и “государственность”, то невозможно, например, перевести на русский язык с английского рассуждение о том, что в России до Петра I вообще не было *state*, да и после него *state* здесь плохо приживается; в переводе получается, что в России нет государства (?!). Еще меньше понятно русскому читателю следующее утверждение: “Государство (*state*) есть определенный тип правления, при котором суверенитет ограничен конституцией, писаной или неписаной”. С таким же успехом можно утверждать, что понятие “королевство” предполагает конституционную монархию. Таким образом, чтобы дать на русском языке, скажем, “*der juristische Staatsbegriff*” в его либертарианской версии, нужно либо вводить понятие “стейт”, либо, говоря о “юридическом понятии государства”, объяснять, что мы имеем в виду совсем не то, что означает русское слово “государство”, а то, что обозначается терминами *stato*, *state*, *Staat*, *Etat*, etc.» (Четвернин В. А., Яковлев В. А. Институциональная теория и юридический либертаризм // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М., 2009. С. 234–235).

⁴⁶ Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века. С. 56.

⁴⁷ О различии понятий «государь» и «господарь» см.: Хархордин О. А. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках. С. 168–169.

⁴⁸ Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века. С. 58.

⁴⁹ Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века. С. 58.

⁵⁰ О. А. Хархордин указывает, что «один западнорусский... источник из Вильно в 1494 г. содержит выражение “a hranica naszemu hosudarstwu”» (Хархордин О. А. Что такое «государство»? С. 173).

⁵¹ Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века. С. 62.

⁵² Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века. С. 63.

⁵³ Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века. С. 63–64.

рубежа XIII–XIV вв. и Московское княжество на стыке XV–XVI вв. находились на начальной стадии становления государства Нового времени⁵⁴. Параллелизм усматривается и в области роста объема документации, причем с заметным запаздыванием. Так, правление французского короля Роберта Благочестивого (996–1031) оставило после себя 108 актов или их упоминаний. Филипп Август (1180–1204), при котором и начался активный рост документации, — около 2,5 тыс. актов. Филипп Красивый (1285–1315) — уже 50 тыс. актов. В Московском княжестве в XV в. было около 2 тыс. актов. Больше всего — при Иване III, при котором число актов сопоставимо с количеством документов при Филиппе Августе. Объем делопроизводства тесно связан с численностью правительственной бюрократии. При французском короле Франциске I (1515–1547) королевских чиновников было около 4 тыс., в 1573 г. — уже 20 тыс. При его современнике Василии III (1505–1543) в Московской Руси был лишь 121 дьяк⁵⁵.

В отличие от Крома, политический мыслитель Олег Хархордин заявляет о зеркальности, а не тождественности процессов в Западной Европе и России: «В русском языке, как кажется на первый взгляд, аналогичный результат был достигнут, но как бы в форме зеркального отражения: мысль о различии между персонай правителя и государством насаждалась абсолютистскими мыслителями (и часто — самими монархами), тогда как субъект действия под названием государство был концептуально противопоставлен подданным прежде

всего в зарождающейся республиканской традиции»⁵⁶.

Хархордин считает, что государство стало «обозначать аппарат управления, независимый как от правителя, так и от управляемых», в России только в первой половине XVIII в. благодаря появлению идеи «общего блага», когда появилась триада «правитель — государство — подданные»⁵⁷. При этом «только большевики после 1917 г. превратили “государство” в часть повседневной жизни каждого гражданина России и сделали нововременное значение этого слова очевидным для всех. То, что Скиннер называет дважды абстрактным характером современного государства, было достигнуто, когда государство как автономная машина власти начало вторгаться в жизнь большинства советских людей — и стало казаться для многих реальностью, отличающейся как от личностей его руководителей, так и от людей»⁵⁸.

Таким образом, сторонники применения истории понятий к российскому контексту приходят к выводу, что процесс формирования государства в России в целом сходен с процессами в Западной Европе с разницей во времени примерно в два столетия⁵⁹. «Государство» не обладает в России уникальной сущностью — тем самым российские сторонники истории понятий опровергают, с одной стороны, радикальные мнения Ричарда Пайпса и иных авторов, решительно отличавших российское «государство» от State, État и др., с другой — суждения русских евразийцев, полагавших, что российско-евразийская государственность в корне отлична от

⁵⁴ Кром М. М. Рождение государства Нового времени в России и Западной Европе: сравнительно-историческая перспектива // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 33.

⁵⁵ Кром М. М. Рождение государства Нового времени в России и Западной Европе. С. 30.

⁵⁶ Хархордин О. А. Что такое «государство»? С. 190.

⁵⁷ Хархордин О. А. Что такое «государство»? С. 174.

⁵⁸ Хархордин О. А. Что такое «государство»? С. 189.

⁵⁹ Сторонники более тонкого нюансирования подчеркивают различия в социально-языковых контекстах каждой из культур: «Если сравнить... семантические изменения в Российской империи со сходными процессами в Западной Европе, то бросается в глаза тот факт, что переломное время (*Sattelzeit*), по меньшей мере в отношении понятийного поля *цивилизации*, приходится тут на период куда более ранний, нежели выделенные Козеллеком 1750–1850-е годы. В России, как и во Франции и Голландии, эти ключевые семантические изменения произошли на пятьдесят лет раньше, чем в Германии. Это наблюдение обнажает проблематичность всякой попытки сравнительной европейской истории понятий в жестких границах определенного временного отрезка. Поэтому для подобного анализа необходимо выделять хронологический отрезок так называемого переходного переломного времени на материале каждого конкретного региона» (Вульпиус Р. К семантике империи в России XVIII века: понятийное поле цивилизации // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 2. С. 70).

западноевропейских явлений и не может быть описана в терминах какой-либо иной, не российской политической традиции⁶⁰.

Российская версия истории понятий предполагает, что государство в русской традиции возникает только в Новое время, что, конечно, расходится с более традиционными взглядами. Советско-российский историк С. О. Шмидт, на работы которого неоднократно ссылался М. М. Кром, считал, что Московское княжество было государством с момента своего основания⁶¹. Слово сочетание «Московское государство» получает распространение при Борисе Годунове, но встречается уже при Иване Грозном, который пишет, что во время опричнины «оставил свое государство»⁶²: «государством московским» именовали земщину⁶³. Позднее «Московское государство», по Шмидту, могло обозначать не только всю территорию государства, но и его сугубо «московские» территории, «московскую землю»⁶⁴. В источниках отсутствовала, как подчеркивает Шмидт, терминологическая дисциплина, появившаяся только с появлением словарей⁶⁵.

Дореволюционный юрист Н. Н. Дебольский находил основание «государства» не в Московской Руси, а в северо-западных княжествах: «... ни государство, ни учреждения не фигурируют в качестве контрагентов. Так было в Москве. Но мы видели ранее, что в Великом Новгороде есть некоторое основание говорить о существовании идеи государства независимо от представителя власти. То же было и во Пскове. В этих двух городах, где коллективный строй правления при громадном значении веча и частой смене князей не позволял олицетворить государство в князе, мы встречаем государство как собирательное целое не только в сфере полити-

ческих сношений и мероприятий, но и в сфере гражданского оборота»⁶⁶.

Современный исследователь Северо-Западной Руси П. В. Лукин при описании новгородского веча пользуется сходными аргументами. Автор представляет вече собранием, «в котором участвовал “политический народ” средневековой республики со своими высшими магистратами. <...> ...Вече оказывается политическим органом Новгородской республики (если угодно, институтом)»⁶⁷. В таком контексте вече становилось, по сути, государственным органом, действовавшим от лица всего Новгорода как политического целого.

Таким образом, современная российская теория государства и история права, укорененные в юридической традиции, следуют в целом за постсоветским идейным нарративом. Российские историки в целом следуют за признаками государства, выделенными Фридрихом Энгельсом, среди них — отчуждение власти от населения и территориальная организация власти⁶⁸.

Сторонники такого подхода считают, что первые (рабовладельческие) государства возникают на Древнем Востоке. Российская же государственность, с элементами рабства или же без них, возникает в Древней Руси⁶⁹. Укрепляясь и разрастаясь в рамках Московского княжества и развиваясь разнонаправленно в Северо-Западной Руси, она консолидируется в рамках объединенного Российского государства.

«Государственность» в таком контексте противостоит первобытнообщинному строю, о появлении государства сигнализирует наличие крепкой княжеской власти и коллективного собрания (веча)⁷⁰, иных властных органов. Относительно единое древнерусское государство,

⁶⁰ См. об этом: Назмутдинов Б. В. Законы из-за границы: политико-правовые аспекты классического евразийства. М., 2016.

⁶¹ Шмидт С. О. «Московское государство»: к объяснению наименования Российского государства XVI–XVII столетий // Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 273.

⁶² Шмидт С. О. Указ. соч. С. 274.

⁶³ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 274, 275.

⁶⁴ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 286.

⁶⁵ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 293.

⁶⁶ Дебольский Н. Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. СПб., 1993. С. 325.

⁶⁷ Лукин П. В. Новгородское вече в XIII–XV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог: материалы круглого стола. СПб., 2012. С. 57.

⁶⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М., 2010. С. 190–191.

⁶⁹ См. трактовку холопства как рабства: Фроянов И. Я. Зависимые люди Древней Руси. СПб., 2011.

в подобной оптике, распадается около 1132 г., на смену ему приходит «удельный период» (термин XIX в.), или «период феодальной раздробленности» (термин XX в.), выразившийся сначала в княжеско-владельческой, а затем и в военно-политической разделенности древнерусской территории, существовании целого ряда независимых княжеств»⁷¹. К началу татаро-монгольского вторжения Русь «делилась на 18 крупных государственных образований, имевших в своем составе около десятка удельных княжеств»⁷², — подчеркивает историк древнерусской государственности В. А. Кучкин.

При этом российская история понятий сходится с более традиционным видением в том, что формирование государства было тесно связано с постепенной монополизацией законодательства монархом. Единоличный правитель в XI–XV вв., помимо военных задач, традиционно исполнял судебные функции, законодательная власть русскому царю начала приписываться с XVII в.: «В московской политической мысли XVI — первой половины XVII в. практически отсутствовали представления о монархе как о творце законов — законодателе. Равным образом практически отсутствовали представления о таком инструменте правления, а также ограничителе произвола, как закон. <...> Понятие законодатель («законодавец») по преимуществу относилось к Моисею и Христу, шире — к Богу»⁷³.

Распространение через западнорусские земли европейских идей, а также раскол в церкви привели к тому, что к 1670–1680 гг. «в правящей и интеллектуальной элите постепенно распространяются представления о том, что монарх управляет государством с помощью закона»⁷⁴. «С начала большой реформы государственного

управления, подготовка к которой началась в 1715 г., Петр I все активнее и чаще выступал как законодатель, от чьего имени издавались указы, регламенты, инструкции и указы, к созданию которых он прилагал значительные усилия. <...> Укажем при этом на использование как синонима слова закон полонизма правы (от польск. prawa — «законы»), что свидетельствовало о польском и западнорусском влиянии»⁷⁵, — подчеркивает М. А. Киселев в статье из двухтомника «Понятия о России», чье название отсылает к традиции Козеллека.

В XVIII в. постепенно сформировалось «представление о законе как о воле государя, соответствующим образом зафиксированной и оформленной. Подобная тенденция в направлении разграничения слова императора и закона повышала ответственность венценосной особы за принимаемые решения и стимулировала рост уважения подданных именно к законодательному акту, а не к любой прихоти монарха»⁷⁶. В этом же столетии, «вероятно в 1720-е годы, термин конституция приобретает значение «узаконение», зафиксированное впервые в Новом лексиконе 1755 года»⁷⁷.

К этому времени формируется самодержавная, не зависящая от духовенства и иных институтов, власть русского царя и связанное с ней устойчивое понятие централизованного государства. Следствием этого процесса становится появление юридизированного, постепенно эмансипируемого от религии и морали понятия права, исходящего от суверенной публичной власти, чего более ранний период еще не знал. В такой перспективе вклад истории понятий становится еще более очевидным, она помогает исследовать не только появление государства, но и особенности происхождения

⁷⁰ Историк П. П. Толочко тем не менее подчеркивает догосударственное происхождение веча (*Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII вв.* СПб., 2011. С. 156).

⁷¹ Кучкин В. А. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках // *Отечественная история*. 2003. № 3. С. 71–80. С. 73.

⁷² Кучкин В. А. Указ. соч. С. 76.

⁷³ Киселев М. А. Правда и закон во второй половине XVII — первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1. С. 51.

⁷⁴ Киселев М. А. Указ. соч. С. 58.

⁷⁵ Киселев М. А. Указ. соч. С. 63.

⁷⁶ Марасинова Е. Н. Закон в России второй половины XVIII века // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1. С. 74–75.

⁷⁷ Бадалян Д. С. Понятие конституция в России XVIII–XIX веков: от постановления сейма и узаконения к венчанию здания и правовому порядку // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1. С. 153.

позитивистского понятия права в русской традиции — именно того права, что необходимо увязывать с централизованной властью.

Заключение

Историю понятий и *conceptual history* можно рассматривать в рамках критических концепций осмысления государства. В отличие от марксистской критики, фокусирующейся прежде всего на социальной реальности, эти традиции делают акцент на необходимости тщательного изучения понятийно-языкового контекста возникновения государства. В рамках марксистского подхода не может быть признано, что государство возникает только тогда, когда возникает одноименное понятие. Такая сконцентрированность на текстах обнажает, по Марксу, *идеологический* характер политической речи: в Древней Греции существовало государство, поскольку классы боролись друг с другом. То, что привилегированные свободные греки говорили о полисе как о самоуправляющейся общине, не затрагивало подлинно политического нерва античного общества. Основные линии политической напряженности, по Марксу, проходили не меж-

ду свободными греками, а между греческими рабовладельцами и их рабами.

История же понятий, сосредотачиваясь прежде всего на текстах, а уже потом на их социальном и перформативном значении, пытается выстроить внутреннюю, текстуально-позитивистскую критику, подвергая сомнению традицию перевода и марксистскую редукцию различных политических форм к государству. Этатизация греческого полиса и римской *res publica*, династических правлений путем корректирующего перевода демистифицируется историей понятий и *conceptual history* при аккуратной работе с политическими языками.

Таким образом, основной вклад представителей истории понятий и *conceptual history* состоит в новом восприятии государства как идеи и социального института, возникших в Новое время. Появление английского *State* и французского *État* возводят к XVII в., немецкого *der Staat* — ко второй половине XVIII в. Важным вкладом этих направлений мысли также стал поиск идейно-социальных оснований современных государственно-правовых терминов и моделей — суверенитета, гражданства, правового и социального государства, — наделяемых смыслом прежде всего в континентальной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадалян Д. А. Понятие «конституция» в России XVIII–XIX веков: от постановления сейма и узаконения к венчанию здания и правовому порядку // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. / под ред. А. И. Миллера, Д. А. Сдвижкова, И. Ширле. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 151–174.

Вульпиус Р. К семантике империи в России XVIII века: понятийное поле цивилизации // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. / под ред. А. И. Миллера, Д. А. Сдвижкова, И. Ширле. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 50–70.

Горобий А. В. История понятий Карла Шмитта и Райнхарта Козеллека // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2013. Вып. 4. С. 159–170.

Дебольский Н. Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 440 с.

История понятий, история дискурса, история менталитета : сборник статей под ред. Х. Э. Бёдекера. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 312 с.

Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Московская высшая школа социальных и экономических наук ; сост.: Т. Атнашев, М. Велижев. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.

Киселев М. А. Правда и закон во второй половине XVII — первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. / под ред. А. И. Миллера, Д. А. Сдвижкова, И. Ширле. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 49–65.

Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий : избранные статьи : в 2 т. / сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М. : Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 23–44.

Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии // История понятий, история дискурса, история менталитета : сборник статей / под ред. Х. Э. Бёдекера : пер. с нем. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.

- Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М. : Наука, 1980. 486 с.
- Копосов Н. Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006. С. 9–32.
- Кофанов Л. Л. Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата. М. : Индрик, 2020. 600 с.
- Кром М. М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю? / отв. ред.: Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М. : Роспэн, 2013. С. 94–125.
- Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков : сборник научных работ. Вып. 5. СПб., 2006. С. 54–69.
- Кром М. М. Рождение государства Нового времени в России и Западной Европе: сравнительно-историческая перспектива // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 27–36.
- Кучкин В. А. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках // Отечественная история. 2003. № 3. С. 71–80.
- Лукин П. В. Новгородское вече в XIII–XV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог : материалы круглого стола. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012. С. 10–60.
- Марасинова Е. Н. Закон в России второй половины XVIII века // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. / под ред. А. И. Миллера, Д. А. Сдвижкова, И. Ширле. М. : Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 66–93.
- Павлов А. В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 261–302.
- Покок Дж. Гр. А. Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 888 с.
- Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.
- Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (66). С. 55–66.
- Скиннер Кв. The State // Понятие государства в четырех языках : сборник статей / под ред. О. Хархордина. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002. С. 12–74.
- Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с.
- Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 200 с.
- Хархордин О. Основные понятия российской политики. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 328 с.
- Хархордин О. А. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках : сборник статей / под ред. О. Хархордина. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002. С. 152–217.
- Четвернин В. А., Яковлев В. А. Институциональная теория и юридический либертаризм // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М. : Высшая школа экономики, 2009. С. 217–239.
- Шмидт С. О. «Московское государство»: к объяснению наименования Российского государства XVI–XVII столетий // Россия Ивана Грозного. М. : Наука, 1999. С. 255–301.
- Шмитт К. Государство как историческое понятие, связанное с конкретной эпохой // Логос. 2012. № 5 (89). С. 205–215.
- Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. М. : Политическая энциклопедия, 2017. 663 с.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М. : Либроком, 2010. 240 с.
- Skinner Q. The Ideological Context of Hobbes's Political Thought // The Historical Journal. 1966. Vol. 9. № 3. P. 286–317.
- Skinner Q. The State // Political Innovation and Conceptual Change / ed. by T. Ball, J. Farr and R. L. Hanson. Cambridge, 1989. P. 90–131.
- Staat und Souveränität / Boldt H, Conze W, Haverkate G, Klippel D, Koselleck R. // Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. 6 / red.: R. Koselleck. Stuttgart : Klett-Cotta, 1990. S. 1–105.

REFERENCES

- Badalyan DA. The concept of the «constitution» in Russia of the 18th–19th centuries: From the resolution of the Sejm and legalization to the topping of the building and the legal order. In: Miller AI, Sdvizhkov DA, Shirle I (eds). «Concepts about Russia»: On the historical semantics of the Imperial period. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2012. Pp. 151–174. (In Russ.).
- Boldt H, Conze W, Haverkate G, Klippel D, Koselleck R. Staat und Souveränität. Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. 6. Red.: R. Koselleck. Stuttgart: Klett-Cotta; 1990. Pp. 1–105.
- Chetvernin VA, Yakovlev VA. Institutional theory and legal libertarianism. Yearbook of Libertarian Legal Theory. Vol. 2. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2009. Pp. 217–239. (In Russ.).
- Collingwood R. The idea of the history. Autobiography. Moscow: Nauka Publ.; 1980. (In Russ.).
- Debolsky NN. Civil legal capacity under Russian law until the end of the 17th century. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha; 1903. (In Russ.).
- Engels F. The origin of the family, private property and the state: in connection with the research of Lewis G. Morgan. Moscow: Librocom Publ.; 2010. (In Russ.).
- Gorobiy AV. The history of concepts by Carl Schmitt and Reinhart Koselleck. *Vestnik TvGU*. Philosophy Series. 2013;4:159–170. (In Russ.).
- Kharkhordin OA. The basic concepts of Russian politics. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2011. (In Russ.).
- Kharkhordin OA. What is a «state»? The Russian term in the European context. The concept of the state in four languages. St. Petersburg: Evrop. un-t v S.-Peterb. Publ.; 2002. Pp. 152–217. (In Russ.).
- Kiselev MA. The truth and the law in the second half of the 17th — first quarter of the 18th century: From the monarch-judge to the monarch-legislator. In: Miller AI, Sdvizhkov DA, Shirle I (eds). «Concepts about Russia»: On the historical semantics of the Imperial period. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2012. Pp. 49–65. (In Russ.).
- Kofanov LL. The system of Roman public law of the era of the Republic and the Principate. Moscow: Indrik Publ.; 2020. (In Russ.).
- Koposov NE. The history of concepts yesterday and today. Historical concepts and political ideas in Russia of the 16th–20th centuries. St. Petersburg: Evrop. un-t v S.-Peterb. Publ.; 2006. Pp. 9–32. (In Russ.).
- Koselleck R. Introduction. Dictionary of basic historical concepts. Selected articles: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2014. Pp. 23–44. (In Russ.).
- Koselleck R. On the question of temporal structures in historical development. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2010. Pp. 21–33. (In Russ.).
- Krom MM. The birth of the «state»: From the history of the Moscow political discourse of the 16th century. In: Historical concepts and political ideas in Russia of the 16th–20th centuries. Vol. 5. St. Petersburg; 2006. Pp. 54–69. (In Russ.).
- Krom MM. The birth of the Modern State in Russia and Western Europe: A comparative historical perspective. In: The works of the Department of Russian History from ancient times to the 20th century. St. Petersburg: Publishing House of the Saint-Petersburg University; 2006. Pp. 27–36. (In Russ.).
- Krom MM. The use of concepts in research on the history of Pre-Petrine Russia: Changing milestones and new landmarks. In: Garreta G, Dyufu G, Pimenova L (eds). How do we write history? Moscow: Rospen Publ.; 2013. Pp. 94–125. (In Russ.).
- Kuchkin VA. Formation and development of the state territory of the Eastern Slavs in the 9th–13th centuries. *Otechestvennaya istoriya*. 2003;3:71–80. (In Russ.).
- Lukin PV. Novgorod Veche in the 13th–15th centuries. Historiographical constructions and data of Hanseatic documents. Disputes about the Novgorod Veche: Interdisciplinary dialogue. Proceedings of the round table. St. Petersburg: Evrop. un-t v S.-Peterb. Publ.; 2012. Pp. 10–60. (In Russ.).
- Marasinova EN. The law in Russia of the second half of the 18th century. In: Miller AI, Sdvizhkov DA, Shirle I (eds). «Concepts about Russia»: On the historical semantics of the Imperial period. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2012. Pp. 66–93. (In Russ.).
- Pavlov AV. The Adventures of the Method: The Cambridge School (of Political Thought) in Contexts. *Logos*. 2018;4:261–302. (In Russ.).
- Pocock JGA. The Machiavelli moment. Florence's political thought and the Atlantic Republican tradition. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2020. (In Russ.).

- Schmidt SO. «The Moscow State»: An explanation of the name of the Russian state of the 16th-18th centuries. In: Schmidt SO. *Russia of Ivan the Terrible*. Moscow: Nauka Publ.; 2010. Pp. 255–301. (In Russ.).
- Schmitt C. The state as a concrete concept associated with a certain historical epoch. *Logos*. 2012;5(89):205–215. (In Russ.).
- Skinner Q. Collingwood's Approach to the History of Political Thought: formation, Challenge, Prospects. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004;2(66):55–66. (In Russ.).
- Skinner Q. Meaning and understanding in the history of ideas. *The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2018. Pp. 53–122. (In Russ.).
- Skinner Q. The Ideological Context of Hobbes's Political Thought. *The Historical Journal*. 1966;9(1):286–317.
- Skinner Q. The State. In: Ball T, Farr J, Hanson RL (eds). *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge; 1994. Pp. 90–131.
- Skinner Q. The State. The concept of the state in four languages. St. Petersburg: Evrop. un-t v S.-Peterb. Publ.; 2002. Pp. 12–74. (In Russ.).
- Stolleis M. *The History of Public Law in Germany: The Weimar Republic and National Socialism*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ.; 2017. (In Russ.).
- Teschke B. *The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Creation of Modern International Relations*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2019. (In Russ.).
- The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2018. (In Russ.).
- The history of concepts, the history of discourse, the history of mentality*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2010. (In Russ.).
- Vulpus R. Towards the semantics of Empire in Russia of the 18th century: The conceptual field of civilization. In: Miller AI, Sdvizhkov DA, Shirle I (eds). «Concepts about Russia»: On the historical semantics of the Imperial period. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2012. Pp. 50–70. (In Russ.).
- Whatmore R. *What is intellectual history?* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2023. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Назмутдинов Булат Венерович, кандидат юридических наук, доцент Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
д. 84, Вернадского пр., г. Москва 119606, Российская Федерация
bv.nazmutdinov@igsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bulat V. Nazmutdinov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Higher School of Jurisprudence, Institute of Public Administration and Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
bv.nazmutdinov@igsu.r

Материал поступил в редакцию 13 декабря 2023 г.
Статья получена после рецензирования 25 декабря 2023 г.
Принята к печати 12 февраля 2024 г.

Received 13.12.2023.
Revised 25.12.2023.
Accepted 12.02.2024.

ISSN 1729-5920

9 771729 592008